В. И. ДОРОШКЕВИЧ

НОВОЛАТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ

В. И. ДОРОШКЕВИЧ

НОВОЛАТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

Первая половина XVI в.

МИНСК «НАУКА И ТЕХНИКА» 1979

Редактор
кандидат филологических наук
В. А. Чемерицкий

Рецензенты:
кандидат филологических наук
А. И. Мальдис,
кандидат исторических наук
С. А. Подокшин

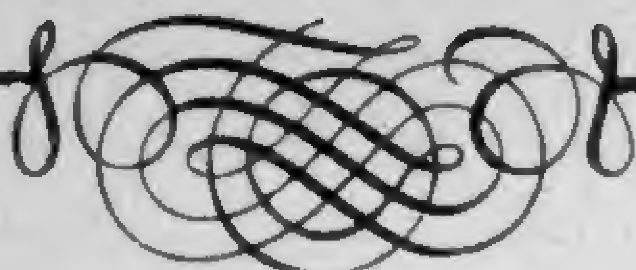
Дорошкевич В. И.

Д 69 Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы. Первая половина XVI в.— Мн.: Наука и техника, 1979.— 208 с. ил.

В книге определяются предпосылки возникновения и этапы развития белорусской оригинальной литературы на латинском языке. На широком фоне европейской ренессансной литературы впервые исследуется идейно-эстетическое и жанровое своеобразие художественного наследия наиболее ярких поэтов-латинистов Яна Вислицкого и Николая Гусовского.

Рассчитана на литературоведов, преподавателей вузов и всех интересующихся древней белорусской литературой и культурой.

70202—050
Д——————45—78 **8С(Бел)**
М316—79

ВВЕДЕНИЕ

Чем богаче и многограннее становится современная культура человечества, тем глубже и бережнее интерес каждого народа к своему передовому духовному наследию и мировому историческому опыту. Исчезают «белые пятна» и в летописи многовекового культурно-литературного развития белорусского народа. Белорусская культура дореволюционного периода рассматривается учеными в социально-историческом, философском, эстетическом, общекультурном аспектах и трактуется в ее европейских связях и значении.

Весомый вклад в дело создания научной истории культуры Белоруссии эпохи феодализма внесли Е. Карский, В. Пичета, Н. Щекотихин, Н. Алексютович, М. Ларченко, А. Мальдис, А. Коршунов, В. Чемерицкий, С. Подокшин, Э. Дорошевич, В. Конон, Л. Поболь, Г. Штыхов, В. Чантурия и другие ученые. В последнее время появились обобщающие труды по истории белорусской литературы [1], эстетической [2], философско-социологической [3] мысли Белоруссии. Впервые издана на русском языке «История белорусской дооктябрьской литературы» (1977).

Однако состояние изучения белорусской культуры эпохи феодализма еще не полностью удовлетворяет со-

---

[1] Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры, т. 1. Мінск, 1968.

[2] Дорошевич Э., Конон Вл. Очерки истории эстетической мысли Белоруссии. М., 1972.

[3] Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии. Минск, 1973; Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии. Минск, 1977.

временному уровню развития общественных наук (отсутствие разработанных вспомогательных исторических дисциплин, биобиблиографических словарей белорусских писателей XIV — XVIII вв., исследований и широких публикаций памятников различных жанров, в том числе обширной многоязычной литературы). Особенно слабо как в белорусском, так и всесоюзном литературоведении разрабатывается пласт восточноевропейских литератур, созданных в XV—XVIII вв. на латинском языке.

В развитии советского литературоведения существует важная закономерность: необходимость обновления на определенных этапах основных направлений научных исследований, которая обусловлена велением времени и накопленным интеллектуальным опытом.

У историков литературы, осмысливающих пути развития отечественных культур дооктябрьского периода, одним из таких важнейших направлений на данном этапе, на наш взгляд, становится изучение латинской письменности стран Восточной Европы. Литература на латинском языке должна стать предметом обязательного рассмотрения в истории белорусской и других восточноевропейских литератур. Без изучения этого литературного пласта нельзя составить объективное представление о дооктябрьской культуре этих народов, нельзя правильно понять исторический процесс становления их национальных литератур. Фундаментальную историю восточнославянской культуры и литературы XV—XVIII вв. невозможно создать, обойдя вниманием письменность на латинском языке. Между тем оригинальная белорусская, украинская и русская поэзия на латинском языке, составляющая основу латиноязычного литературного материка Восточной Европы, в сущности, не включена в историю литературного процесса. Если греко-византийская культурная традиция средневековой Руси изучена достаточно глубоко, многоаспектно, то римско-латинская традиция остается еще вне должного внимания ученых.

На Западе не извелись культуртрегеры, желающие разъединить Восточную и Западную Европу на «исторической и культурной почве». В то время как советские историки и философы убедительно опровергли подобные попытки псевдонаучного подхода к осмыслению истории культурного развития наших народов, литературоведы сделали лишь первые шаги в этой области.

В силу этих причин важная по научному и культурному значению проблема исторического осмысления латинской культуры стран Восточной Европы требует сегодня более пристального внимания.

Богатейшая литература, созданная европейскими народами в эпоху античности и средневековья на латинском языке, оказала огромное влияние на формирование новоевропейских культур. После падения Римской империи латинская литература стала преемницей античного наследия и посредницей в передаче его лучших достижений новой Европе. Памятники средневековой латинской литературы V—XV вв.— наилучшее свидетельство ее непреходящей культурно-исторической и эстетической значимости.

Новым этапом в развитии художественного латинского слова была эпоха Возрождения. Ренессансный период развития латинской литературы иначе принято называть новолатинским. Гуманисты пытались довести средневековую латынь до классического совершенства. Для них латинский язык был прежде всего языком науки и изящной словесности. Как средство международного общения и один из факторов, способствовавших формированию общеевропейского литературного движения в эпоху Возрождения, латинский язык вышел из употребления только с развитием буржуазного общества и расцветом национальных языков. Вследствие этого новолатинская письменность успешно развивалась в итальянской, польской, испанской, португальской, французской, немецкой, английской литературах. Достаточно назвать такие имена, как Петрарка, Боккаччо, Боярдо, Бруно, Мирандола, Эразм Роттердамский, Камоэнс, Томас Мор, Марулич, Лобковиц, Кленович, Яницкий и др.

В западноевропейской новолатинской литературе созрели принципы ренессансного гуманизма и реализма. Усвоив богатые традиции античного искусства и явившись одним из источников художественных образов, школой стилистики для писателей, новолатинская литература наряду с фольклором открывала пути для становления литератур на народных языках. Она обогатила золотой фонд мировой культуры выдающимися памятниками художественного слова и была передатчицей лучших античных традиций и достижений прогрессивной

мысли Западной Европы литературам восточнославянского мира.

Понимание двуединой сущности общеевропейского Возрождения как исторически обусловленного явления — как эпохи становления национальных литератур и новолатинского искусства, когда существовали наднациональные литературы-посредницы на церковнославянском, латинском, арабском языках, которые объединяли страны в соответствующие культурные регионы,— в значительной степени предопределяет типологическую характеристику идейно-культурных движений в тех или иных странах.

Процесс усвоения латинской образованности и, следовательно, формирование латинской литературы у восточных славян и литовцев начались позже, чем в странах Западной Европы. Особенность развития письменности восточноевропейских народов заключается в том, что произведения на латинском языке появляются здесь лишь в XIV—XV вв. Тем не менее новолатинская образованность (вместе с греко-византийской) и литература оказали существенное влияние на формирование восточноевропейских культур эпох Возрождения и Просвещения и стали их неотъемлемой частью. Не случайно первые ренессансные и барочные влияния проникли на Белоруссию и Литву в «латинской одежде». Сами белорусы активно участвовали в создании и издании латинских книг. Большая часть печатной продукции XVI—XVIII вв. в Белоруссии, Литве и на Украине выходила и бытовала на латинском и польском языках.

Великая эпоха Возрождения способствовала ликвидации обособленно-замкнутого развития и взаимообогащению культур разных народов. Ренессансная новолатинская поэзия, в том числе и восточнославянская, будучи уже литературой общеевропейской по своему языку и способности аккумулировать античные литературные традиции, сыграла в формировании раннебуржуазной культуры, гуманистической антропоцентрической эстетики положительную роль.

Латынь в период барокко отчасти сохраняла еще свою созидательную функцию, хотя и не имела того культурного значения, какое она представляла в эпоху Ренессанса, когда происходило благотворное обогащение белорусского литературного языка за счет латинско-

го, когда белорусская письменность «не ущемлялась» латинской. Возрастание в XVII—XVIII вв. удельного веса латинской (и польской) книжности при ослаблении, уменьшении роли белорусской не способствовало национальному самоопределению белорусской культуры. Тем не менее это явление не следует оценивать односторонне, только отрицательно, ибо с помощью латинского образования и литературы поддерживался определенный уровень просвещения в крае и сохранялся процесс литературного развития на протяжении длительного периода.

В неблагоприятное для развития белорусской литературы время, в период Контрреформации и Просвещения, белорусы использовали произведения на латинском языке в борьбе за восстановление прежнего политического положения Великого княжества Литовского. Знаменательно, что многие белорусы и украинцы были проводниками латинской образованности и западноевропейской культуры в России XVII—XVIII вв. (С. Полоцкий, И. Копиевич, Я. Белобоцкий, Ф. Прокопович и др.), одновременно обогащая Белоруссию, Литву и Украину достижениями братской русской культуры.

Таким образом, использование термина «новолатинская литература» применительно к восточнославянским народам исторически вполне оправдано. Этим термином пользовались П. Н. Берков и И. Н. Голенищев-Кутузов.

Ренессанс явился новым, новолатинским, периодом по отношению к средневековой литературе, создававшейся в основном на вульгарной латыни. Так было и в литературе большинства стран Восточной Европы, и в частности в Белоруссии: XIV—XV вв.— латинский период по отношению к изучаемой проблеме, XVI—XVIII вв.— новолатинский, т. е. связанный с обращением писателей к классической латыни. Литературная традиция второго этапа соответствовала общеевропейской новолатинской традиции.

Впервые широко и проблемно вопрос о новолатинской образованности как существенном факторе культуры восточного славянства поставил П. Н. Берков. Он справедливо писал: «Сегодня — и у нас и на Западе — средневековая латинская и новолатинская европейская литературы забыты, они изучаются небольшой группой узких специалистов, а у неспециалистов (не только простых читателей, но и литературоведов, изучающих от-

дельные национальные литературы) в результате незнания роли этой новолатинской образованности создается совершенно неправильное представление о процессе развития национальных литератур, в том числе и русской»[4]. Ученый высказал глубокие мысли о важности учета новолатинской образованности для гуманитарного исследования как первого слагаемого, «общего» для всех европейских культур[5]. Правда, вывод ученого — считать новолатинскую образованность важным явлением культуры восточных славян со второй половины XVII в.— со всей справедливостью характеризует особенности культурного развития именно России, так как латинская образованность и литература стали неотъемлемым фактором белорусской, украинской и литовской культур еще в конце XV — начале XVI в.

Знаток европейской культуры И. Голенищев-Кутузов на V Международном съезде славистов в 1963 г. указывал на необходимость изучения памятников латинской письменности Украины и Белоруссии XVI в.[6] Призыв к изучению новолатинской литературы восточных славян звучал в статьях А. Герло[7] и Н. Д. Численко[8], которые признавали за ней прогрессивную роль в улучшении гуманитарного просвещения нашего времени и выступали за восстановление новолатинской литературы на уровне университетского образования.

На III Всесоюзной конференции по классической филологии (Киев, сентябрь 1966 г.) и Республиканской конференции по истории белорусской литературы дореволюционного периода (Минск, май 1974 г.) поднимался вопрос об актуальности и неотложности фактографического осмысления латинской ветви украинской, белорус-

---

[4] Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова.— В кн.: XVIII век. Сборник 5. М.—Л., 1962, с. 18.

[5] Берков П. Н. Проблемы изучения русского классицизма.— В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, с. 14.

[6] Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963, с. 4.

[7] Gerlo Alois. Renaissanse und Humanismus in Mittel- und Osteuropa (eine Sammlung von Materialen).— Schriften der Sektion für Altertums Wissenschaft, t. 1. Berlin, 1962.

[8] Численко Н. Д. Новолатинская литература и университетское образование.— В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 477—481.

ской и русской литератур, а также о важности издания переводов ее наиболее значительных памятников. Появление в последнее время в белорусской, литовской, украинской и всесоюзной печати новых публикаций и исследований[9] свидетельствует об определенном росте заинтересованности советской общественности историей латиноязычной литературы Восточной Европы.

Настоящим событием в культурной жизни Белоруссии было открытие поэта-латиниста XVI в. Николая Гусовского. Переводы его поэмы «Песня о внешности, свирепости зубра и охоте на него» на русский (Я. Порецкий и И. Семежон) и белорусский (И. Семежон) языки и некоторых других поэтических произведений на русский (Я. Порецкий), а также появление научно-популярных статей о творчестве поэта привлекли внимание к этой выдающейся фигуре в ренессансной литературе славян.

Советскими учеными проделана определенная работа по накоплению данных о латинских литературах. Однако остаются неосмысленными причины возникновения и характер бытования латинской письменности в Белоруссии, Литве, на Украине и в России, а новолатинская поэзия остается, по существу, «белой книгой».

Ныне вполне назрела необходимость осмыслить предпосылки возникновения, этапы развития, идейно-эстетическое содержание восточноевропейской ветви новолатинской литературы.

До сих пор позитивному решению вопроса о латинской литературе Белоруссии (а также Литвы, Украины и России) в отечественной науке препятствовали объективные и субъективные причины. Традиционная недооценка латинской культуры, ее роли в развитии национальных литератур (отсюда неудовлетворительная подготовка кадров латинистов нужного профиля) ограничивала возможности исследовательской мысли, приводи-

---

[9] Lietuvių literatūros istorija, t. 1. Red. prof. K. Korsakas. Vilnius, 1957; Abramavičius V. XVI amžiaus Vilniaus poetai. Literatūros ir meno Metraštis. V., 1959; Ročka M. Jono Andruševičiaus eilės.— «Literatūra», XIV, 1971; Калеснік Уладзімір. Вяртанне зор.— «Полымя», 1971, № 7; Байки в українськой літературі XVII—XVIII ст. Київ, 1963; Прокопович Т. Про риторичне мистецтво...— «Философська думка», 1971, № 1.

ла к замалчиванию некоторых существенных явлений нашей культуры.

Изучение материалов по истории литератур на родных языках общими усилиями ученых XIX и XX вв. позволило уточнить, выяснить многие явления европейской культуры средневековья и Возрождения и тем самым приблизиться к фронтальному осмыслению значения латинской письменности в эстетическом развитии человечества.

Исторические судьбы дооктябрьской Белоруссии не благоприятствовали изучению литературного наследия на латинском языке самими белорусами вследствие отсутствия национальной интеллигенции и непризнания царским правительством за национальными меньшинствами права на собственную историю и культуру. Поэтому в послеоктябрьское время надо было в первую очередь глубоко исследовать литературное наследие на белорусском языке.

Классик белорусской литературы и критик М. Богданович, переводивший Вергилия, Овидия, в статье «Возрождение в Белоруссии» подчеркнул: «Почти все, что писалось в это время, писалось на латыни. Итоги обширной литературы, которая возникла таким образом, давно уже подведены и оказываются многозначительными». И дальше: «Несмотря на свою разработанность, латинский язык оказался пригодным только для научных трудов; что касается художественного творчества, то здесь на протяжении целых столетий никаких действительных ценностей не возникло» [10]. Это суждение Богдановича во многом выражает этапный и типичный взгляд передовой белорусской общественности на латинскую литературу в связи с односторонним, хотя и прогрессивным пониманием Возрождения как эпохи возрождения национальных языков и литератур, повышения национального самосознания. К тому же многие явления из истории развития европейской латинской художественной литературы были тогда еще не открыты.

Вполне понятно, что Е. Ф. Карский при создании первой истории белорусской культуры учитывал прежде всего наиболее устойчивые, прогрессивные и перспективные историко-литературные явления, каковыми были

---

[10] Багдановіч М. Збор твораў, т. 2. Мінск, 1968, с. 171.

белорусский язык, письменность на родном языке и национальный фольклор [11].

Исследование вопроса о латинской письменности белорусского, как и других восточноевропейских народов, тесно связано с историей польской культуры.

Для билингвистической Польши литература на латинском языке составляла сквозную полосу в ее культурном развитии — от первых хронистов Галла и Кадлубека до XVIII в. Поэтому латинская литература Польши стала предметом серьезных научных изысканий еще в 40-е годы XIX в. М. Вишневский и Л. Кондратович (Сырокомля) первыми «пытались снять проклятие, которое так несправедливо тяготело над латинско-польскими поэтами» [12].

Польские буржуазные литературоведческие школы многое сделали для умножения и научной систематизации материалов по истории славянской книжности. Однако им были свойственны серьезные ошибки идейного и методологического характера, когда все созданное в Речи Посполитой трактовалось как польское. Некоторые польские ученые даже Ф. Скорину считали деятелем польской культуры «на восточных кресах». Сегодня в Польше делается все возможное для изучения и популяризации творчества своих писателей-латинистов.

Главной преградой для объективного изучения региональных черт культуры феодализма у восточных славян, в том числе и латинской литературы, долгое время являлись методологические просчеты, псевдопатриотизм, тенденциозность, «односторонний подход к истории Польско-Литовского государства, в одинаковой степени свойственный, особенно в XIX в., русским, украинским и польским ученым, которые никак не могли отказаться (за малым исключением) от националистических и конфессиональных предрассудков» [13].

Православное вероисповедание восточных славян нередко неправомерно отождествлялось с белорусской и

---

[11] Карский Е. Ф. Белорусы, т. 1—3. Варшава—Петербург, 1903—1922.

[12] Кондратович Людвиг (Сырокомля Владислав). История польской литературы..., т. 1. М., 1860, с. 242; Syrokomla Władysław. Przekłady poetów polsko-łacińskich epoki Zygmuntowskiej, t. 1—6. Wilno—Warszawa, 1851—1852.

[13] Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян, с. 4.

украинской народностями и считалось важнейшим национальным признаком этих народов. Поэтому письменность на церковнославянском языке признавалась своей, родной, а произведения, написанные на латинском и польском языках, сознательно игнорировались и не изучались. В связи с этим и представления о процессе исторического развития и объеме литератур восточных славян эпохи феодализма были в известной мере обеднены и страдали односторонностью.

Отметим, что малодоступность материала и незнание тонкостей новолатинского языка, хотя и имели отрицательные последствия, не являлись камнем преткновения на пути решения этой проблемы. В основе новолатинской литературы лежит классическая латынь, а большинство ученых старой школы неплохо владели ею.

Современное научное решение проблемы развития латинской письменности стран Восточной Европы зависит от наличия высококвалифицированных специалистов, соединяющих глубокое знание латыни со знанием нескольких европейских культур и языков и профессиональной осведомленностью одновременно в теории и истории национальной и античной литератур.

Попытка обобщить сделанное в этой области, научно обосновать и очертить контуры будущей картины новолатинской поэзии Белоруссии и Литвы первой половины XVI в., объяснить с позиций марксистско-ленинской методологии причины возникновения латинской письменности Белоруссии и на примере конкретного материала — поэтического творчества Яна Вислицкого и Николая Гусовского — раскрыть некоторые главные закономерности становления и определить ее идейно-эстетические принципы, а также соотношение между ранессансными формами культурного развития Белоруссии и ренессансным западноевропейским движением, показать историческое место и роль новолатинского наследия в белорусской и литовской культуре — вот задачи первого опыта исследования этой проблемы.

Предлагаемая нами методика изучения латинской литературы Белоруссии основана на следующих принципах:

разграничение среди белорусов XIV — середины XVI в. католического, но не ополяченного населения в отличие от ополяченного большинства верхних и сред-

них сословий в Белоруссии периода Контрреформации и эпохи Просвещения;

учет в связи с этим понятий «белорусская литература на латинском языке» и «латинская литература Белоруссии»;

понимание литературной жизни Белоруссии XVI в. как составной части культурной жизни Великого княжества Литовского и шире — всей Речи Посполитой и условиях существования единого польско-литовско-восточнославянского комплекса культур XVI в. и связанной с этим общности памятников искусства различных народов как результата их общего развития. Мы считаем также очень важной проблему взаимодействия в полилингвистической Белоруссии национального и многоязычных, главным образом старославянского, латинского и польского, культурных слоев, выявления определяющих этапов в их развитии на разных исторических уровнях в период XIV—XVIII вв.

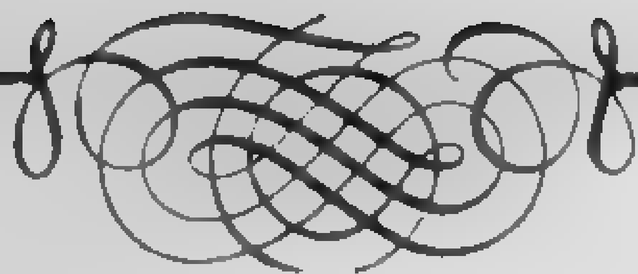
В силу того что белорусские писатели воплощали ренессансные идеи и в произведениях на латинском языке, а культура Белоруссии носила полилингвистический характер, мы используем наряду с введенными в научный оборот в 20-е годы XX в. терминами «белорусский гуманизм», «белорусское Возрождение» термин «Возрождение в Белоруссии». Кроме того, при комплексном анализе тогдашних культурно-литературных явлений необходим более широкий концентр, а именно «Ренессанс в Великом княжестве Литовском и в Польше». Этот концентр частично включает два первых термина — «белорусский гуманизм» и «Возрождение в Белоруссии» (ренессанс являлся лишь одной из существенных сторон Возрождения) и позволяет осмысливать белорусский гуманизм в его европейском значении, а также учитывать многоязычный литературный процесс на территории Белоруссии и Литвы, включая творчество писателей не только на белорусском, старославянском, но и на латинском, польском, французском, немецком языках.

Выделение первой половины XVI в. как отдельного периода в развитии литературы Белоруссии на латинском языке обусловлено тем, что новолатинское наследие белорусов не может осмысливаться вне границ конкретно-исторического времени и этапных периодов в становлении мировой и белорусской средневековой культуры.

Таким переходным этапом в развитии славянских, в том числе белорусской, культур была первая половина XVI в.— период зарождения книжной поэзии у восточных славян, концентрировавшейся главным образом в народном эпосе, песенной лирике, хотя попытки интенсивного литературного использования народного стихотворчества начались еще со «Слова о полку Игореве». Этот «пробел» в развитии восточнославянских литератур восполняет новолатинская поэзия Белоруссии, развивавшаяся в лучших европейских литературных традициях параллельно с зарождением и становлением поэзии на родном языке.

От первой половины XVI в. сохранилось литературное наследие (рукописное, печатное) немногих белорусских и литовских поэтов-латинистов. Чтобы показать эволюцию, типичные и наиболее яркие черты новолатинской поэзии Белоруссии и Литвы этого периода, необходим комплексный анализ вершинных достижений крупных поэтов по хронологическому принципу в ракурсах идейно-художественном и жанровом. На более широкое бытование латинской поэзии Белоруссии и Литвы этого периода указывают, например, дидактическо-религиозная поэма об убийстве 14 монахов в Вильно, написанная в начале XVI в. католическим деятелем Яном Андрушевичем, а также литургическая и светская лирика Белоруссии и Литвы XV в. (секвенции, эпитафии, гимны, молитвы и творчество белорусских и литовских студентов-вагантов), которая развивалась под сильным влиянием польско-латинской поэтической традиции (творчество Григория Коритко из Ломжи и др.). Светская поэзия XVI в. испытала влияние средневековой религиозной лирики, но в основном в плане техники стихосложения.

Особенность новолатинской поэзии Белоруссии XVI в. в том, что она не вмещается в рамки известной доселе светской и церковно-религиозной по назначению и синкретической по своему характеру белорусской литературы XV—XVI вв., а максимально соответствует традиционному для западноевропейской эстетической мысли того времени понятию художественной литературы. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы открыла гуманистическую ориентацию в художественной культуре восточных славян. Именно эту традицию подхватила ренессансная и барочная поэзия на родном языке.

ПРЕДПОСЫЛКИ ГУМАНИЗМА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

БЕЛОРУССИЯ НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В конце XV — первой половине XVI в. в Белоруссии складывается новая гуманистическая культура, которая явилась результатом роста духовных потребностей общества, возникновения новых тенденций и явлений в социально-политической жизни страны.

Усиление централизации власти великих литовских князей нанесло чувствительный удар по удельной раздробленности и способствовало завершению процесса этнической консолидации белорусских земель во второй половине XV в. Это обстоятельство положительно повлияло на формирование белорусской народности и развитие белорусского литературного языка.

Процесс формирования сословно-классовых групп населения был ускорен причинами, которые привели к созданию в первой половине XVI в. белорусского торгового рынка. Окрепшие экономические связи содействовали ликвидации средневековой обособленности и патриархальщины, способствовали общению Белоруссии с соседними странами и странами Западной Европы, что имело немаловажное значение для белорусской культуры [1].

Общий экономический подъем в Белоруссии XVI в.— развитие городов, ремесел, внутренней и внешней торговли, возрастание роли товарно-денежных отношений и частного капитала — привел в конечном счете к более глубокому социально-классовому расслоению белорусского населения. «...В рабском и феодальном общест-

[1] Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовском государстве. М., 1958, с. 52.

ве,— отмечал В. И. Ленин,— различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса» [2].

Основную массу населения Великого княжества Литовского составляли жители деревни. Однако количество свободных крестьян резко сократилось в результате их закрепощения (статуты 1529, 1566, 1588 гг.). Это вызвало обострение классовой борьбы в стране.

Постоянные войны, сложная внешняя обстановка Великого княжества Литовского, рост привилегий господствующего класса содействовали увеличению экономического веса военно-служилого сословия, его политическому возвышению.

Молодая белорусская шляхта вышла на историческую арену сравнительно поздно, на заре буржуазной эры, когда в Белоруссии намечались пути к первоначальному накоплению капитала. В период восхождения она выражала прогрессивные тенденции общественного развития.

Выход на сцену политической борьбы белорусской шляхты протекал в условиях заключения польско-литовских уний, что повлияло на ее своеобразные патриотические настроения. Формирование замкнутого шляхетского сословия привело к более резкому размежеванию населения на «людей шляхетных» и людей простого положения.

Оппозиционная настроенность шляхты и боярства против магнатов и ортодоксальной церкви способствовала обновлению общественной жизни, зарождению новых тенденций в мировоззрении и белорусской культуре. Не случайно из рядов шляхты в XVI в. вышло немало прогрессивных деятелей культуры Белоруссии.

Не способная ограничить землевладение крупных белорусских и литовских магнатов и ведущую роль аристократической знати в управлении государством шляхта в XVII в. проявила себя как главная опора польско-католической экспансии в Великом княжестве Литовском.

Укрепление экономических позиций крупных литовских и белорусских феодалов в первой половине XVI в. привело к установлению политической диктатуры маг-

---

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.

натства. Находясь в особо привилегированном положении в период княжения Сигизмунда I и придерживаясь сепаратистских взглядов, магнаты выступали одним из главных противников уний Польши и Литвы. Только некоторые, наиболее передовые представители социальной верхушки были носителями гуманистических идей, способствовали в известном смысле развитию ренессансной мысли, хотя гуманизм правящей верхушки был классово ограниченным и подчиненным ее корыстным целям.

Дальнейшее развитие феодальных отношений способствовало экономическому и культурному подъему белорусских городов. Магдебургское право, юридически засвидетельствовавшее автономию Бреста (1390), Гродно (1496), Полоцка (1498), Минска (1499), Новогрудка (1511) и других городов, красноречиво показывает эволюцию белорусского города и превращение его в отдельный административно-хозяйственный и значительный культурный центр. В конце XV — начале XVI в. завершился процесс консолидации белорусских горожан в отдельное правоспособное сословие.

Своеобразное ренессансное движение в Белоруссии было по своему генезису движением городским, что соответствует духу общеевропейского Возрождения. Отсутствие ярко выраженной самостоятельной культуры в белорусских городах не противоречило тому, что колыбелью новых, ренессансных явлений в Белоруссии был в первую очередь город — «самый яркий цветок средневековья» (К. Маркс).

Средневековый город формировал и концентрировал ренессансную культуру Белоруссии. Историческая перспектива заключалась в том, что горожане, мещане составляли меньшинство (горожане, включая жителей местечек, насчитывали в XVI в. только около 16% от всего населения Великого княжества Литовского) [3], но это была инициативная и созидательная сила, наиболее восприимчивая к новым веяниям времени. В сложном процессе формирования передовой культуры участвовали и лучшие представители белорусской шляхты и бояр.

Белорусский средневековый город был менее развитым, чем западноевропейский. Население белорусских городов формировалось и пополнялось преимущественно

---

[3] Копысский З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в. Минск, 1966, с. 34.

из крестьян, спасавшихся в городах от крепостного закабаления. Поэтому социальные противоречия внутри города чувствовались особенно остро, порождали у горожан личную инициативу. Частновладельческие города вели настойчивую борьбу за свой суверенитет, но не смогли избавиться от могущественной власти феодалов [4]. Отсюда запоздалое становление Ренессанса в Белоруссии. Его особенности объясняются своеобразием развития белорусского города и классово-политической обстановки в стране. Здесь, как и в Западной Европе, по свидетельству Ф. Энгельса, бюргерство не сломило могущества феодализма [5].

Социальное развитие города выразилось в повышении роли мелкотоварного хозяйства, увеличении удельного экономического веса торгово-ремесленного люда с узкой профессиональной специализацией, в создании цеховых организаций, братств.

Качественные изменения в жизни белорусского города, рост торгового капитала, ростовщичество создали условия для появления богатых мещан, зарождения местной буржуазии. «Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий,— писал Ф. Энгельс,— их фундамент был подорван деньгами» [6].

Таким образом, классовая дифференциация белорусского общества, фактическое неравенство в экономическом положении и политических правах разных сословных групп, возрастание роли торгово-ремесленного люда вывели на историческую арену в начале XVI в. новую антифеодальную силу, которая боролась за социальное раскрепощение человека.

Подъем белорусской культуры XVI в. был осуществлен на плечах трудового народа — так было всегда в обществе, разделенном на антагонистические классы. Непримиримые противоречия, антагонизм сформированных сословий двигали общество вперед, а классовая борьба, хотя и не приобрела всенародного характера, будила политическую мысль Белоруссии, вела к обмирщению культуры. Определяя историческое место среди главных дви-

---

[4] Грицкевич В. П. Социально-экономическое развитие частновладельческого города Белоруссии. Минск, 1963.
[5] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 409.
[6] Там же, с. 408.

жущих сил гуманизма в Белоруссии зарождающейся буржуазии, мещан, передовых представителей шляхты, следует отметить, что ренессансный гуманизм по своему характеру был в известном смысле целостной идеологической системой и соответствовал взглядам передовых слоев всего белорусского общества.

Одна из характерных особенностей развития европейской, в том числе белорусской, культуры XVI в. в том, что каждый ее представитель фактически принадлежал к определенной конфессиональной группе. Большинство европейских гуманистов (Данте, Петрарка, Рабле, Кампанелла, Эразм Роттердамский, Томас Мор, Николай Гусовский, Симон Будный и др.) выступали в своих произведениях с резкой критикой существующих социальных порядков, догматов ортодоксальной церкви, политики папства. В этом их величие. Вместе с тем гуманисты оставались в своей основе людьми верующими или искателями новой религии. В этом их исторически обусловленная ограниченность.

И. Голенищев-Кутузов совершенно справедливо заметил, что народность ошибочно «определялась нашими исследователями не сознанием и не высказываниями наших писателей эпохи Возрождения, а их вероисповеданием» [7].

Нельзя не учитывать эти особенности средневекового сознания в литературном развитии Белоруссии XVI в. Возникновение белорусской литературы на латинском языке связано в первую очередь с писателями католического вероисповедания. В среде же православных деятелей Восточной Европы с времен Киевской Руси жило двойственное отношение к латинской культуре, которое в разные исторические периоды по-своему определяло силу их симпатий и антипатий к западноевропейской и античной литературе, к латинскому языку. Православный мир Белоруссии до конца XVI в., за редким исключением, по существу не взял на вооружение латинскую образованность и отрицательно ставился к «латинянам». Литературная полемика против «латинян» привела к тому, что в «глазах русских возникла и закрепилась идея о поганых латинянах, которая проникла... из специфичиески религиозной сферы в круг более широких

[7] Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян..., с. 4.

понятий: недоверие и отрицание, иной раз в самой резкой форме, переносились на западных людей вообще, их жизнь, склад понятий, науку». «Здесь,— как далее утверждал Е. В. Петухов,— кроется не только происхождение целого отдела разоблачительной литературы против латинян, но и истоки того неприязненного отчуждения от Запада, которое в поздних столетиях привело к исключительной замкнутости на основе византийских идеалов и глубокой изоляции от западного, т. е. общеевропейского, движения» [8].

Католическое вероисповедание существовало в Белоруссии не испокон веков. Преобладающее большинство белорусского населения в XVI в. было православным. Буржуазные исследователи видят в верности народа религии своих предков камень преткновения, нередко забывая, что традиции со временем могут менять первоначальный облик. А. Миловидов высказал типичный взгляд таких историков: «Православный» и «католик» — термины не только религиозные, но и национальные и политические, а понятия «русский» и «православный», «римско-католик» и «поляк» — синонимы» [9].

Внешнее положение православной церкви в Великом княжестве Литовском изучаемого периода было удовлетворительным. При короле Сигизмунде I велось активное строительство православных храмов даже в этнографической Литве. Тогда в княжестве появилось 56 костелов и монастырей, около 90 православных храмов; в Вильно было 15 церквей при 14 костелах; в Новогрудке на 1 костел приходилось 10 церквей [10]. На высоких государственных должностях при дворе самого короля было немало людей православного вероисповедания.

В то же время картина внутреннего состояния православия в Великом княжестве Литовском была глубоко кризисной: мракобесие, низкий интеллектуальный уровень духовных пастырей, симония, отсутствие необходи-

---

[8] Петухов Е. В. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового времени. Древний период. Юрьев, 1912, с. 19.

[9] Миловидов А. И. Исторические основы латино-польской политики в Северо-Западном крае. Вильно, 1901, с. 3.

[10] Kurczewski J. Biskupstwo Wileńskie. Wilno, 1912; Ochmański Jerzy. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań, 1972.

мого количества школ, учебных пособий, непонимание прогрессивной роли книгопечатания, нововведений эпохи, безразличие верующих к судьбе церкви, родному языку. Это состояние православной церкви засвидетельствовано соборным постановлением (Вильно, 1509), в котором сказано, что «епископства подкупаются и берут без совета и воли митрополии» [11]. Тем не менее это не означает, что в целом для православной культуры Белоруссии, как и всего восточнославянского ареала с православной ориентацией, был характерен интеллектуальный застой.

Начало проникновения католицизма на белорусские земли относится к XIV в. Католическая церковь была поставлена в привилегированное положение в Великом княжестве Литовском уже при княжении Ягайло (1377—1434) и Витовта (1392—1430).

Как известно, Ягайло, будучи великим князем литовским, заключил Кревское соглашение, согласно которому он обязывался культивировать католицизм в Великом княжестве Литовском. В этом он, по утверждению летописца, «змовился... со братиею своею, и со всими князи и бояре Литовския земли» [12].

Крещение Литвы, последней языческой страны в Европе, в конце XIV в. было актом положительным, потому что она включалась в широкое общение с Западом и таким образом был вырван главный козырь экспансионистской политики крестоносцев в Прибалтике. Ягайло заинтересовал представителей служилого сословия Белоруссии в принятии католического вероисповедания тем, что в грамоте от 22 февраля 1387 г. дарил им права польской шляхты. На Городельском сейме (1413) католики возводились в привилегированное положение по сравнению с православным населением: «Схизматики и другие неверующие не могут занимать никаких высших должностей» [13]. Ставка делалась на литовских и белорусских феодалов-католиков. Чтобы получить дополнительные привилегии, некоторые белорусские феодалы переходили в католическую веру. Надо иметь в виду, что

---

[11] Карский Е. Ф. Белорусы, т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921, с. 188.

[12] Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Склаў А. Ф. Коршунаў. Мінск, 1959, с. 110.

[13] Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в 3-х т., т. 1. Мінск, 1959, с. 117.

определенное время в княжестве имела законодательную силу грамота короля Казимира от 2 мая 1457 г., в которой всей шляхте даровались «права тые, зволеньства, твердости, якож имеють прелаты, княжата, рытеры, шляхтичи, бояре, местичи Коруны Полское» [14].

По вопросу о распространении католицизма среди белорусского населения в научной литературе встречаются порой взаимоисключающие утверждения. Одни ученые считают, что в XV—XVI вв. большое число белорусов были католиками, другие — что католики были редким исключением среди белорусов. Так, историк И. Юхо ошибочно считает, что основная масса населения так называемой Черной Руси оставалась языческой в XIV в. Но он прав, утверждая: «При крещении населения Великого княжества Литовского Ягайло вместе с литовцами обратил в католическую веру большое количество белорусов, которые жили в районе Гродно, Слонима, Лиды, Новогрудка» [15]. Доказательством живучести языческих верований среди населения Белоруссии XIV в. служит тот факт, что у большинства белорусских просветителей XVI в. гуманистическое мировоззрение теснейшим образом переплеталось с представлениями античной мифологии и местного язычества.

В результате христианизации Литвы были образованы отдельные епископства — Виленское и Жемайтийское (с 1415 г. в подчинении Гнезненского архиепископства), а во многих населенных пунктах Великого княжества Литовского, в том числе и в Белоруссии, сооружены католические храмы. Они строились главным образом в северо-западных и центральных районах, наиболее сильных в экономическом отношении и где жило смешанное белорусско-литовское население [16]. Это делалось с той

---

[14] Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов, т. 1, с. 125.

[15] Юхо І. Аб паходжанні назваў Белая і Чорная Русь.— «Беларусь», 1956, № 9, с. 20.

[16] При Ягайло и Витовте в Вильно были построены костелы св. Станислава, св. Мартина, св. Яна, св. Анны (1392), св. Николая (1400) в Ошмянах, Бресте, Гайне (1387), Минске (1390), Обольцах, Медниках, Лиде (1397), в Браславе (1423), Липниках (1411), Ваверке (1413), Новогрудке (1393), Вишневе (1424), Ляцке (1424), Гродно (1430), Волковыске, Бресте, Пинске (1396), Слуцке (1419), Полоцке (1409). См. кн.: Киприянович Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Вильно, 1899; Kurczewski J. Biskupstwo Wileńskie. Wilna, 1912.

целью, чтобы, как утверждает польский историк Е. Охманьский, поддержать литовцев, здесь живших [17]. Часть экспансионистски настроенного польского духовенства стремилась не только окатоличить, но и ополячить население Белоруссии и Литвы.

В период, когда во главе Великого княжества Литовского стояли Сигизмунд Старый (1506—1548) и Сигизмунд Август (1544—1572), строительство новых костелов, а также православных церквей на белорусских землях продолжалось. Воинствующие ордена (бернардинцы, доминиканцы, кармелиты) обратили в католическую веру немалое количество белорусов.

Подробный количественный анализ роста костелов в белорусском крае дает основание утверждать, что уже в первой половине XVI в. определенная часть населения в Белоруссии исповедывала католичество. В белорусских поветах в то время действовало 177 латинских парафий [18].

Распространение католицизма на территории Белоруссии проходило неравномерно. Интенсивнее этот процесс протекал в северо-западных землях, особенно активно в полосе со смешанным литовско-белорусским населением. Разделенность белорусского населения по конфессиональному признаку, естественно, ослабляла его единство, однако не создавала непреодолимых преград для человеческих взаимоотношений между православными и католиками в XVI в. до тех пор, пока между ними не был вбит клин политического, национального и социального раздора.

С течением времени католическая экспансия на белорусских землях приобрела уродливые формы (конец XVI—XVII в.). Однако для первой половины XVI в. положение было своеобразное, потому что, во-первых, су-

---

[17] Ochmański Jerzy. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań, 1972, s. 81.

[18] В повете Гродненском было 19 парафий, Новогрудском — 20, Слонимском — 7, Волковысском — 15, Минском — 16, Оршанском — 1, Витебском — 1, Полоцком — 1, на Подляшье — 13. Сюда следует отнести парафии, расположенные в районе, где жило коренное и смешанное белорусско-литовское население: в Лидском повете действовали 23 парафии, Браславском — 8, Ошмянском — 53. Таким образом, на территории Белоруссии в первой половине XVI в. насчитывалось 177 латинских парафий. Подсчеты сделаны по кн.: Ochmańsky Jerzy. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu, s. 81, 90.

ществовала относительная веротерпимость; во-вторых, этот период отмечен активным строительством новых православных церквей; в-третьих, возведение костелов велось в экономически развитых районах со смешанным литовско-белорусским населением и литовской шляхтой; в-четвертых, белорусы-католики не были еще ополячены. Одним из источников своеобразия средневековой культуры в Великом княжестве Литовском являлось противоречивое соединение в ней местных языческих, античных, православных и католических элементов и представлений [19].

Наступательный характер католической церкви в Великом княжестве Литовском не спас ее от глубокого кризиса. Секуляризация мышления, зарождение религиозного скептицизма и нового мировоззрения, светской культуры — все это было вызвано и обусловлено глубокими социальными изменениями в жизни общества, общей атмосферой эпохи, воздействием гуманистических, еретических и реформационных идей.

На развитие рационализма, свободомыслия в Белоруссии определенное воздействие оказала толерантность, господствовавшая при Сигизмунде I (Старом) и особенно при Сигизмунде Августе в Великом княжестве Литовском и Польше. Истоки этой относительной веротерпимости коренятся в сложной социальной и политической структуре обоих государств, многоликом облике их культур, религий, языков и народностей. Многие миряне ради сохранения единства в семейно-бытовых отношениях меняли веру католическую на православную и, наоборот, переходили из православной в католическую. Деятели культуры в зависимости от жизненных обстоятельств нередко меняли свое религиозное «кредо» по нескольку раз. Сигизмунд I запретил это «самовластие» специальной грамотой 1540 г. В грамоте, кроме прочего, говорилось, что «люди греческого закону поимають за себе жоны рымьского закону и крестят их в русскую веру, а иншым, кукуючы челяд неволную мужика албо жонку, а таке ж их у рускую веру приворочають» [20].

---

[19] Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского.— «Вопросы истории», 1977, № 4, с. 96—97.

[20] Kołankowski Ludwik. Zygmunt August, wielki książe Litwy do roku 1548. Lwów, 1913, s. 364.

Таким образом, в Белоруссии первой половины XVI в. созрели определенные социально-экономические и общественно-политические условия для ослабления старой культурной надстройки и возникновения новой гуманистической культуры. Именно в этот период в Белоруссии общество пришло к пониманию необходимости отделить власть духовную от светской (Статут 1588 г.); была подготовлена почва для появления таких деятелей, которые не только принципиально разграничивали области действия светской и духовной сфер (С. Будный), но выступали против всякой религии (К. Лыщинский).

Одной из предпосылок возникновения профессионального искусства, каким и явилась новолатинская поэзия, было формирование местного меценатства в Белоруссии того времени, особенно в среде богатых белорусских мещан. Передовая часть горожан с пониманием долга жертвовала денежные средства на нужды книгопечатания, литературного творчества, школьного дела (материальная поддержка Ф. Скорины виленскими мещанами Оньковым и Бабичем и др.).

Зарождение меценатства в Великом княжестве Литовском относится ко времени деятельности первых великих князей Ягеллонской династии. Так, Ягайло и Ядвига опекали белорусских и литовских студентов Пражского и Краковского университетов.

Меценатство (великокняжеское, королевское, а позднее епископское, магнатское, влиятельной шляхты, мещанское) имело важное значение на раннем этапе развития литератур, а также содействовало оживлению культурных связей Белоруссии с передовыми странами Европы. Создателями белорусской литературы были, как правило, за немногим исключением, выходцы из мелкой и средней шляхты, небогатого купечества, из среды бояр и мещан. Поэтому ее развитие требовало поддержки со стороны лиц, которые так или иначе имели отношение к развитию белорусской письменности. В этом смысле значительной представляется деятельность Софьи Гольшанской, четвертой жены короля Ягайло (умерла в 1461 г.). По утверждению ее современников, заслуги «единой доброжелательницы» Гольшанской в области поддержки подвижников культуры были большие [21].

[21] Lempicki Stanisław. Biskupi polskiego renesansu. Lwów, 1938, s. 6—10.

Лучшие традиции меценатства стремились поддержать и развить последующие Ягеллоны. Например, великий литовский князь Александр выдвинул М. Глинского, Э. Вителлиуса и др.

Представителям латинской литературы Белоруссии и Литвы в XVI в. материальную помощь оказывали епископы Виленской капитулы В. Табор, В. Радзивилл, Ян из князей литовских, П. Гольшанский и др. Некоторые представители высшего духовенства проповедовали прогрессивные взгляды на человека и его место в обществе. Епископом был Ян Длугош, знаменитый историк Польши. Крупнейший меценат архиепископ Львова Григорий из Санока защищал права городов, бюргерства от магнатов; в Краковском университете читал курс по Вергилию, Плавту еще в 1439 г. Он предвосхитил мысли Вольтера о том, что религия необходима только по причине государственной целесообразности. Прославленный на всю Европу меценат епископ Эразм Вителлиус защищал принцип равенства в национальных отношениях. Этими идеями он привлекал в свой пансионат в Риме патриотическую молодежь из Италии, Германии, Польши, Белоруссии. Наиболее характерным представителем польского меценатства был перемышльский епископ доктор обоих прав Петр Томицкий (1464—1535). По мнению Эразма Роттердамского, он «был сотворен самим богом для добра людей и общественной пользы»[22]. Благодаря материальной и моральной поддержке П. Томицкого стали поэтами Андрей Кржицкий, Ян Дантышек, Станислав Гурский. Ян из Вислицы и Ганс Дюрер обязаны ему становлением своих талантов.

Опекунство со стороны служителей культа субъективно было далеко неоднозначным по целенаправленности, но часто случалось так, что воспитанники превосходили по своим взглядам опекунов. Положительная миссия польского меценатства со стороны лучших его представителей для развития латинской литературы Белоруссии и Литвы не вызывает сомнения.

Определенное влияние на формирование местного меценатства в Великом княжестве Литовском оказала деятельность итальянки Боны Сфорца, жены Сигизмунда Старого. С нею из Италии в Вильно приехало множество

[22] Lempicki Stanisław. Biskupi polskiego renesansu, s. 6—10.

ученых итальянцев, мастеров самых разных профессий. Придворный врач-эмпирик Джованни Андрео Валентино писал латинские элегии в стиле Петрарки. Неаполитанец Колонна признавался Андрею Кржицкому, что нередко можно услышать песни и стихи «итальянских муз посреди полей Вильно»[23]. Бона содействовала распространению в Белоруссии новейших знаний из области математических, естественных, географических наук. Сторонниками ее в этом деле были не только ученые итальянцы, немцы (а их немало находилось при ее дворе), но и образованные люди из числа белорусов, литовцев, украинцев, русских, которые получили образование в Европе. Белорусский летописец не случайно отмечал: «Лет[а] Бож[аго] нарож[еня] 1528 король Жыкгимонт с королевою Боною прыехал до Литвы с Польщы напервеи. Того ж року всю землю Литовскую пописывали»[24], т. е. производили первый обмер границ княжества. Высокообразованная итальянка Бона Сфорца знала многие европейские языки, свободно писала и разговаривала на латыни, вела научные споры со знаменитым латинистом Коррадо, которого склоняла к выезду в Литву. Она поощряла стремление белорусской молодежи учиться в итальянских университетах, была фундатором прикостельных школ в Белоруссии.

Функцию своеобразных ионизаторов духовной атмосферы Белоруссии и Литвы выполняли и существующие в Вильно двор Эльжбеты Гальшки (из 70 дворян) и два двора Сигизмунда Августа: польский (сформирован в 1543 г. из 43 дворян, существовал до 1547 г.) и литовско-белорусский (1544—1548), которые вели свои канцелярии[25]. Эти дворы стали центрами не только политических дискуссий, но и своеобразными литературными салонами, которые притягивали мыслителей, поэтов, общественных деятелей. При дворах проводилась определенная работа по сбору и закупке книг, картин зарубежных и местных мастеров. В результате была создана картинная галерея, которая пополнялась новыми произведениями. В 1547 г., например, прусский герцог Альб-

---

[23] Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян..., с. 16.

[24] Полное собрание русских летописей, т. 17. Западнорусские летописи. СПб, 1907, с. 350.

[25] Kołankowski Ludwik. Zygmunt August, wielki książe Litwy do roku 1548, s. 316, 320.

рехт через Петра Ваяновского переслал множество портретов знаменитых личностей. В 1548 г. Сигизмунд Август приобрел в Петрикове через своих агентов 45 картин [26].

При заинтересованности светской культурой, поэзией, книгой эти дворы, видимо, предпринимали конкретные шаги, чтобы иметь собственных творцов искусства. Во всяком случае, талантливые люди — живописцы, поэты, архитекторы — могли время от времени пользоваться их поддержкой (Афанасий Антонович, Навоша, Сербин Нектарый, Никифор и др.). Художник Антоний Веда в 1545 г. получил от короля Сигизмунда Августа вознаграждение в 105 злотых за картину, где была изображена панорама охоты на зубра. Придворным художником Сигизмунда I был Юрий Эльвинг, который хотя и носил немецкую фамилию, но был человеком местного происхождения [27].

Поскольку феодальная знать была самой образованной частью общества, в замках иногда основывались частные школы, комплектовались крупные библиотеки. Часть прогрессивно настроенных феодалов являлась опекунами белорусской молодежи в европейских университетах. Таковыми были Олельковичи, Ходкевичи, Сапеги, Радзивиллы.

Судя по ответу-письму, написанному на латинском языке Н. Радзивиллом Черным, родоначальником несвижской линии Радзивиллов, и посланному папскому легату Липпоману в 1556 г., при дворе Радзивилла в 50-е годы XVI в. существовал кружок ученых-гуманистов, шляхетских поэтов. Ответ Радзивилл сочинял при участии Ланцкого, Филипповича и, видимо, Морштына, Зациевского, Агриппы, Лещинского [28].

М. Стрыйковский в «Хронике» (1582) в латинских посвящениях с благодарностью писал о некоторых белорусских магнатах-меценатах. Он подчеркивал, что не только жил у Заславских, Ходкевичей, Олельковичей, но и пользовался летописями и другими материалами из их богатых библиотек и архивов во время работы над «Хроникой».

---

[26] Hartleb K. Biblioteka Zygmunta Augusta. Studjum z dziejów kultury królewskiego dworu. Lwów, 1928, s. 59—77.

[27] Historia sztuki Polskiej, t. 2. Kraków, 1962, s. 177—178.

[28] Vergerius. Duae epistolae altera Aloysii Lipomani Veneti episcopi Veronae. Regiomonti Borussiae, exudebat J. Daubmanus, MDLVI (книга находится в рукописном отд. б-ки АН ЛитССР).

Таким образом, меценатство в Белоруссии, несмотря на социально-классовую ограниченность и замкнутость, было показателем экономической и культурной зрелости общества и способствовало утверждению достижений культуры, нередко имевших общенародную значимость.

Меценатство, учеба белорусской молодежи в западноевропейских университетах, появление новых культурных потребностей, влияние гуманистических и реформационных идей обусловили рождение тогдашней белорусской интеллигенции (явление типично ренессансное), что благоприятно отразилось на развитии общественно-политической и философской мысли, на формировании профессионального искусства в Белоруссии.

В развитии белорусской культуры XVI в. обнаруживается качественно новая тенденция — ослабление влияния византийских, южнославянских культурных традиций и ориентация на античные и передовые западноевропейские при одновременном сохранении и дальнейшем развитии политических, экономических и культурных связей с Россией и Польшей. Эта тенденция выразилась в зарождении социально-политических учений, обмирщении языка, усилении элемента занимательности в литературе, возрастании объема переводной литературы, проявлении повышенного интереса к рыцарскому роману, воинской повести. В белорусско-литовском летописании, которое развивалось в XVI в. только как общегосударственное, светское, усиливаются национальные и общепатриотические тенденции: история Великого княжества Литовского связывается с античной историей, а сами исторические события подаются в беллетризованной форме. Однако в первой половине XVI в. еще не произошло коренных преобразований во всей эстетической системе белорусской культуры. Белорусско-литовские хроники как памятники литературы были в целом средневековыми по своему характеру[29]. В белорусском зодчестве наряду с новыми чертами, свойственными архитектуре Возрождения, господствует средневековый (древнерусский) стиль[30].

Областью деятельности, в которой, как в зеркале, отразились ведущие тенденции времени, было белорус-

[29] История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977, с. 53.
[30] Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии. Минск, 1977, с. 29—60.

ское книгопечатание, открывшее новую эпоху в культурной жизни Восточной Европы. Знаменосцем ее был полочанин Ф. Скорина, доктор «свободных» и лекарских наук, яркий представитель тогдашней белорусской светской интеллигенции. Его просветительская деятельность — результат синтеза отечественных и передовых западноевропейских культурных традиций — свидетельствует о том, что восточные славяне, в том числе белорусы, не стояли в стороне от великого исторического процесса ломки устоев средневековья.

Появление такой фигуры, как Ф. Скорина, в белорусской культуре стало возможным только в эпоху самого интенсивного становления белорусской народности, которая его выдвинула и живым воплощением сознания которой он являлся. Поэтому-то в деятельности великого гуманиста отразились важнейшие тенденции Возрождения в Белоруссии, а также некоторые черты нового исторического времени (жажда к наукам, желание дать образование всему народу), связанные с будущим белорусской нации.

Гражданский подвиг Ф. Скорины заключался в том, что гуманист первым попытался практически удовлетворить потребность белорусского народа в образовании и с этой целью перевел и издал для «посполитого люда» книги Библии на тогдашнем белорусском языке. Тем самым он засвидетельствовал в белорусской культуре одну из главных закономерностей Ренессанса — возрождение народного языка и поворот к нему как могущественному средству народного просвещения творческой интеллигенции Белоруссии.

Первопечатник восточных славян Ф. Скорина с его философско-эстетическим учением вырос на интеллектуальном опыте восточнославянских народов. Мировоззрение Ф. Скорины, горячего патриота белорусской земли, в своих основах отражает важную тенденцию становления белорусской литературы в русле синтеза местных и западноевропейских литературных традиций. Предисловия и послесловия к изданным книгам, в которых он страстно призывает к самопознанию и познанию мира как величайшей мудрости, стали самобытным жанром в белорусской литературе. Гравюры скорининских книг — это выразительный почерк Ренессанса и блестящее развитие гравюрного мастерства лучших немецких и итальянских

художников, а также культуры художественного оформления восточнославянской рукописной книги. Богатство и гармоничность графического оформления книг Скорины, придававшие им во многом светский характер, не смогли повториться «ни в одном издании церковнославянской печати на протяжении всей другой половины XVI, всего XVII и первой половины XVIII веков» [31].

Знаток многих древних и новых языков, Скорина хорошо знал античную литературу. Он неоднократно в своих предисловиях цитирует и называет Солона, Цицерона, Ликурга, Аристотеля и др. На скорининской Библии лежит печать великой творческой индивидуальности переводчика, хотя характер самого издания требовал от гуманиста учета опыта не только чешских, но и древнерусских, и белорусских переводчиков XV—XVI вв. Рационализм Ф. Скорины заключается не только в использовании книгопечатания как могущественного средства воспитания народа, Библии как литературного памятника и источника знаний, а прежде всего в сознательном вычленении светских знаний из церковных и античных памятников и использовании их для нужд просвещения белорусского и других восточнославянских народов. Великий гуманист сознавал, что широкие народные массы Белоруссии, Украины, России, Литвы психологически и интеллектуально к восприятию светских знаний в первой половине XVI в. еще не были достаточно подготовлены, в то время как представители феодального сословия нередко получали образование в высших западноевропейских школах. Таким образом, Ф. Скорина целенаправленно стремился использовать Библию на ниве белорусского и восточнославянского образования в конкретно-исторических местных условиях. Поэтому его деятельность носит глубоко демократический и учебно-педагогический характер. Е. Ф. Карский так оценивал переводы нашего первопечатника: «Переводы Ф. Скорины не имели каких-либо конфессиональных целей. Целью их было только принести пользу своему народу» [32]. В «Предьсловии в Псалтырь» первопечатник написал: «Положил есми на боцех некоторыи слова для людей

---

[31] Стасов В. В. Разбор рукописного сочинения Ровинского. Отчет о седьмом присуждении наград графа Уварова. СПб, 1864, с. 32.
[32] Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 30.

простых...»[33]. Скорина знал, что его книги «не толико докторове и люди вченые... разумеют, но всякий человек простой и посполитый рускага языка». Под «посполитым людом» он понимал не только социальные сословия, широкие пласты белорусского, «русские» слои населения Литвы, но и все население Руси, под которой подразумевал восточнославянскую общность. На эту особенность скорининских изданий указывает, кроме признаний самого книгопечатника, широкая география распространения его книг, стремление гуманиста открыть книгоиздательское дело в Москве и язык изданий. Гуманист создал общепонятный для восточных славян высокий книжный стиль, в основе которого лежит своеобразный сплав белорусского и старославянского языков.

Ф. Скорина в творческой работе над переводом Библии на белорусский язык использовал и «Вульгату» (латинский текст «Библии»), при создании шрифта сплавил белорусский полуустав с латинской антиквой[34] и выступил за творческое освоение белорусами латинской культуры. Он пропагандировал систему античного и европейского латинского образования, в предисловиях к книгам дал объяснение многих латинских слов.

Гуманисты видели в книге средство просвещения народа. В Белоруссии Ф. Скорина и его последователи также смотрели на книгу прежде всего как на средство культурно-просветительского воздействия, формирования эстетического вкуса народа, воспитания его нравов. Что касается России, то она не пережила эпохи Возрождения в его общеевропейском понимании[35], и как результат этого книгопечатание возникло там позже, чем в Белоруссии, и «надолго оказалось в руках» церкви[36].

Скорининские книги — это результат качественных сдвигов в художественном сознании белорусского народа, перелома в его культурной жизни и свидетельство довольно развитой литературной традиции у восточных славян первой половины XVI в. Факты показывают, что

---

33 Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969, с. 12.

34 Владимировас Л. Франциск Скорина — первопечатник вильнюсский. Вильнюс, 1975, с. 31—36.

35 Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 76.

36 Луппов С. П. Книга в России в XVII и первой четверти XVIII в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. историч. наук. Л., 1972, с. 6.

ни учеба Скорины в европейских университетах, ни получение им высших степеней доктора наук, ни его патриотический почин в печатании книг кириллического шрифта не являются каким-то феноменом, а доказывают прогрессивный поиск и закономерный итог белорусской культуры в эпоху Возрождения, подготовленный самим характером ее исторического развития.

В деятельности Ф. Скорины соединились важнейшие особенности гуманизма в Белоруссии — рационалистическо-демократическая, учебно-просветительская и глубоко патриотическая направленность. Именно эти особенности ренессансного гуманизма проявились и в лучших произведениях белорусских поэтов-латинистов первой половины XVI в.

БЕЛОРУССКИЕ СТУДЕНТЫ В УНИВЕРСИТЕТАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XIV—XVI ВВ.

Формирование ренессансной культуры, возникновение новолатинской литературы в Белоруссии, как и в других восточноевропейских странах, было ускорено воздействием раннебуржуазной идеологии передовых западноевропейских стран. Феномен латинской письменности восточных славян невозможно объяснить без рассмотрения вопроса о латинской образованности.

Архивные сведения о белорусских студентах средневековья, частично использованные зарубежными исследователями, еще не были целостно и комплексно проанализированы белорусскими учеными [37].

Цель наша — показать на конкретном материале, что поездки белорусской молодежи за наукой в западноевропейские университеты являлись исторически закономерными и прогрессивными. Изучение этого глубоко знаменательного явления в культурной жизни Белоруссии дает возможность постигнуть единство и связь гуманистической восточнославянской культуры с прогрессивной европейской традицией. Закономерность его видится нам и

---

[37] Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1961; 400-леццe беларускага друку. Мінск, 1926; 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968; Александровіч Сцяпан. З майго падарожжа.— «Полымя», 1969, № 6; его же. Кнігі і людзі. Мінск, 1976; Подокшин С. А., Рогович Я. Д. До джерел вищої освіти.— В кн.: Від Вішенського до Сковороди. Київ, 1972.

в объективных причинах формирования белорусского и литовского студенчества: в общих экономических и культурных сдвигах общества; в формировании местного меценатства; в довольно быстром росте белорусских городов и недостаточном количестве начальных (церковноприходских, кафедральных) и отсутствии до 1579 г. в Великом княжестве Литовском высших школ (университетов, академий), которые могли бы удовлетворить быстро растущие потребности белорусского общества в ученых людях; в законоположении литовских статутов, которые юридически закрепили эти определенные экономические и культурные изменения, и в субъективных причинах — желании учиться, приобретать знания, ставшие необходимыми в отдельных областях жизни.

В Дарственной грамоте 1457 г. короля Казимира разрешался свободный выезд для учебы в чужестранных университетах и школах. В постановлении Казимира, позднее вошедшем во все три редакции статутов, сказано: «Також призволяем, абы княжата, рытеры, шляхтичи, бояре, добровольно имели бы моць выехати з нашых земель князьства великого, для лепшого шчастья набытия, а любо учинков рытерских, до каждых земль, сторон, только выменяючи стороны неприятельское» [38]. Согласно Статуту 1529 г., выезжающие в чужеземные страны освобождались от военной повинности. Испытание одной дорогой в университет, полной лишений, неожиданностей и опасности, являлось рыцарским подвигом. Некоторые учились в трех-четырех университетах. Инициатива единиц постепенно вылилась в своеобразное общественно-политическое и культурное движение в Белоруссии и Литве, вызванное потребностями времени.

Благоприятная политическая атмосфера была использована литовско-белорусско-украинскими шляхтичами и горожанами. Получение образования стало чертой аристократического воспитания.

Разбогатевший город Белоруссии был главным поставщиком студентов. Некоторое количество их давала и белорусская деревня. Отдельным представителям крестьянского сословия благодаря поддержке меценатов удавалось попасть в число счастливцев, которые смогли получить высшее образование за границей. Петроковский

---

[38] Белоруссия в эпоху феодализма, т. 1, с. 125.

статут 1496 г. давал право одному из сыновей крестьянина учиться наукам и ремеслу. В Краковском университете, например, в конце XV — начале XVI в. обучалось около 10% детей крестьян.

С целью удержания своих позиций католицизму понадобились не только костелы, но и латинские школы, которые были созданы в западной и центральной Белоруссии[39]. В школах преподавались «семь свободных наук» и в качестве главного предмета — латынь. Однако глубоких знаний костельные, церковноприходские школы не давали. Несомненно, в университеты шли прежде всего слушатели подготовленные, с неплохим знанием латыни. Число прикостельных и частных школ было очень невелико, сеть расположения их на белорусских землях редкая, и они, естественно, в новых исторических условиях не могли удовлетворить выросшие потребности белорусского общества в высокообразованных людях.

Европейский университет, таким образом, в первой половине XVI в. стал той средой, где воспитывались и учились выходцы из Белоруссии и Литвы. Обучение в средневековых университетах проходило на латинском языке. Поэтому первый гуманистический этап белорусско-украинской[40] и литовской образованности (XV—первая половина XVI в.) проходил преимущественно под знаком латинского влияния. Территориальный принцип, которым пользуется большинство современных ученых, занимающихся изучением истории и культуры Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, далеко не всегда позволяет решить проблему национальной идентификации студентов, обучавшихся за границей. Причиной тому является не только схожесть географических названий населенных пунктов Центральной и Восточной Европы, но и достаточно известный факт смешанности населения в городах и местечках Великого княжества Литовско-

[39] Виленская кафедральная школа (1387); юридическая школа св. Яна (1513); школы в Гаеве (Борисовский повет, 1514); Начская (на Подляшье, 1529); Трабская (Ошмянский повет, 1534); школы в Мостах над Неманом (1538); Виленская латинская школа А. Кульвы для бояр (1539); Юхновицкая (около Белостока, 1540); Новодворская (около Гродно, 1541); Недведская (Слуцкий повет, 1545); Гродненская (1555). См.: Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв. Казань, 1898, с. 8—21.

[40] Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян..., с. 72.

го, наличия здесь разнородных влияний и интеграции культуры. Необходимо принять во внимание, что преобладающее большинство городского населения Белоруссии XVI в. составляли сами белорусы — не менее 80%. На города и местечки такого типа припадала половина всех поселений Великого княжества Литовского [41].

Обратим внимание и на Вильно — одну из колыбелей белорусской культуры. С. Герберштейн утверждал, что в первой четверти XVI в. «там заметно больше храмов русского, чем римского, вероисповедания» и что «жители их (Литвы и Жемайтии.— *В. Д.*) в большей части русские» [42]. В начале XVI в. около половины жителей Вильно составляли белорусы. Часто провести разграничение между белорусом и литовцем трудно. Писари университетов нередко прибавляли к именам белорусов приставку «рутенус» или «литванус». Так, Ф. Скорина в ректорских актах Краковского университета за 1506 г. отмечен как «Franc. de Poloczko Litphanus».

Согласно письменной традиции средневековья фамилия человека записывалась по месту его рождения или жительства в том или ином государстве. Записи университетские велись нерегулярно и неопределенно, заносились в акты преимущественно лица титулованные с учеными степенями (бакалавр, магистр, доктор). За счастливцами с академическими лаврами стояла в пять-десять раз большая группа их соотечественников, которые в силу разных объективных и субъективных жизненных обстоятельств не смогли успешно окончить полный курс университета и остались безымянными подвижниками науки.

Сложность наблюдений над количественной стороной студенчества красноречиво прослеживается на характере записей за 1367—1585 гг. в Пражском университете. В сохранившихся списках, по утверждению А. Флоровского, национальность каждого студента не указывается, не обозначается его социальное происхождение, его лишь относят к одной из четырех «наций, на какие распределялась вся масса учащихся» [43]. «Нацио Полонорум», от-

---

41 Копысский З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в., с. 51.

42 Герберштейн Сигизмунд. Записки о московитских делах. СПб, 1908, с. 40.

43 Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935, с. 285, 333.

меченная университетскими статутами, в значительной мере была непольская. Сюда вносились белорусы, литовцы, украинцы и русские, все лица, которые происходили из польской провинции костельной. Таково было в целом большинство матрикуляций средневековых университетов, форма записей в которых, по существу, механически перешла и в эпоху Возрождения.

Типичность скорининского пути за знаниями[44] убедительно подкрепляет количественная характеристика белорусского и литовского студенчества, которая в разные исторические периоды очень неровная. Учитывая наиболее важные изменения в культуре Белоруссии позднего средневековья, когда в Великом княжестве Литовском еще не было высших учебных учреждений, можно наметить три этапа в поездках белорусской молодежи за границу за период с конца XIV по XVI в.: 1) конец XIV в.— 80-е годы XV в.; 2) конец XV — 30-е годы XVI в.; 3) 40-е годы — конец XVI в. В первый период белорусы ездили в основном в Пражский, Краковский и спорадически в итальянские и немецкие университеты, во второй — в Краковский, Падуанский и Болонский, и третий — в немецкие, швейцарские.

Начало налаживанию культурных связей белорусов с Европой положил Пражский университет (год основания 1348). В 1397 г. здесь при Вифлеемской часовне была учреждена специальная коллегия для представителей Великого княжества Литовского. К пражскому роднику знаний тянулась молодежь из Белоруссии, Литвы и с Украины. Она воспитывалась на проповедях профессора Яна Гуса. Так, в 1401 г. Кристофор из Литвы сдал экзамены на достоинство бакалавра, Матвей из Вильно в 1404 г. получил звание бакалавра, а в 1408 г. — ма-

---

[44] Первоначальное образование Ф. Скорина, видимо, получил в одном из классов бернардинского монастыря в Полоцке. Далее Скорина едет в Краков, где училось немало выходцев из Белоруссии. Значительный застой Краковского университета 20—30-х годов XVI в. послужил одной из причин поездок молодежи в Италию. В 1512 г. Падуанский университет, одно из крупнейших учреждений своего времени, заслуженно подарил ему мантию и берет доктора в лекарских науках. По его следам шло следующее поколение белорусской, украинской и литовской молодежи. Охотников учиться было много, поэтому 8 февраля 1592 г. в Падуанском университете была открыта новая академическая «Нация Королевства Польского и Великого княжества Литовского».

гистра; в 1409 г. бакалавром стал Банифаций из Лиды [45] и другие.

Некоторые белорусские воспитанники Пражского университета были приверженцами гусизма. Гуситские идеи, правда, имели незначительное распространение в Белоруссии из-за недостаточной развитости белорусских городов по сравнению с чешскими и слабости здесь в XV в. антифеодальной оппозиции. В широком значении гусизм — это зародыш ранней Реформации, стимулировавший в известной мере предренессансные процессы в культуре восточных славян.

В Праге белорусские студенты могли познакомиться с первой печатной книгой в славянских странах — «Троянской хроникой», напечатанной на чешском языке в 1468 г., и с той огромной печатной продукцией, главным образом светской литературой на латинском языке, которая заполняла книжные рынки чешской столицы.

Вторым после Пражского и первым по значению для культурного развития Белоруссии и Литвы вплоть до 30-х годов XVI в. и для ознакомления их представителей с латинской литературой был Краковский университет (основан в 1364 г.).

После реформы 1400 г., проведенной Ягайло, Краковский университет стал высшей школой не только для Польши, но и для Великого княжества Литовского. Этому способствовало основание в 1409 г. магистром Яном Иснеровичем бурсы для молодежи из княжества Литовского. В статуте отмечается цель ее создания: «Для использования небогатыми магистрами, бакалаврами, студентами... в первую очередь литовцами и русинами, отбирая способных для изучения теологии и свободных наук, чтобы распространяли свет католической веры» [46]. Лучшие представители из Белоруссии интересовались больше не «светом» католической веры, а гуманистической культурой в Западной Европе. Богатые школяры обязаны были внести 8 гривен, чтобы таким образом уве-

---

[45] См.: Fiajłek J. Polonia apud Italos scholastica saeculum XV. Kraków, 1900, s. 29—30; его же. Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Kraków, 1914, s. 124.

[46] «...Ad usum pauperum magistrorum, baccalaureorum, studentium et ad quam (domum) ante omnia, si fuerint, recepti Lithuani et Rutheni». См.: Fijałek J. Uchrześcijanienie Litwy przez Polskę. Polska i Litwa w dziejowym stosunku, s. 124.

личить приток учащихся. Бурса была расширена знаменитым профессором Матвеем Меховским.

В первые десятилетия XV в., когда ректором был Ян из Дрогичина, в анналы Краковского университета вписаны 849 человек, в следующие годы (1423—1515) — 17 263 человека. Со второй половины XV в. около 45% всех студентов составляли представители из других стран, среди них — значительное число литовцев и белорусов. Количество «литовских» студентов в Краковском университете зависело от государственных отношений между Польшей и Великим княжеством Литовским. После победы славянских и литовского народов в Грюнвальдской битве (1410) число студентов заметно увеличилось. В актах матрикуляций Ягеллонского университета за первую треть XV в. находим 32 студентов из Великого княжества Литовского, 15 из них выходцы из Вильно, остальные из Ошмян, Гродно, Полоцка или, как отмечено, прибыли «из Литвы» [47].

За время правления Витовта (1392—1430) бакалаврами стали 7 студентов из Белоруссии и Вильно: Ян из Вильно, Герман Гедройц, Якуб из Лиды и др. В 20-е годы XV в., в период усиления государственной самостоятельности Великого княжества Литовского, процент «литовских» посланцев в Кракове падает до нуля. Приближенные великого князя теперь получали высшее образование в университетах Германии и Италии. Например, маршалок Витовта Юрий Бутрим учился в Липске (Лейпциг), куда записался в 1409 г. [48]

Позже число «литовских» студентов в Кракове стало постепенно возрастать, что было вызвано улучшением политических связей с Польшей. В 1442 г. в Кракове учились 7 студентов из Великого княжества Литовского, в 1443—6, в 1444—5, в 1453—7, в 1475—9 человек.

С конца XV в. количество белорусов, литовцев, украинцев в Краковском университете заметно увеличилось [49], ибо в это время начинается экономический и культурный подъем Великого княжества Литовского.

---

[47] Album studiosorum universitatis Cracoviensis, t. 1 (1400—1489). Cracoviae. 1887.

[48] Ročka M. Lietuvių studentai Krokuvoje...— «Literatūra», IX. Vilnius, 1966, p. 61.

[49] Album studiosorum universitatis Cracoviensis, t. 2 (1490—1551). Ed. Adam Chmiel. Cracoviae, 1892, s. 4—92.

80-е годы XV — начало XVI в.— это период расцвета Краковского университета. В университете развивались преимущественно астрономия и математические науки. Это сделало Краковский университет одним из передовых учебных центров в Европе того времени. Работы краковских ученых-астрономов Мартина из Журавицы, Мартина из Алькуша, Яна Глоговского, Альберта Брудзевского благотворно повлияли на формирование революционного учения Коперника, который учился здесь на факультете свободных искусств в 1491—1495 гг. Об уровне преподавания на этом факультете писал Шедель в «Хронике мира» (Нюрнберг, 1493): «В Кракове находится прославленный университет, в котором много знаменитых и весьма ученых мужей преподают многочисленные свободные науки. Лучше всего, однако, поставлено изучение астрономии. Во всей Германии нет более знаменитой школы, как об этом мне известно от многих лиц». Из 42 кафедр, включающих работу четырех факультетов (свободных наук, медицинский, теологический, юридический), 34 были отданы факультету свободных наук.

Учебная программа Краковского университета строилась по принципам учебной практики Пражского университета: преподавание на средневековом латинском языке (по «Донату» или «Доктринам» Александра из Вильдье), традиционное обучение в форме чтения лекций и конспектирования, проведения диспутов и коллоквиумов по вопросам догматики, грамматики, средневековой поэзии, выработки умения писать стихи. Познание античной культуры сначала хотя и принижалось, но богатые достижения древности здесь не были забыты. После реформы, проведенной Яном из Домбровки в 1449 г., античную литературу представляли Вергилий, Овидий, Лукиан, Гораций, Ювенал, Персий, Теренций, Клаудиан, Эзоп, Федр [50], хотя анализ их творчества еще искусственно подгонялся к принципам метафизики. К услугам студентов было крупное книжное собрание, которое послужило основой для Ягеллонской библиотеки.

Многие преподаватели Краковской высшей школы выделялись прогрессивными для своего времени взглядами, периодически читали лекции в Риме, Болонье, Праге. Так, Якуб Паркошович первым сформулировал

[50] Zabłocki Stefan. Od prerenesansu do oświecenia. Z dziejów inspiracji klasycznych w literaturze polskiej. Warszawa, 1976, s. 77.

принципы польской грамматики в отношении к нуждам университетского образования. Школяры в бурсах пренебрегали правилами статутов говорить между собой только на латыни, и тогда среди славянского многоголосия слышалась и белорусская речь. Магистр Ян из Лудиска на встрече короля Казимира в университете в своем приветственном слове благодарил за улучшение бытовых условий жизни студентов, но отмечал рабское положение польских крестьян и выражал надежду, что новый король облегчит их судьбу, уничтожит крепостное право, ибо «природа всех людей породила равными»[51].

С 1442 по 1492 г. в краковские «альбомы» вписано более 140 юношей из Великого княжества Литовского. Многие из них возвратились на родину бакалаврами, около двадцати—магистрами и даже докторами. По подсчетам С. Александровича, с 1433 по 1500 г. в Краковском университете из Белоруссии и Литвы училось более 120 человек, степень бакалавра получили 56 человек[52]. Ранее большую часть студенчества составляли выходцы из Вильно. Во второй половине XV в. города Белоруссии все чаще посылают на учебу в Польшу своих сыновей. В ректорских списках фигурируют Полоцк, Гродно, Брест, Витебск, Минск, Волковыск, Любань, Пинск, Орша и др.

Данные, приведенные нами, неполные, так как многие, особенно бедные, студенты не были занесены в университетские матрикулы. В 1476 г. князь Андрей Свирский (о его склонности к меценатству писал магистр Адам из Котры) прибыл в Краков с группой соотечественников. Однако имена их остались неизвестны. Вацлав Чирка из Волковыска, секретарь мецената Яна Лаского, возил в Рим на учебу нескольких своих земляков. В 1528 г. со своими учениками прибыл в Краков будущий известный деятель Реформации С. Раполёнис, позднее доктор Кенигсбергского университета. К. Моравский подсчитал: четвертая часть всех студентов получила степень бакалавра, только 20-я (!) — степень магистра[53]. Если учитывать, что не все лица без степени заносились в ректорские акты, то можно не без оснований считать,

---

[51] Monumenta Medii Aevi Historica, t. 14, s. 13—16.
[52] Александровіч Сцяпан. Кнігі і людзі. Мінск, 1976, с. 120.
[53] Morawski K. Historya uniwersytetu Jagiellońskiego, t. I. Kraków, 1900, s. 214.

что уже к 90-м годам XV в. в Краковском университете побывало из Великого княжества Литовского около 600 студентов, из которых половину составляли белорусы. Точно неизвестно, сколько человек стали магистрами и докторами. Однако известно, что «сам король оказывал материальную помощь литовским и русским студентам университета... и многие из них были представлены к степени бакалавра, магистра и некоторые — доктора» [54].

В Краковском университете преподавали магистры: Ян из Полоцка читал «Письма» Цицерона, Ян из Мостов знакомил студентов с «Этикой», «Метафизикой» Аристотеля; в 1488—1489 гг. Андрей Свирский читал курс по Аристотелю; неоднократно избирались деканами магистры Леонард из Добщиц и Петр из Залесья. В 1511 г. в Кракове преподавал доктор свободных искусств и медицины Адам из Богино и др.

В развитии литературных способностей белорусского просветителя Скорины Краковский университет сыграл далеко не последнюю роль. Он записан на факультете «семи свободных наук» в 1504 г. как «Franciscus Luce de Ploczka» [55]. Скорина уплатил два гроша и занимался под руководством доктора свободных искусств и канонического права Яна Амицина из Кракова. Франциск был не один. Вместе с ним на одном факультете в один год учился Георгий из Волковыска, который также внес в кассу два гроша. Возможно, земляков объединяли общие интересы. На других факультетах тогда же учились еще Марк из Немиги, Павел из Гродно, Винцусь из Слуцка, Николай из Ошмян и др.

В 1507 г. в Кракове учились Ян из Гродно и Станислав из Клецка. Они занимались под руководством доктора медицины Яна из Регул. В 1512—1513 гг. хирургическую практику в университете проходили Ян Немец из Литвы и Стефан Фалимеж Русин, который стал знаменитым лекарем. Якуб из Крошина обогащал свои знания у «мудрого сарматика» Матвея Меховского. В 1521 г. в Кракове учился Петр из Слонима, в 1522 г.— Ян из Лиды. Здесь же проходили университетский курс Вавжинец Мядельский, будущий автор политического

---

[54] «In ipsa quoque universitate filios lithuanorum et rutenorum in propriis fovebat stipendiis... nam multi baccalaurei, multi magistri, aliqui doctores promoti sunt».

[55] Album studiosorum universitatis Cracoviensis, t. 2, s. 91.

трактата «Описание могущественной Турции» (1514) и Георгий сын Луки из Заболотья (теперь Вороновский р-н), будущий автор известного «Катехизиса», о котором Проспер Мериме рассказал в новелле «Локис».

Краковский университет, несмотря на засилье теологии, был значительным культурным центром, прямо или опосредствованно способствовавшим объединению спорадических элементов польского гуманизма в целостный процесс. Некоторые студенты и профессора были активными борцами против ортодоксальной церкви. Но все же правду и истину, свободную от схоластики, студенты искали и находили прежде всего вне стен университета — в самой жизни. Крупный политический и культурный центр, Краков был превосходной питательной средой для деятельности гуманистов. Свободолюбивый славянский город привлекал именитых итальянских и немецких гуманистов, деятельность которых фокусировала культурную жизнь и придавала ей гуманистическую направленность. Есть основания предполагать, что поклонниками музы старейшего итальянского поэта-гуманиста Ф. Каллимаха, педагогическая деятельность которого проходила в Краковском университете в 1470—1496 гг., были и белорусские студенты.

Короткая, но плодотворная деятельность немецкого гуманиста Конрада Цельтиса в Кракове (1489—1491) увенчалась созданием первого в Центральной Европе литературного салона «Sodalitas litteraris Vistulana». Члены его (Ружа Барышевский, Бернард Вильчак, архиепископы Львова и др.) популяризировали ренессансное искусство. Сведений об участии белорусских и литовских деятелей в этом обществе почти не сохранилось. Имеются лишь косвенные аргументы, позволяющие предполагать, что белорусы поддерживали с Цельтисом связь. Благодаря некоему Бернарду Валискусу Русину Цельтис изучил славянский язык и в знак благодарности посвятил ему хвалебную элегию в «Четырех книгах любви» (Нюрнберг, 1502), иллюстрированных самим А. Дюрером. Небезынтересно, что, уже покинув Краков, Цельтис интересовался кириллическими изданиями Ш. Фиоля. Он писал об этом Зоммерфельду и просил прислать ему «русские» книги [56].

---

[56] Polski słownk biograficzny, t. VI/5, zesz. 30. Kraków, 1948, s. 471.

Таким образом, Краковский университет в конце XV — начале XVI в. выполнял функцию концентрации и создания новой культуры Возрождения в Польше. К этой культуре постепенно приобщались посланцы Белоруссии.

Особой притягательной силой в то время обладала итальянская культура. Первое знакомство белорусов с итальянским Ренессансом могло состояться в городах Италии, Германии, Франции. Дальнейшее усвоение гуманистического наследия Италии шло иным путем. В результате жестоких войн (1491—1559) почти вся Италия попадает под власть Испании. Феодально-церковная реакция усилила отрицательные тенденции в культурном развитии страны. Но упадок не коснулся всей творческой интеллигенции. Богатства классического Ренессанса не погибли. Итальянские мастера искусства и науки разошлись по Европе. Приток их в Белоруссию, Литву, на Украину увеличился, когда в «сарматские» края приехала Бона Сфорца. Молодежь Польши и Великого княжества Литовского в 30-е годы XVI в. все чаще держит путь в Италию. Уже в 20-е годы жителей из Вильно редко встретишь в списках Краковского университета. Такая тенденция была вызвана двумя причинами: засилием теологии в Краковском университете 20—30-х годов XVI в. и усвоением передовой интеллигенцией значительных элементов гуманистической культуры.

Ф. Энгельс по-философски обосновал роль итальянской цивилизации как передатчицы идей Возрождения: «...вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу (так традиционно назывались земли Речи Посполитой, куда входило Великое княжество Литовское.— *В. Д.*), развивалась теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе» [57].

С Италией Великое княжество Литовское поддерживало связи издавна. Сначала они носили спорадический характер, но в конце XV в. настолько окрепли, что итальянские купцы получили специальную привилегию (1483), которая позволяла им беспошлинно торговать на территории Короны и Великого княжества. Матвей из Вильно, будущий епископ Виленской капитулы, был рек-

---

[57] Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1964, с. 158.

тором Сиенского университета. Доктором юстиции в Болонье стал в 1495 г. Ян Филиппович из Вильно. Станислав сын Яна из Вильно, достигнув степени магистра в Кракове в 1492 г., едет продолжать учебу в Падую. В Болонье учился Мартин из Любчи (1461), а Георгий из Дрогобыча (Украина) читал здесь лекции по математике и астрономии в 1478—1482 гг.

Пользуясь правом выезда за границу, белорусская молодежь стремилась в первой половине XVI в. попасть в итальянские университеты, где сильное влияние на учебно-воспитательный процесс оказывала ренессансная мысль. В 30-е годы XVI в. поездки белорусов в Италию приобрели интенсивный характер. Более всего польские, белорусские, украинские и литовские юноши стремились в Падую и Болонью — важнейшие центры научной мысли Италии. Болонский университет славился постановкой преподавания римского права, изучение которого в Великом княжестве Литовском в связи с подготовкой первого Статута (1529) начало приобретать практическую целесообразность.

Падуанская высшая школа выделялась среди европейских университетов гуманистической направленностью, свободомыслием, веротерпимостью. В ней, как и в Краковском университете, имели возможность учиться люди православного вероисповедания. Естественнонаучные дисциплины, медицина были здесь в большом почете. В Падуе был открыт первый в Европе ботанический сад (1533). В коллегии «медиков и артистов» Падуи в XVI в. докторские степени защитили 44 человека из Польши и Великого княжества Литовского. Профессора Падуанского университета испытывали к молодежи «польской» чувства особой приязненности и дружбы. Профессор Лазар Бонамика в 1532 г. в письме к своему ученику Ф. Подневскому писал: «У нас молодежь из Польши пользуется особым уважением» [58]. У знаменитого Л. Бонамика занимался поэт К. Яницкий и «русский Демосфен» С. Ореховский. В Падуе получили дипломы Ян Крупский, Ян Островецкий, Андрей Черньковский, Ян Радван, Винцент из Бреста и др. Только на какое-то время, когда Реформация в Германии привлекла внимание всей Европы, Падуя уступила первенство герман-

---

[58] Barycz H. Spójrzenia w przeszłość polska-włoska. Wrócław—Kraków, 1965, s. 176.

ским университетам. Но уже в конце XVI в. приток молодежи из Польши, Белоруссии, Украины в Падую снова возрос [59].

Будущих деятелей белорусской культуры интересовали итальянская историография, критические приемы, рационалистические методы, которые там применялись при переводах и подготовке к изданию книг светского и церковного характера (кружок Альда Мануция, куда входил и Максим Грек, позже «захожий талант» на Руси), и та большая работа по комментированию и переводам памятников античной литературы.

Белорусские студенты в числе других имели счастливую возможность непосредственно приобщиться к роднику великой культуры итальянского народа, познакомиться с произведениями Данте, Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, быть свидетелями борьбы между новыми сторонниками Данте и Петрарки за приоритет использования в литературном творчестве итальянского или латинского языка. Итальянский Ренессанс дал толчок к развитию рационалистических идей, секуляризации мировоззрения белорусов.

В условиях развертывания Реформации в Белоруссии и Литве 40—60-х годов XVI в. для белорусской молодежи открылся путь в немецкие школы, университеты Германии и Швейцарии. Белорусы учились в это время в Кенигсбергском, Вюртембергском, Ингольштадтском, Грейфсвальдском, Франкфуртском, Оломоуцком и других университетах. Например, в начале 80-х годов XVI в. в Ингольштадтском университете (Бавария) занимался

---

[59] Высокий научный уровень, благоприятные условия для совершенствования интеллекта, развития утонченных вкусов и веротерпимость — все это послужило основой для образования в Падуе 8 февраля 1592 г. новой академической «Нации Королевства Польского и Великого княжества Литовского». Следовательно, здесь еще в 1-й половине XVI в. была подготовлена соответствующая почва для создания отдельного академического товарищества. Организация его работы, как подчеркивает Г. Барыч, была одной из наилучших в студенческих союзах Италии. Трудно сказать, насколько ассимиляционный процесс затронул это землячество. Назовем несколько белорусских имен. В 1592 г., когда в Падуанском университете работал знаменитый Галилео Галилей, в землячество входили Фридерик из Лукомля, позже воевода Витебский; Януш Скумин, воевода Новогрудский, и многие другие. (См.: Barycz H. Archiwum Nacji Polskiej w uniwersytecie Padewskim. Wrócław, 1971, s. 23—24.)

белорусский князь Александр Олелькович и 15 юношей, сопровождавших его[60]. Следует заметить, что реформационное движение в Белоруссии стало возможным только благодаря усвоению определенных достижений гуманистической культуры европейского Возрождения и наличию на белорусских землях антиклерикальных и антифеодальных настроений.

Белорусская молодежь в конце 40-х годов посещала не только немецкие университеты. Источником идей гуманизма и реформации стал и Краковский университет. Его окончили такие известные реформаторы и гуманисты, как Симон Будный, Лаврентий Крышковский, Циприян Базилик, Петр из Гонендза, Якуб из Калиновки. Белорусы учились также в Оксфордском, Пражском и других университетах.

В Западной Европе XVI в. идеологи протестантизма относились к гуманистической культуре с консервативных позиций, недооценивали античную письменность и искусство. Эразм Роттердамский писал: «Где господствует лютеранство, там гибель для тех, кто занимается литературой»[61]. Взгляды местных протестантов отчасти характеризует вышеупомянутый полемический трактат-послание Радзивилла Черного и его соавторов к папскому послу в Литве А. Липпоману (1556). Авторы послания резко отрицательно высказывались о классическом античном наследии, латинском языке, считая, что античная мудрость по сравнению с учением Лютера малоценна. Несмотря на то что протестантизм подавлял развитие творческой мысли, движение Реформации повысило «самовластие» человека, усилило интерес к родному языку и активизировало критическую мысль. Античная литература на латинском языке, хотя и в форме «textus expurgati», в значительном объеме преподавалась в Кенигсбергском университете. Особое внимание обращалось здесь на функциональную роль устного рассказа, ораторское искусство. Творчески развивая эти принципы, белорусские реформаторы создали в XVI в. значительную литературу на родном и латинском языках.

---

60 Czaplewski P. Połacy na studijach w Inglosztacie. Z rękopisów uniwersytetu Monachiejskiego. Poznań, 1914, s. 25.

61 Цит. по кн.: Исследование по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960, с. 161.

Проникновение идей ренессансного гуманизма в Белоруссию и Литву не было постоянным и равнозначным. Нередко белорусы возвращались из Западной Европы религиозными фанатиками. И все же своеобразная эпоха Возрождения в Белоруссии характеризуется, как это было и в Западной Европе, «гораздо большим распространением всеобщего образования — хотя еще и скверного — благодаря университетам»[62]. Несмотря на миграцию и подвижность, белорусская, как и вся европейская, интеллигенция эпохи Ренессанса составляла своего рода «незримый, неформальный коллектив». Появление белорусов, литовцев и украинцев в европейских учебных заведениях способствовало пересмотру скептического отношения к Руси и Литве как варварским, «сарматским» странам.

Европейские университеты были источниками передовых идей того времени (гуситских, ренессансных, реформационных и др.). Учеба не только расширяла кругозор белорусской молодежи, способствовала освоению передовых культур, но и побуждала к самооценке, к активной деятельности и творчеству на ниве национальной культуры и литературы в родном крае. Убедительное свидетельство тому — разносторонняя деятельность Ф. Скорины и др. Латинская образованность оказала значительное воздействие на становление всей культуры Белоруссии.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И ЛАТИНСКАЯ КНИГА В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ

Белоруссия XV — начала XVI в. была в своей основе двуязычной. В широком применении в качестве литературного языка религиозной письменности и богослужения были церковнославянский, а в деловой письменности и светской литературе — белорусский, представленный лучшими своими образцами в статутах и «Хронике Быховца». Общеизвестно, что белорусский литературный язык на протяжении долгого времени, с XIV по XVII в., в общественно-политической жизни многонацио-

[62] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве в 2-х т., т. 1, с. 312.

нального Великого княжества Литовского был средством межнациональных отношений, являлся языком канцелярии и делопроизводства. Влияние белорусского языка, как писал Е. Ф. Карский, было «настолько сильное, что проникло даже до прусских литовцев, какие не соприкасались непосредственно с русскими»[63].

Польский язык в начале XVI в. не играл существенной роли в жизни Белоруссии и Литвы, хотя и преподавался в отдельных прикостельных школах и использовался в отправлении религиозного культа.

По сравнению с церковнославянским и белорусским сфера применения латинского языка в Белоруссии и Литве изучаемого периода была значительно уже. Он не являлся здесь живым, разговорным, что более выразительно проявлялось в двуязычной Польше. «Полска квитнет лациною, Литва квитнет русчизною»,— справедливо писал белорусский поэт Ян Пашкевич. Поэтому стремление в образованных кругах Белоруссии к углубленному познанию латинского языка как инструмента осмысления наследия античности и европейской культуры, как языка международных отношений не ослабляло значения белорусского языка в культурной жизни Великого княжества Литовского. Изучение латинского языка белорусами и литовцами было вызвано историческими причинами, потребностями времени.

В результате проникновения католицизма на белорусских землях в XV—XVI вв. средневековая латынь как язык культового предназначения и религиозной литературы был характерным явлением для Белоруссии.

Соседство билингвистической Польши, где на латыни разговаривали и писали шляхта, горожане, вызывало практическую необходимость в подготовке латинистов в Белоруссии и Литве. В них нуждались дипломатическая служба и делопроизводство великокняжеской канцелярии, состоявшей из двух отделов — латинского и русского (белорусского). Изучение грамот, привилегий литовских князей за период XIV—XVI вв. показывает, что эти документы на латинском языке предназначались для значительной территории — Виленщины, Ковенщи-

---

[63] Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам, с. 29.

ны, Галиции, западных и центральных земель Белоруссии. Причем и лексика грамот белорусского текста пестрит латинизмами, ходовыми латинскими словосочетаниями.

Экономический и культурный подъем белорусских, литовских и украинских городов XV—XVI вв. поставил на повестку дня проблему формирования образованной молодежи Белоруссии, Литвы, Украины. Эту задачу, как было показано выше, решило для определенного исторического этапа восточнославянское студенчество конца XV — первой половины XVI в. в Европе, где учебный процесс основывался на знании латыни.

Типографий в Великом княжестве Литовском не было до 20-х годов XVI в., пока Ф. Скорина не перенес белорусское книгопечатание из Праги в Вильно. Напечататься же восточному славянину в Западной Европе (а такие случаи нередки) можно было только при условии, что его труд был написан на латыни и с расчетом на Европу.

Естественно, без знания тонкостей латыни расцвет латинской поэзии был невозможен. Поэтому белорусы не могли не чувствовать жизненной необходимости в овладении языком науки, литературы, делопроизводства. Эту задачу, о чем говорилось выше, выполнило белорусское студенчество, обучаясь в западноевропейских университетах. Наиболее активными носителями ренессансных идей и создателями новой литературы являлись не церковные круги, а люди светской культуры. Наследуя античность, они приблизились к классическому латинскому языку. Большинство европейских новолатинских поэтов стремились писать свои произведения именно на античной образцовой, «золотой» латыни. Аналогичное характерно и для белорусских поэтов латинской школы XVI в.

Определенную роль в распространении латинского языка в Литве и Белоруссии сыграла «теория» римского происхождения литовцев, нашедшая отражение в белорусско-литовских хрониках XVI в.

Белорусские и литовские хронисты, разрабатывая вопросы отечественной историографии, сами были сторонниками этой концепции. По свидетельству А. Ротунда, все «литовские» шляхтичи ведут свою родословную от римлян: «Ежедневно мы слышим, как они утверждают

и говорят об этом с честью»[64]. По словам гуманиста В. Агриппы, «теория» происхождения литовской знати от римлян подтверждает, что литовцы когда-то разговаривали на латинском языке: «...Idioma Lithuanorum olim latinum fuisse...»[65] и что литовский язык — это измененный латинский. Поэтому в Литве смотрели на латынь как на язык своих предков, пропагандировали его и использовали в частной переписке и литературном творчестве. Пропагандистами латинского языка в Литве и Белоруссии были А. Ротунд, М. Литвин, А. Волан, Я. Радван, Х. Завиша (Боер) и ряд других гуманистов.

Соотношение церковнославянского и латинского языков с белорусским во многих аспектах совпадает. Это были языки, в своем генезисе связанные с религией, они обслуживали верхи феодального общества, были языками наднациональными и служили делу посредничества между славянскими культурами Запада и Востока. Отличие, согласно академику Д. С. Лихачеву, заключается в том, что «византийская культура была представлена в славянских странах не греческим языком, а языком, близким для всех славянских стран (церковнославянским.— *В. Д.*), хотя все же приподнятым над народными, не сливавшимися с ними. Поэтому славянская рецензия византийской культуры была ближе к народным культурам славянских стран, чем культуры латиноязычная и арабоязычная»[66].

Этот важный вывод имеет непосредственное отношение и к средневековой Белоруссии. Вместе с тем надо подчеркнуть, что широкие трудовые массы и часть православного духовенства ни церковнославянского, ни латинского языков в совершенстве не знали. Видный православный деятель М. Смотрицкий в предисловии к переводу на белорусский язык «Евангелия Учительного» (Евье, 1616) писал, что «прекраснейший, изящнейший, благороднейший... словенский язык» стал «многим малопотребен и непожиточен». На латыни была создана белорусами светская гуманистическая литература Белорус-

---

64 Archiwum Komisyi Prawniczej, t. 7. Kraków, 1900, s. 19.

65 Agrippa W. Oratio funebris de illustrissimi principis et domini Johannis Radziyilli, MDLIII, s. 11.

66 Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы как система. Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 24.

сии, в то время как на церковнославянском языке в первой половине XVI в.— преимущественно религиозная. Знание латыни давало возможность обращаться непосредственно к жемчужинам античной литературы, церковнославянский язык такой возможности не давал, ибо не был языком подобной древнейшей, материнской культуры. Латинское образование открывало белорусам доступ к новому умственному опыту Европы.

Средневековая латинская культура носила сословный характер, поскольку пути к латинскому образованию широким массам были недоступны. И хотя в первой половине XVI в. латинское образование получили немало выходцев из Белоруссии, все же с Матвеем Меховским согласиться полностью нельзя, который в 1517 г. писал: «Христиане... римского обряда (на Руси) поют, молятся и читают на латинском языке»[67]. Однако узкосословный характер латинской культуры не может заслонять от нас той огромной положительной роли, которую она сыграла в развитии общечеловеческой культуры. Коммуникативная функция латыни как эффективного средства международных сношений выходит в своем значении далеко за рамки средневековья.

В конце XVI в. центры высшего образования западноевропейского образца — академии в Вильно (1579) и в Замостье (1595) — возникли по соседству с Белоруссией. На ее земле действовало немалое количество латинских школ среднего типа — кафедральных, протестантских. Латинский язык стал наступательным оружием иезуитов в Белоруссии (коллегии в Полоцке, Гродно, Несвиже, Слуцке, Минске, Витебске и т. д.), стремившихся воспитывать молодежь в духе космополитизма. С другой стороны, латынь была использована православными братствами в борьбе против польско-католической агрессии, а также белорусскими протестантами.

В результате экспансионистской политики Речи Посполитой, полонизации социальной верхушки, белорусский язык постепенно был вытеснен из широкого обихода польским и латинским. Латынь стала языком юрисдикции: Статут 1529 г. переведен на латынь в 1530 г., Статут 1566 г.— в том же году, Статут 1588 г. в 1619 г. вышел на польском, а вскоре и на латинском языке.

---

[67] Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.—Л., 1936, с. 98.

в изучении его назрела жизненная необходимость. «В латинском языке,— утверждал сторонник латинской образованности Сильвестр Косов в трактате «Exegesis»,— нам прежде всего та нужда, чтобы бедную Русь не звали дурной Русью. Поедет бедняга-русин на трибунал, на сейм, на сеймик, в городской или земский суд — без латыни платить вину» [68].

Показательно в этом смысле и завещание Василия Загоровского, каштеляна Брацлавского, написанное в 1577 г.: «...А коли им (его детям.— *В. Д.*) Бог милосердный даст в своем языку руском, в писме светом науку доскоиалую ...тогды мает ее милость пани дядина моя бакаляра статечного, который бы их науки латинского писма добре учити мог, им зъеднавши, в дому моем велеть учить. А кгды вже в науце той добрые початки в себе мети будут, мает их ее милость... до Вилни к езуитом, бо там фалят детям добрую науку» [69].

Таким образом, в области использования латинского языка в Белоруссии, Литве, а также на Украине выявляются две тенденции: средневековая (использование латыни в сфере культового предназначения, делопроизводства) и гуманистическая (классическая латынь в роли инструмента ренессансной литературы). Если в XVI в. в Западной Европе распространение и использование латинского языка шло по линии нисходящей, то в Белоруссии, Литве и на Украине — по линии восходящей.

Существенные стороны развития белорусской культуры эпохи Возрождения раскрываются при изучении первых индивидуальных книжных коллекций [70].

Анализ распространения рукописных книг и старопечатных изданий в каждой европейской стране в XV—XVI вв. позволяет проследить ранние культурные взаимосвязи народов, увидеть уровень их образованности, выявить их влияние на развитие оригинальной литературы. Этот вывод наиболее приложим к истории Литвы, где книгопечатания на родном языке до середины XVI в. не было, а также к Белоруссии этого периода, где нацио-

---

[68] Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... Казань, 1898, с. 425.
[69] Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. 1. Киев, 1859, с. 74.
[70] Об этом подробнее см.: Дарашкевіч В. І. Лацінскія кнігі ў прыватных бібліятэках на Беларусі і ў Літве (першая палова XVI ст.).— В кн.: Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976, с. 58—73.

нальное белорусское книгопечатание еще не приобрело широкого размаха. Указанное обстоятельство не означает, что в белорусском и литовском обществе до XVI в. не было интереса к книгопечатанию.

Значение печатной западноевропейской книги XV—XVI вв. в создании условий для подготовки белорусского и литовского общества к восприятию светской латинской культуры не вызывает сомнения: большинство их было издано на латыни, а в Белоруссию и Литву инкунабулы начали завозиться из Западной Европы еще в середине XV в. Рукописное наследие не могло уже полностью удовлетворять эстетические вкусы и возросшие культурные потребности белорусского и литовского общества.

Все же объективно определить место и роль старопечатной западноевропейской книги в культуре Белоруссии и Литвы XVI в. трудно. Во-первых, нет сводного каталога инкунабул, имевшихся в библиотеках Белоруссии и Литвы того времени[71]. Во-вторых, многие старопечатные издания не датированы, а потому иногда невозможно сказать точно, в какое время они проникли на белорусскую и литовскую земли. В-третьих, с тех далеких времен сохранилось не так уж много книг, бытовавших в Белоруссии и Литве.

Предположительно первые рукописные книги на латинском языке появились на западных землях Руси вскоре после принятия восточными славянами христианства, когда распространилась письменность. В период обостренных религиозных споров между «латинянами» и православными последние, отрицая римско-католическое вероисповедание и «поганую» латынь как средство идеологического воздействия, все же должны были интересоваться латинской литературой (не только культового назначения, но и светской по характеру), чтобы знать своего идейного противника. Религиозная литература на латинском языке начала бытовать в Белоруссии с конца XIV—XV вв. в результате утверждения католичества в Великом княжестве Литовском и в связи с возникновением парафияльных школ на его землях.

Вызревание в белорусском обществе интереса, уважения к книге на латинском языке было невозможно без

---

[71] Ценный, хотя не полный материал систематизирован в книге: Feigelmanas Nojus. Lietuvos inkunabulai. Vilnius, 1975.

развитой книжной письменности, определенной литературной местной традиции, без чувства уважения к книге вообще.

Развитая традиция книжной кириллической письменности на белорусской земле еще с эпохи Киевской Руси, столкновение в Белоруссии могущественных идеологических потоков — Запада и Востока, совпавшее по времени с тенденцией общекультурного подъема страны, возникновение книгопечатания, углубление контактов Белоруссии с передовыми странами Западной Европы в XV—XVI вв.— эти моменты содействовали усилению светского начала в средневековой белорусской культуре. Поскольку значительная часть латинских книг имела светский характер, печатная книга на латинском языке стала действенным средством в формировании светской белорусской культуры.

Первые библиотеки, а точнее собрания рукописных книг, появились в Белоруссии еще в эпоху средневековья: центры переписывания и создания книг существовали в Полоцке, Друцке, Турове, Новогрудке, Смоленске, Супрасли, Слуцке, Гродно и других городах. На существование монастырских библиотек на территории Белоруссии указывал Р. Гейденштейн в своих записках о взятии Полоцка польско-литовским войском в 1579 г.: «В глазах образованных людей почти не меньшую ценность, чем все остальные трофеи, имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много произведений греческих отцов церкви и среди них сочинение Дионисия Ареопагита «О небесной и церковной иерархии» (одно из программных произведений средневековой эстетики.— *В. Д.*), все на славянском языке» [72]. Известен каталог Супрасльской монастырской библиотеки.

Монастыри сыграли положительную роль в сохранении и передаче духовных ценностей последующим поколениям. Не случайно в средневековье бытовала латинская пословица: «Монастырь без шкафа книг, как военный лагерь без склада оружия». Виленская публичная библиотека, судя по архивным источникам, получила в 1876 г. из библиотеки монастыря Бориса и Глеба в Гродно книги Непота, Вергилия, Овидия, Цицерона, Эразма

---

[72] Гейденштейн Рейнгольд. Записи о Московской войне (1578—1582). СПб, 1889, с. 71.

Роттердамского[73]. В библиотеке пиарского монастыря г. Щучина были произведения Бэкона, Эразма Роттердамского, Гроция, Сенеки, Плутарха, Монтеня, Сарбевского[74]. Каталог 1840 г. библиотеки Слуцкой кальвинистской церкви содержит указания на произведения Эразма Роттердамского, Коменского, Костелио, Гиппократа, Овидия[75]. В книгохранилищах евангелико-реформационного синода Вильно были произведения Горация, Плавта, Лукреция, Плиния, Саллюстрия, Эразма Роттердамского, Яна Лаского и др., изданные в XV—XVII вв.[76] На некоторых экземплярах книг имеются пометки их тогдашних владельцев, дающие возможность определить сферу читательских интересов XV—XVI вв.

Появление же частных библиотек обусловлено возникновением книгопечатания. С изобретением книгопечатного станка майнцким ремесленником И. Гуттенбергом в 40-х годах XV в., с развитием ренессансных идей снизилась роль монастырей как центров книжности и образованности. В результате духовного кризиса православной, а вскоре и католической церкви в Великом княжестве Литовском монастырские библиотеки на протяжении XVI в. утратили здесь свое ведущее положение и, как это было на Западе, уже не имели прежней жизненной силы. Интересно, что в компетентно составленных инвентарях монастырских сокровищ не встречается указаний на школьные принадлежности. В Уставе (1510) Супрасльского монастыря читаем: «...а робят в монастыри не держати, ни на науку, ни на послугу не приймати»[77].

Книгопечатание и частные библиотеки в Белоруссии и Литве стали делом личной инициативы, проявлению которой способствовала общая атмосфера Возрождения.

Несомненно, белорусы и литовцы задолго до появления скорининских изданий были знакомы с печатной продукцией. Государственные деятели, высокопоставленные лица Литвы и Белоруссии начали собирать книги в сере-

---

[73] Рукописный отдел библиотеки ВГУ им. В. Капсукаса, ф. 3, д. 155.
[74] Там же, ф. 3, д. 154.
[75] Рукописный отдел Центральной библиотеки АН ЛитССР, ф. 40, д. 782.
[76] Там же, д. 367.
[77] Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 228.

дине XV в. Значительный интерес в этом смысле представляет письмо Якуба, секретаря великого князя Казимира (1440—1492), московскому зодчему Ермолину. Якуб просил прислать ему книги, какие не может найти на местном книжном рынке [78]. По инициативе Елены Ивановны, жены великого князя Александра (1492—1506), при великокняжеском дворе в Вильно создавалась первая библиотека [79]. Книги привозили в XV—XVI вв. белорусские студенты, которые учились в университетах Западной Европы, где книгопечатание уже получило широкое распространение. В книжной коллекции магистра Краковского университета Адама из Котры находилась, например, инкунабула «Majus Junianus. De priscorum proprietate verborum. Trevisia 1477», в которой отмечено: «Книга Адамова Якубовича с Котри... с Литвы з волоси городенское, Зьброшкова... брата, ему ж накладалася на науку до Кракова болеи десять лет, из детинства ест при школе... виленскои ласкаве ховался, небощик князь Иондрей (Swirski), негды каноник и кустош костола виленского святого Станислава». Книжный товар доставляли купцы (торговец книгами Войтех Литвин), путешественники-аристократы, бродячие ремесленники.

В распространении печатной продукции были заинтересованы не только образованные люди из Вильно, который в XVI в. превзошел другие города Великого княжества Литовского по уровню культурно-исторического развития, но и просветители из Бреста, Гродно, Полоцка, Витебска. Известно, что еще в первой половине XV в. ректор Краковского университета Николай Козловский (умер в 1433 г.) часть своей рукописной коллекции держал в Вильно [80]. Жена короля Ягайло Софья Гольшанская собирала латинские и «русские» книги. Уже с конца XV в. Вильно привлекал внимание крупных по тому времени ученых Европы, прогрессивно настроенных людей. В столицу княжества прибыл в 1492 г. Э. Вителлиус (1477—1522), а позже, в 1494 г., известный ученый Альберт Брудзевский (1445—1497), один из идейных

---

[78] Vladimirovas L. Pirmosis bibliotekos Lietuvoje.— Bibliotekų darbas, I. Vilnius, 1957, p. 9—19.
[79] Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб, 1888, с. 17.
[80] Encyklopedia wiedzy o książce. Wrócław—Kraków, 1971.

наставников Коперника. Брудзевский пробыл в Вильно до конца своей жизни. В 1494 и 1495 гг., когда ученый жил уже в Вильно, в Милане была напечатана его работа по астрономии[81]. Поэтому есть основание предполагать, что выходу в свет этой книги содействовали деятели Великого княжества Литовского (великий князь Александр, у которого ученый служил секретарем, а также епископ В. Табор, студенческий друг Брудзевского по Краковскому университету). Понятно, эту книгу могли читать в Белоруссии и Литве.

В Вильно А. Брудзевский написал на латинском языке и полемический трактат «Conciliator», который не сохранился[82]. Брудзевский собрал и хранил в Вильно немалую личную библиотеку. По показанию В. Вислоцкого, он передал в 1495 г. в дар библиотеке Ягеллонского университета 13 книг из своей коллекции[83].

Э. Вителлиус, страстный библиофил, меценат новолатиниста Н. Гусовского, собрал большую и богатую по содержанию библиотеку из продукции венецианских печатников, юридических и теологических книг, произведений гуманистов и античных классиков, древнерусских рукописей и др. Очевидно, первые книжные приобретения для своей библиотеки он сделал еще в годы нахождения в Вильно (1492—1501).

Католическое духовенство использовало печать для борьбы с ересями и в полемике с «православной схизмой», что, по их мнению, подрывало могущество католической церкви. В результате таких усилий на территории Литвы и Белоруссии были распространены богослужник[84] каноника Виленской капитулы Мартина и известное произведение магистра Краковского университета Я. Сокрана «Толкователь ошибок обрядов русской

---

[81] Albertus de Brudzewo. Commentum in Theoricas planetarum Georgii Purbachii. Milano, Uldrich Scinzenzeler, 1494; его же. Commentum in Theoricas planetarum Georgii Purbachii. Cum additione Johannis Ottonis de Valle Vracensi. Milano, Uldricus Scinzenzeler, 1495.

[82] Morawski K. Historya uniwersytetu Jagiellońskiego, t. 2. Kraków, s. 73.

[83] Wislocki W. Incunabula typographica bibliotheca universitatis Jagellonicae Cracoviensis. Cracoviae, 1900, s. 95—96.

[84] Agenda, sive Exequiale sacramentorum per Martinum canonicum Vilnensis diecesis ed. Danzig, Konrad Baumgartem, 1499.

веры»[85], который из-за своей тематики, идейной направленности имел широкий общественный резонанс в политических кругах Великого княжества Литовского.

В конце XV в. на белорусских и литовских землях появились книги с гербом Великого княжества Литовского на титульном листе, изданные в типографиях Кракова, Вены и других городов Западной Европы. В ознакомлении белорусов с европейской латинской книгой значение Кракова, близко расположенного к западной границе Белоруссии, особенно велико. Книги из всей Европы попадали на рынок в этот город, а ведь сюда постоянно съезжалась белорусская шляхта, спешили купцы, школяры.

Назовем книги на церковнославянском языке, впервые изданные Ш. Фиолем в 1491 г., которыми пользовался Ф. Скорина, а также латинскую литературу для нужд читательских кругов Польши и Великого княжества Литовского, изданную Яном Галлером. Продукция этих краковских книгопечатников была предназначена прежде всего для книжного рынка в Восточной Европе.

Печатание книг на церковнославянском языке поддерживали государственные и политические деятели Белоруссии и Литвы Острожские, Солтаны, а также польские, итальянские, немецкие гуманисты Я. Турзо, Ф. Каллимах, К. Цельтис и др.

Более всего книг с гербом Великого княжества Литовского издал Ян Галлер (1467—1525). Его печатный двор (основан в 1503 г., участвовали книгопечатники Ф. Унглер, В. Лерн) выпустил за 1505—1525 гг. 251[86] книгу большим тиражом, преимущественно на латинском языке, в том числе немало книг светского характера[87]. Галлер начал свою издательскую работу не как деятель

---

[85] Socranus J. Elucidarius errorum ritus Ruthenici, scriptus Cracoviae 1500.

[86] Polski słownik biograficzny, t. IX/2, zesz. 41. Wrocław—Warszawa, 1961, s. 251.

[87] В 1509 г. были изданы «Письма» Т. Симакаты, переведенные с греческого на латинский язык Коперником (известный гуманист Корвин впервые упоминал гелиоцентрическую систему Коперника); Horatius Q. Poetarum institutiones ad Pisones. Carmen saeculare. Cracoviae, 1505; Cicero M. Cato maior sive de senectute. Cracoviae, 1506, 1516; Philelphus F. Breviores elegantioresque epistolae. Cracoviae, 1513; Suetonius C. Liber illustrium virorum. Cracoviae, 1524.

культуры, а как крупный предприниматель. Он обеспечил масштабность и оперативность своего дела королевской привилегией, запрещавшей издавать и привозить в Польшу и Великое княжество Литовское книги, отпечатанные им в Кракове. Она помогла Галлеру монополизировать книгопечатание и сохранить свое влияние на распространение книг в границах определенного королем Сигизмундом I региона. Это обстоятельство, видимо, вынудило Ф. Скорину искать иное пристанище для основания своей типографии — за границами Польши и Великого княжества Литовского.

Государственным гербом княжества стремились пользоваться другие книгоиздатели, конкуренты Галлера — К. Гохфедер, И. Виетор. Гохфедер издал ранее Галлера «Поэтику» Горация, учебник эпистолографии итальянского гуманиста Ф. Нигра. Виетор напечатал трагедии Еврипида «Гекуба», «Ифигения в Авлиде», переведенные с греческого на латинский язык Эразмом Роттердамским. Как видно, интерес этих издателей определялся светской тематикой, гуманистическим содержанием, вниманием к античному наследию.

Небезынтересно, что чужестранцы, пребывая в Литве и Белоруссии, имели благоприятные условия для творчества. В своих произведениях как знак определенной благодарности они оставляли: «scripta Vilnae», «Grodnae» и т. д. Например, итальянец З. Феррари написал в Вильно две книги на латинском языке: «Vita beati Casimiri, scripta Vilnae» (1520) и «Pro bello ruthenici, scripta Vilnae» (1521) [88].

Таким образом, печатная книга не была редкостью для Белоруссии конца XV — начала XVI в. К печати здесь готовились также книги на латинском языке, постепенно рос спрос на гуманистическую книгу среди горожан, интеллигенции, образованных феодалов. Преобладающее большинство книжных изданий в Белоруссии XVI в. было на латинском языке.

Акты Литовской метрики подтверждают, что к 1510 г. относится возникновение библиотеки виленского воеводы и канцлера Альбрехта Гаштольда (умер в 1539 г.). Гаштольдова библиотека насчитывала 71 печатную и рукописную книгу на старобелорусском, латинском, чешском,

---

[88] Estreicher K. Bibliografia Polska, t. 1. Kraków, 1882, s. 15.

польском языках[89]. Это собрание красноречиво свидетельствует о переплетении разных политических и культурных влияний в Литве и Белоруссии. На первом месте стоит «реестр русских книг» — всего двадцать названий. Здесь рядом с литургическими сборниками находился «Летописец Киевский», сочинения И. Златоуста. Среди латинских книг, составлявших две трети всей коллекции (более 40), значатся рядом с разными зельниками, трактатами прикладного значения басни Эзопа, популярные истории о Трое, Александре Македонском, история Ломбардская, произведения Флавия, Гвидо из Колонны и др. Немало также юридической литературы, памятников римского права: А. Гаштольд был одним из редакторов Статута (1529) и автором полемического мемориала, созданного на латыни в 1525 г. В списке чешских книг значатся всего три названия, из польских названа только одна «Александрия», что в какой-то мере может свидетельствовать о слабости польского влияния на государственных деятелей княжества в первой половине XVI в. Значительную часть книг А. Гаштольд получил в наследство от отца Мартина (умер в 1483 г.), воеводы в Троках, наместника в Новогрудке и Киеве. В списке книг А. Гаштольда не указаны годы их издания. Однако то, что Вислоцкий отмечает принадлежность одной инкунабулы Ягеллонского университета воеводе Мартину[90], позволяет допустить, что большинство книг в коллекции Гаштольдов составляли инкунабулы и рукописные книги.

Богатой (90 томов) и явно гуманистической по характеру была библиотека профессора Кенигсбергского университета Абраама Кульвы (1510—1545). В 1539 г. он открыл в Вильно латинскую лютеранскую школу для бояр, в которой училось 60 человек. Кульва стал эрудитом благодаря любви к книгам, которые начал собирать еще во время учебы в университетах Кракова, Сиенны, Вюртемберга (1528—1538). Сохранился написанный на латыни инвентарь книг (79 названий)[91] Кульвы, кото-

---

89 Jablonskis K. Albrechto Goštauto biblioteka. Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko universiteto bibliotekos metraštis 1958—1959, p. 21—25.

90 Wislocki W. Incunabula typographica bibliotheca universitatis Jagellonicae Cracoviensis, s. 19.

91 Wotschke T. Abraham Culvensis.— «Altpreussische Monatschrift». XLII, 1905, s. 189—190.

рыми он пользовался во время работы в Кенигсберге. Книг по теологии в его библиотеке было немного: произведения Гуса, Валла, Меланхтона. Отсутствие произведений Лютера и наличие книг Платона, которого не воспринимал Лютер и который был в особенном почете среди гуманистов, доказывает, что Кульва — типичный высокообразованный гуманист эпохи Возрождения. В библиотеке преобладала новейшая научно-популярная литература — пособия по диалектике, истории, географии, музыке, астрономии, учебники латинского, греческого языков и иврита. А. Кульва был первым профессором еврейского языка в Кенигсбергском университете, где тогда училось немало выходцев из Белоруссии. Авторский инвентарь Кульвы позволяет установить, что в книжном собрании ученого-гуманиста античная литература на латинском, греческом языках занимала самое почетное место. Она представлена такими именами, как Плиний, Аристотель, Ливий, Цицерон, Платон, Гомер, Гесиод, Апулей, Лактанций, Птоломей, Софокл, Еврипид, Теокрит.

Ко второй четверти XVI в. относится комплектование библиотеки «деспотов» Зеновичей. Предки Зеновичей были сербами, которые, переселившись в Великое княжество Литовское в XIV в., стали влиятельными аристократами в Белоруссии. Так, в 1495 г. Юрий Зенович, наместник браславский, был послом за дочерью великого московского князя Еленою, обрученною с великим князем литовским Александром. Кристофор Зенович в своем тестаменте обязывал сына Николая построить в родовых поместьях Глубоком и Сморгони школы и сделать так, чтобы в них работали «сведущие бакалавры свободных искусств для обучения деток, о которых должно серьезно заботиться и воспитывать». Он отдельно оговаривал: «Библиотеку, которую мне при жизни удалось собрать, оставляю тебе, Николай, сын любезный, и твоим потомкам как величайшую драгоценность» и просил сына «не разбрасывать ее, но, даст бог, и увеличить и всегда держать в одном месте Сморгонях при каменной церкви» [92].

---

[92] Пташицкий С. П. Деспоты Зеновичи в конце XVI и в начале XVII веков.— «Русская старина», т. XXI. СПб, 1878, с. 132. Костел в Сморгони построил Ю. Зенович в 1503 г. Николай Зенович, каштелян полоцкий, участвовал в битве с турками под Хотимом и погеройски погиб. Ему посвящено «Казанье» (1622) Якуба Газиуша.

Отыскать инвентарь этой библиотеки нам не удалось. По озабоченности ее владельца распространением среди белорусов европейского образования, что тогда не мыслилось без изучения античной литературы, логично допустить, что в библиотеке К. Зеновича была неплохая коллекция произведений античных классиков.

Библиотека Сигизмунда Августа была создана при королевском дворе в Вильно в 1545 г.[93] Это была самая крупная библиотека не только в Великом княжестве Литовском, но и в Польском королевстве. Фонд ее включал 4000 томов. Королевская библиотека комплектовалась из рукописей (даже времен Киевской Руси), старопечатных изданий, пополнялась новейшей литературой. С этой библиотекой связано появление первого научного каталога, созданного Станиславом Кошутским[94], в Литве и Белоруссии. Следует отметить, что книги на латыни составляют здесь преобладающее большинство.

Королевская библиотека в Вильно характеризовалась энциклопедичностью, характерной для лучших библиотек эпохи Ренессанса. Рядом с сочинениями итальянских гуманистов и классиков древности здесь были русские хроники, летописи, описания земель, исторические монографии, трактаты по фортификации, анатомии, гигиене, физиологии, военной хирургии, естественнонаучная литература. Работу по собиранию и закупке книг проводили известные польские писатели-латинисты Тшицеский, Кромер и др. Они скупали книги в лучших европейских книжных торговых центрах — Франкфурте, Лейпциге, Аусбурге и т. д. Немало книг было передано в дар библиотеке. Лютер, например, подарил Библию, Ореховский и Моджевский пересылали в библиотеку каждый новый свой труд.

Библиотека Сигизмунда Августа была закрытого типа. Доступ к ней имели главным образом люди придворного круга. Знакомясь со списками членов королевского двора, можно заметить, что в нем немало белорусов и украинцев[95].

---

[93] Hartleb K. Biblioteka Zygmunta Augusta. Studium z dziejów kultury królewskiego dworu. Lwów, 1928.

[94] Koszucki S. Index librorum jurisprudentiae, in bibliotheca Sigismundi II Augusti inclyti 1553.

[95] Tomkowicz S. Materiały do historyi stosunków kulturalnych w XVI w. na dworze królewskim polskim. Kraków, 1915.

В Белоруссии XVI в. славились богатством своих фондов библиотеки магнатов Радзивиллов, Олельковичей, Ходкевичей, материалами и помощью которых могли иногда пользоваться историки и поэты.

К XVI в. значительным количеством книг пополнилась библиотека Виленского кафедрального собора. Сохранились латинские каталоги книжных коллекций членов Виленской капитулы И. Рышковского, Н. Коризны, А. Бейнарта, Ю. Альбина, В. Протосевича. Книги только первых трех, как известно из архивных источников, составили 241 название [96]. Здесь рядом с литературой церковного предназначения значатся произведения Цицерона, Лукреция, Аристотеля, Флавия.

Значительную роль в становлении белорусской духовной культуры XVI в. сыграла западноевропейская инкунабула. Ею пользовался Ф. Скорина [97] и многие белорусские просветители XVI в. Первопечатник восточных славян в предисловиях к книгам Библии нередко цитирует или упоминает труды многих авторитетов древности и обнаруживает хорошее знакомство с достижениями новой мысли и литературного предмета. Несомненно, у Скорины была своя библиотека, в которой он нуждался как ученый, книгопечатник-просветитель, лекарь, ботаник. Немалую часть ее могли составлять книги на латинском языке. В наследственно-правовом акте чешского короля Фердинанда I, выданном 29 января 1552 г. сыну Скорины Симеону на право владения имуществом отца, не случайно упоминаются и книги.

Лаврентий Зизаний для написания своего «Лексиса сиреч Речения на простый русский Диялект истолкованы» в книге «Наука ку читанию» (Вильно, 1596) пользовался инкунабулой «Лексикон греческий» (Милан, 1499) Свидаса. На первой странице инкунабулы есть надпись по-гречески и по-польски: «Лаврентий Зизаний Тустановской купил за собственные свои пенязи года 1595» [98]. «Лексикон» Свидаса был также в библиотеке Рышковского [99]. Это наводит на мысль, что словари греческого

---

[96] ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 4, д. 471.
[97] Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв., с. 665.
[98] Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970, с. 169.
[99] ЦГИА ЛитССР, ф. 1135, оп. 4, д. 471.

и латинского языков были достаточно известны в Белоруссии и Литве.

Инкунабулы имелись и у Сымона Будного (произведения Овидия и декреталии Грациана). Прекрасный знаток древних языков, Будный глубоко изучил античную литературу, писал оригинальные философские и поэтические сочинения на латыни. Эрудиция, светлый ум и убедительная аргументация в рассуждениях не раз удивляли его современников. Будный почти всю жизнь прожил в Белоруссии — в Несвиже, Клецке, Заславле, Холхле, Лоске — и оперативно так или иначе откликался на все важнейшие события своего века. Следовательно, и в эти места поступала новейшая европейская литература, в том числе латинская.

У Александра из Радуни были произведения Аврелия Августина базельского издания 1494 г. У неизвестного гродненского мещанина имелась инкунабула «Jacobus de Voragine. Legenda aurea sanctorum sive Lombardica historia. Strassburg, Jordani de Quedlinburg. 1490», в которой отмечено: «Actum est feliciter anno 1516 Grodno». «Corpus juris civilis Justiniani. Nürnberg, Anton Koberger, 1483» был у архидьякона виленского Ясинского. На 122-й странице инкунабулы «Guido de Monte Rochen. Manipulus curatorum. Strasburg, Martin Flach, 1499» рукой ее владельца Григория Коритко из Ломжи помечено в 1507 г.: «Ego Gregorius Koritko de Lomża mansionarius, qui perpetuus in Capella Regis circa Ecclesiam Cathedralen Vilnensem hunc libellum pro 8 gr. in quaternis comparavi et eundem magna cum diligentia perlegi, exinde non modicamque assecutus utilitatem, tu qui post me illum habebis (vale). Eodem anno videlicet 1507 pestis Vilnae erat adeo hunc pro con(so)latione libellum legendo, huius (modi) cum alius erat laetitia nostra» [100].

Высокое художественное и полиграфическое исполнение инкунабул и старопечатных изданий оказало влияние на развитие белорусской графики, портретной и монументальной живописи.

Факты подтверждают, таким образом, что старопечатная книга способствовала развитию просвещения и культуры Белоруссии.

---

[100] Feigelmanas Nojus. Lietuvos inkunabulai, s. 446.

5. Зак. 1619

Сегодня в отделах рукописей и редких книг Фундаментальной имени Я. Коласа (2) и Государственной имени В. И. Ленина (43) библиотек БССР сохраняется 45 инкунабул, а в библиотеках Литвы — 453[101]. Из 45 инкунабул напечатаны в Италии 14, в Германии — 23, в Швейцарии — 7, во Франции — 1. Из городов преобладают Венеция, Рим, Падуя, Нюрнберг, Аусбург. Из 453 инкунабул 109 напечатаны в Италии, 259 — в Германии, 65 — в Швейцарии, 13 — во Франции, 4 — в Нидерландах, 2 — в Кракове, 1 — в Праге. Из городов преобладают Лейпциг, Кельн, Базель. На латыни напечатано 446 инкунабул.

По данным исторических источников обнаруживается около 300 инкунабул, некогда составлявших принадлежность частных библиотек и учебных заведений Белоруссии и Литвы. Понятно, их было намного больше, потому что остались неучтенными книги, которые не зафиксированы в источниках. Часть книг была сожжена инквизицией еще в 1581 г., или утрачена во время войн и пожаров, или погибла со временем по другим причинам. Большинство инкунабул было завезено на территорию Великого княжества Литовского в конце XV — начале XVI в.

Старопечатные издания составляли неразделеную часть белорусских и литовских библиотек XVII—XVIII вв., когда коллекционирование книг стало модой. Показательно, что инкунабулы Литвы и Белоруссии по своему содержанию представляют все жанры религиозной и светской литературы на латинском языке, что издавалась в XV в. в Западной Европе, начиная с трудов философов-схоластов Ф. Аквинского (1225—1274), А. Флорентийского (1389—1459) и др., продолжая произведениями «отцов» церкви И. Испанского (около 570—636 г.), П. Ломбардского (умер в 1160 г.), античных авторов и произведениями Овидия, Вергилия, Цицерона, Аристотеля, Горация, Сенеки и др., сочинениями гуманистов Данте (1265—1321), Петрарки (1304—1374), Э. Пикколомини (1405—1464), Эразма Роттердамского (1469—1536) и кончая памятниками сатирической литературы «Корабль дураков» С. Брандта (1458—1521), историческими хрониками Г. Шеделя (1440—1514) и др.

---

[101] Feigelmanas Nojus. Lietuvos inkunabulai, c. 36.

Латинские стародруки — живые свидетельства разнообразия интересов и довольно широкого кругозора передового белорусского читателя XVI в. Удельный вес в них теологической литературы большой, что закономерно — в духе своего времени. Такое обстоятельство объясняется еще и тем, что до нас дошли книги, конфискованные у монастырей и костелов после восстаний 1830—1831 и 1863 гг.

Характерно, что многие произведения на латинском языке, которые читались в Белоруссии и Литве в XV—XVII вв., вошли в папский «Индекс запрещенных книг»[102]. Отсюда можно видеть, какая великая была роль книги в формировании литературных вкусов читателей, научно-философских концепций белорусских и литовских деятелей культуры эпохи Возрождения.

Таким образом, белорусы были хорошо знакомы со старопечатной книгой на латинском и других языках еще до появления на белорусских землях изданий Ф. Скорины. Интерес к латинской книге в XV—XVI в. проявляли в Белоруссии представители разных слоев общества (католические и православные служители культа, мещане, шляхта). Процент латинской литературы в общем объеме книгопечатной продукции в фондах частных библиотек Белоруссии и Литвы XVI в. преобладающий. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что латинская книга пользовалась популярностью в читательских кругах, а с другой — что латинский язык хорошо знали в средневековой Белоруссии и Литве. Поэтому печатные латинские книги, как и первые частные библиотеки, являются показателем уровня образованности белорусского и литовского общества. Они несомненно сыграли позитивную роль в формировании светской культуры Белоруссии и Литвы эпохи позднего средневековья и Возрождения, в ознакомлении белорусов с достижениями европейской культуры. В первой половине XVI в., когда белорусская литература была не так богата на оригинальные памятники искусства, латинская литература Европы использовалась для художественного чтения, удовлетворения научных и эстетических вкусов белорусского читателя. Важно подчеркнуть, что деятели Белоруссии и Литвы имели непосредственный контакт с античной литерату-

---

[102] Index librorum prohibitorum. Venetiis, 1586; Zamość, 1604.

рой. Отсюда книги на латинском языке и индивидуальные библиотеки — стимуляторы и одна из важнейших, хотя нередко и опосредствованных предпосылок возникновения оригинальной литературы Белоруссии на латинском языке.

Латинская книга была в почете у белорусских гуманистов. Богатая переводная белорусская литература, представленная многочисленными памятниками мирового искусства (еще во второй половине XV—XVI в. в Белоруссии были осуществлены переводы «Александрии», «Жития Алексея, человека божьего», «Истории Троянской войны» Гвидо из Колонны, «Повести о трех королях-волхвах» Иоганна из Гильдесгейма, «Истории жизни и подвигов Сканденберга», «Книги о Товдале-рыцаре», «Римских деяний» и других с учетом латинских оригиналов и редакцией этих произведений), дает яркое представление о творческом освоении белорусами литературного фонда человечества. В свою очередь белорусы по мере возможности стремились обогатить духовную сокровищницу мира своими работами и на латыни. Ранним образцом перевода произведений белорусской литературы на латинский язык является оригинальный летописный памятник XV в. «Origo regis», который послужил одним из источников для «Истории Польши» Я. Длугоша.

Латинская (античная, средневековая, ренессансная) литература являлась школой стилистики, родником художественных образов, открывала пути для развития литературы Белоруссии на родном языке. В Белоруссии в конце XVI в. расцвело книгопечатание. Характерны и убедительны следующие цифры. По данным А. Анушкина[103], из напечатанных за 1522—1599 гг. 324 книг преобладающий процент принадлежит книгам на латинском языке — 151 (на белорусском — 50, литовском — 3, польском — 14, латышском — 1, итальянском — 1, греческом — 1). С 1600 по 1625 г. издано 374 книги, из них на латинском — 107 (на белорусском — 56, литовском — 2, польском — 202, немецком — 6). Среди изданий произведения: «О повинностях» (1583), «О старости» (1595) Цицерона, роман «Эфиопика» (1588) Гелиодора, «Апофегматы» (1599) Беняша Будного, «Радвилиада» (1588)

---

[103] Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве, с. 13

Радвана, «Рыцарство христианское и жизнь духовная» (1588) Эразма Роттердамского и др. Следовательно, ренессансные вкусы читателей воспитаны в Белоруссии и Литве уже в середине XVI в.

Получив возможность благодаря знанию латинского языка непосредственно общаться, соприкасаться с передовыми культурами, белорусы не только пользовались духовными их сокровищами, но и сами стремились активно участвовать в общеевропейском литературном процессе и международном книгообмене в эпоху Возрождения. Важно подчеркнуть, что и основная масса художественных произведений иноземного происхождения проникла в Белоруссию не столько благодаря посредничеству других народов, сколько благодаря прямым, непосредственным контактам с европейскими культурами. Наступило время интенсивного взаимодействия восточнославянских и западноевропейских литератур. Литературная традиция Запада, произведения западноевропейских писателей XV—XVI вв. о Восточной Европе[104] стали своеобразным ускорителем возникновения ренессансной поэзии у восточных славян.

В XV в. на Западе не имели еще четкого и правдивого представления о Руси и Литве. На международной арене политический вес народов Восточной Европы сильно увеличился в XV—XVI вв. Славянские и литовский народы заслонили Европу от монголо-татарских орд, разбили крестоносцев на полях Грюнвальда. Чуть позже под напором турок пал Константинополь. Над Европой нависла угроза турецкого нашествия. Нужны были сильные союзники, способные противостоять турецкой агрессии. Поэтому западноевропейские страны возлагали большие надежды на Польшу, Великое княжество Литовское и Московское государство. В западном обществе постепенно назрела потребность в открытии Восточной Европы, благодаря чему углублялось и взаимодействие культур Востока и Запада.

В западных литературах этого времени наблюдался острый недостаток в конкретных фактах о жизни восточных славян и литовцев, а европейская общественность нуждалась в такой информации. Отсюда понятна попу-

---

[104] Об этом подробнее см.: Дорошкевич Виктор. Как открывали Белоруссию.— «Неман», 1976, № 10.

лярность книги «О Польше, Литве, Пруссии» итальянца Э. Пикколомини (1458). В ней Пикколомини рассказывал западному миру о географии, обычаях, языческих верованиях в Литве и Белоруссии, хотя не всегда достоверно.

Задачу — открыть Западу Восточную Европу — взял на себя профессор Краковского университета поляк Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» (Краков, 1517). Главное и заповедное желание М. Меховского — опровергнуть господствующие в Западной Европе искаженные представления о Восточной Европе, где якобы находится безмерное множество золота, где жизнь вечная, звезды на небе беспрестанно светят, делая погоду мягкой, где живут одноглазые циклопы, где возвышаются Рифейские и Гиперборейские горы, откуда якобы вытекают Танаис (Дон), Двина, Борисфен (Днепр). Однако Меховский не посетил восточноевропейскую равнину, не смог, как следует, проверить все свои данные. Он, например, неоднократно повторяет, что Волга впадает в Черное море. В «Трактате» не упомянуты многие места, в том числе полесские болота (Геродотово море). Только в XVI в. «Трактат» выдержал 16 изданий на разных языках мира. С этих пор более или менее объективный взгляд на восточную часть Европы постепенно укоренялся в мировой литературе.

Высокообразованный австрийский дипломат С. Герберштейн существенно дополнил Меховского. Он хорошо знал историческую литературу о Восточной Европе, в том числе и русские летописи, дважды (1517, 1525 гг.) побывал в Белоруссии и России. Герберштейн был прекрасным рассказчиком и наблюдательным исследователем. Все это и сделало его книгу «Записки о московитских делах» (Вена, 1549) самобытным памятником литературы и ценным историческим источником по изучению прошлого России, Белоруссии, Литвы, Украины. Герберштейн описал именно те места России и Литвы, которые, по утверждению автора, были обойдены вниманием Меховского, итальянцев Компанезе, Новокамского, Фаскарини и немца Шровс. Таким образом, видна взаимосвязь описательной литературы о Восточной Европе. Центр же внимания писателя определяет во многом интерес к белорусским землям: сама белорусская действительность того времени давала путешественнику-иностранцу богатый материал.

Восточные славяне открыли для себя Запад намного раньше, чем западные люди — славянский Восток. Купцы из Древней Руси еще в X в. вели свои караваны на Краков, Прагу и далее в глубь Европы. В русских исторических песнях говорилось о «большой дороге латинской», о пути «из варяг в греки», а в былинах называлась «земля веденецкая» (венецианская).

Восточнославянские и литовские деятели культуры хорошо знали, что на Западе имеют довольно смутное представление о их родине. Ведь многие из них учились в университетах Чехии, Польши, Италии, Германии, Франции. В белорусском обществе (а это бывает с каждым обществом, достигшим определенной степени развития) возникла историческая потребность «показаться на людях», представить широкому европейскому читателю историю своей родины в художественных произведениях. Поэтому одной из важнейших своих задач лучшие представители латинской литературы Белоруссии и Литвы XVI в. (Ян Вислицкий, Николай Гусовский, Эразм Вителлиус, Михалон Литвин, Кристофор Кобылинский, Ян Радван и многие другие) считали популяризацию истории и культуры Восточной Европы, в частности белорусского и литовского народов, на общеевропейской арене, введение их в летопись гуманистической культуры Европы. Их творчество вписывается в контекст как национальной, так и западноевропейской литературы своего времени.

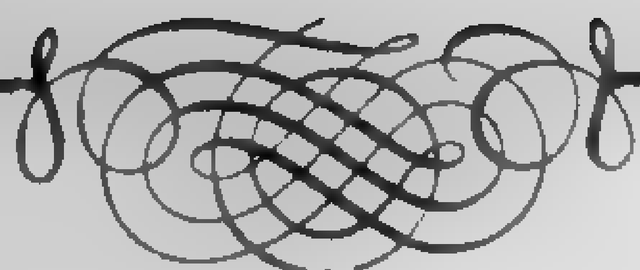
Таким образом, в эпоху Ренессанса, время великих географических, научных и художественных открытий, началось сильное взаимовлияние культур Запада и Востока. Оно убедительно свидетельствовало о том, что названные произведения, написанные на латинском и других языках, были типичными и злободневными. Они углубляли интерес и уважение к восточнославянскому миру и служили великому делу сближения разноязычных народов Европы.

Нарисованная нами картина: сложные социально-экономические и общественно-политические предпосылки рождения гуманистической культуры Белоруссии, ее сравнительно высокий общеобразовательный уровень, рост духовных потребностей белорусского общества, формирование местного меценатства и интеллигенции, начало книгопечатания, зарождение профессионального

искусства, популяризация латинского языка и культуры — все эти факторы обусловили зарождение новых черт в мировоззрении белорусского народа, возникновение новолатинской литературы Белоруссии и Литвы в первой половине XVI в.

Белорусская литература изучаемого периода, выполнявшая свою прогрессивную функцию и способствовавшая воплощению исторических задач народами, которые заселяли Великое княжество Литовское, была еще тесно соединена со средневековой идеологией и эстетической системой. Поэтому показательно, что новые идейно-художественные, философско-эстетические принципы привносила в белорусскую культуру этого периода новолатинская ренессансная литература, благодаря которой был ликвидирован в определенной степени недостаток в оригинальных памятниках литературы в Белоруссии начала XVI в.

Первыми творцами ренессансной поэзии Белоруссии на латинском языке были представители демократических слоев белорусского народа, воспитанные как творческие индивидуальности на передовых европейских традициях. Ренессансная поэзия Белоруссии на латинском языке — закономерное явление в белорусской культуре, весомый духовный продукт эпохи, имя которой Возрождение.

ЯН ВИСЛИЦКИЙ И НИКОЛАЙ ГУСОВСКИЙ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ НАУКЕ

Славянское литературоведение в изучении художественного наследия Яна Вислицкого и Николая Гусовского имеет вековую традицию. Вклад польских ученых в дело осмысления их поэтического творчества наиболее значителен [1].

В Ягеллонской библиотеке сохранился единственный экземпляр поэтического сборника Яна Вислицкого «Прусская война», изданный в Кракове в 1516 г. [2] Польские буржуазные ученые осуществили переиздание произведений поэта, проанализировали со своих идейных позиций содержание его поэзии. Поэма «Прусская война» и некоторые стихотворения поэта перепечатывались (в латинском оригинале) Б. Кручкевичем в 1887 г. [3] Наиболее полное, с научным комментарием переиздание произведений Вислицкого осуществил в 1933 г. Я. Смерека[4].

Переводы фрагментов поэмы «Прусская война» на польский язык печатались в 1850 г. (В. Сырокомля) и

---

[1] См.: Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. Piśmiennictwo staropolskie, t. 2, 3. Warszawa, MCMLXIV—MCMLXV, s. 273—275, 399—400.

[2] Belli Pruteni tres libelli per Joannem Visliciensiem ed. Joanne Hallero. Cracoviae, 1516.

[3] Pauli Crosnensis Rutheni atque Joannis Visliciensis carmina. Ed. B. Kruczkewicz.— Corpus antiquissimorum poetarum Poloniae Latinorum, vol. 2. Cracoviae, 1887.

[4] Visliciensis Joannis Bellum Prutenum. Ed. J. Smereka. Zbiór pisarzy polsko-łacińskich, 3. Leopoli, 1933.

в 1880 г. (К. Мехежиньский)[5]. Ее полный перевод (Я. Смерека) был издан в 1932 г.[6] Польские переводчики «Прусской войны» признавали ее художественные достоинства, но почти не затрагивали исторического аспекта содержания этой поэмы.

Поэтический талант Вислицкого был признан польскими учеными, но оценен далеко не однозначно. М. Вишневский так охарактеризовал первую и третью части поэмы: «Стиль напыщенный, стих стройный, латинский язык для начала XVI в. довольно правильный, поэзии никакой». О произведении в целом он писал: «Вероятно, эта поэма есть история, написанная стихотворно, но загвожденная греческой мифологией»[7]. Всесторонностью фактографического анализа отличаются статьи Б. Кручкевича и М. Езеницкого, которые выявили глубокое знание Вислицким греческой и римской литературы и мифологии. Правда, Б. Кручкевич делал вывод, что «Прусская война»—скорее удачный домысел, чем произведение, построенное на исторических аргументах»[8], а М. Езеницкий считал, что поэма «не имеет исторической ценности»[9]. С. Витковский, автор наиболее обстоятельного для того этапа изучения гуманизма в Польше биографического очерка о поэте, рассматривал поэму Вислицкого с точки зрения историчности авторского восприятия описываемых событий и утверждал, что она «не привносит ничего нового, чего бы мы ни нашли в хрониках»[10].

Таким образом, характерная особенность большинства работ польских ученых — определенная недооценка творчества поэта. Так, на наш взгляд, остались слабо-

---

[5] Kondratowicz Ludwik (Syrokomla Władysław). Dzieje literatury w Polsce..., t. 1. Wilno, 1850, s. 217; Mecherzyński K. Jana z Wiślicy Wojna pruska.— «Rozprawy AU Wydz. Filol.», t. 8, 1880.

[6] Jan z Wiślicy. Wojna Pruska. Tłumaczył i wstępem zaopatrzył J. Smereka. Zbiór Pisarzy Polsko-łacińskich. Leopoli, 1932.

[7] Wiszniewski M. Historya literatury polskiej, t. 6. Kraków, 1844, s. 225—226.

[8] Pauli Crosnensis Rutheni atque Joannis Visliciensis carmina. Ed. B. Kruczkewicz, s. XLIV.

[9] Jezienicki Michał. Wpływ klasycznych poetów rzymskich na Jana z Wiślicy i ślady ich w jego utworach.— «Rozpr. i Spraw. z pos. Wydz. Filol. Akad. Um.», vol 14, 1890; его же. Uwagi krytyczne nad utworami łacińskimi Pawła z Krosna i Jana z Wiślicy...— «Muzeum», IV, 1888, s. 88.

[10] Witkowski S. Jan z Wiślicy, jego życie i pisma.— «Przewodnik Naukowy i Literacki», XIX, 1891, s. 282, 286.

освещенными гуманистический идеал и эстетическая программа Яна Вислицкого. Недостаточно внимания также уделялось рассмотрению эстетической природы, жанрово-стилевых особенностей и идейно-эстетических качеств его поэмы «Прусская война» как произведения, положившего начало поэтическому эпосу в польской литературе. Исторический и эстетический аспекты поэмы не рассматривались в диалектической связи. Исследователи не всегда учитывали роль отдельных регионов в формировании новолатинской поэзии Польши. Многие их работы отличаются тенденциозно-буржуазным подходом к оценке исторического содержания «Прусской войны».

В Польской Народной Республике изучение конкретно-исторической значимости творчества Яна Вислицкого почти не продвинулось вперед. Авторы исследований по истории польской литературы и составители хрестоматий ограничиваются лишь упоминанием имени Вислицкого. Тенденция к пересмотру старых оценок творчества поэта наметилась у историков. Так, К. Гурский, Т. Улевич видят в «Прусской войне» ценный исторический источник [11].

Упоминалось имя Вислицкого и советскими исследователями [12], но творчество его фактически не изучалось, поскольку научный интерес к новолатинскому наследию некоторое время был ослаблен. Важно отметить, что место и роль эпической поэзии Вислицкого в истории польской литературы впервые определил И. Н. Голенищев-Кутузов. «В поэме «Прусская война»,— справедливо писал он,— заключено потенциально дальнейшее развитие польского литературного эпоса — до эпохи Мицкевича» [13]. Правда, в одном месте Яна из Вислицы и Николая из Усова ученый назвал «первыми поэтами Литвы» [14], а в другом рассматривал их произведения без должных

---

[11] Długosz Jan. Banderia Prutenorum. Wyd. K. Górski. Warszawa, 1958; Ulewicz T. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej. Kraków, 1950.

[12] Jurginis J. Renesansas ir humanizmas Lietuvoje. Vilnius, 1965; Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры, т. 1. Мінск, 1968.

[13] Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963, с. 234.

[14] Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963, с. 7.

оговорок — в контексте только польского Возрождения[15]. При таком подходе непонятно, к культуре какого народа относит И. Н. Голенищев-Кутузов этих поэтов и какова их роль в развитии польской, белорусской и литовской литератур.

Произвольное толкование фактов допускают белорусские исследователи Я. Порецкий и Ю. Пренская. В предисловии к их переводу на русский язык (кстати, не совсем точному) фрагментов поэмы «Прусская война» ошибочно, например, указано, что поэма Вислицкого «насчитывает 1300 строк гекзаметра»[16]. На самом деле в ней 1057, а в сборнике 1354 строки. Поэтому при анализе поэмы Вислицкого мы используем свой подстрочный перевод.

Более обстоятельно изучено творчество современника Вислицкого крупного славянского поэта Николая Гусовского, хотя бедность документальных материалов не позволила подробно осветить отдельные этапы его жизненного и творческого пути.

Роль первооткрывателя литературного имени Николая Гусовского принадлежит польской культуре. В краковских типографиях Виетора и Унглера были напечатаны основные произведения поэта[17], в Польше появились и первые исследования, посвященные его жизни и творчеству. Правда, после выхода в свет поэма «Песня о внешности, свирепости зубра и охоте на него» (в дальнейшем сокращенно — «Песня о зубре») была, по существу, забыта поляками до XIX в. Имя ее создателя не упоминается даже в старых польских библиографических справочниках[18].

Непопулярность имени Гусовского в Польше в XVII—XVIII вв. объясняется тем, что главное его произведение — поэма «Песня о зубре» — не посвящено польской

---

[15] Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение..., с. 234.

[16] Парэцкі Я. І., Прэнская Ю. І. Паэма Яна Вісліцкага «Прусская вайна» (1516).— Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Міжвузаўскі зборнік, вып. 1. Мінск, 1973, с. 161—163.

[17] Carmen Nicolai Hussoviani de statura feritate ac venatione bisontis. In aedibus Nieronymi Vietoris A. D. MDXXIII Mense Octob. in 8 ce; Nova et miranda de Turcis victoris mense Julio. Cracoviae apud Hieronymum Vietorem 1524; De vita et gestis Divi Hyacinthi opusculum Nicolai Hussoviani. In aedibus Hieronymi Vietoris A. D. 1525.

[18] Starowolski Szymon. Scriptorum Polonicarum... Wenecja, 1627.

истории, не проникнуто прапольским патриотизмом, по своей направленности не соответствовало господствующей идеологии польской шляхты. В то же время есть основания утверждать, что творчество поэта было известно за пределами Польши (С. Герберштейн, М. Кромер, А. Гваньини) и тем местным латинистам, которые являлись выразителями интересов передовых общественно-политических слоев Литвы и Белоруссии XVI—XVII вв. (Я. Радван, Ф. Градовский, М. Литвин, А. Волан и др.).

В XIX в. в Польше произошло как бы второе открытие Гусовского. Интерес к нему возрос в связи с углублением изучения польской культуры прошлых веков и подготовкой новых работ по истории польской литературы. М. Вишневский был одним из первых его ценителей: «Юноша необычайно бедных родителей из околиц Кракова. Высокообразованный и в поэзии не последний»[19]. Одним из первых биографов Гусовского был М. Собещаньский[20]. Однако год смерти поэта (1525) он определил ошибочно.

Многие польские ученые поняли выражение Гусовского «Polonus eo» (строка 120 из «Песни о зубре») так, что поэт был поляком в этническом смысле. Скорее всего, этими словами автор хотел подчеркнуть свое политическое кредо, сознание того, что он представитель и выходец из великого, в определенном смысле единого государства — Великого княжества Литовского и Польши, которые на Западе чаще именовали Польшей. Выводы о польском, «краковском», происхождении Гусовского опровергаются материалами А. Вжеснёвского[21].

В поэме описывается охота на зубров, в которой поэт принимал действенное участие в молодости, а зубры в околицах Кракова, по мнению исследователя, к тому времени исчезли. Кроме того, сам факт издания «Песни о зубре» в Кракове еще не доказывает принадлежности этого прекрасного памятника светской литературы исключительно польской культуре. Во-первых, содержа-

---

[19] Wiszniewski M. Historya literatury polskiej, t. 6. Kraków, 1844, s. 229.

[20] Orgelbranda S. Encyklopedia Powszechna, t. 12. Warszawa, 1863, s. 348.

[21] Wrzesniowski A. Studien zur Geschichte des polnischen Tur. Warszau, 1879, s. 543.

ние этой поэмы не является польским по духу; во-вторых, в Кракове и раньше печатались книги, созданные тогдашней местной интеллигенцией Белоруссии и Литвы по своей инициативе, а также по заказу государственных деятелей Великого княжества Литовского, на титульном листе которых печатался герб Великого княжества Литовского. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Гусовский напечатал свое произведение в столице Польского королевства.

Таким образом, утверждение Вишневского о польском происхождении Гусовского было необоснованным.

Первые польские исследователи творчества Гусовского дали ему неоднозначную оценку. Одни (М. Вишневский, М. Собещаньский, М. Юшиньский) не отказывали ему в таланте, другие же (Ю. Бартошевич [22]), наоборот, не признавали эстетической ценности «Песни о зубре».

Важным событием, знаменовавшим собой начало нового этапа в изучении творчества Гусовского, было переиздание в 1894 г. текста поэмы и других произведений поэта с обстоятельным критическим комментарием, подготовленным Я. Пельчаром [23]. Это переиздание облегчило доступ к творчеству Гусовского широкому кругу ученых и читателей. Исследователю удалось воссоздать довольно выразительный духовный облик художника латинского слова, прояснить некоторые факты его жизни и творчества.

Согласно Пельчару, Гусовский родился в Гусове, местечке Ланьцутского повета, литовцем не был, но, возможно, знал литовский язык. Молодые годы он провел в бесконечных охотах среди лесов. Позже, вероятно, был на службе у пана и долго пробыл в Литве и на Руси. Исследователь придерживался мысли, что Гусовский учился в Ягеллонском университете. Эту догадку Пельчара ученые не поддерживали и в известном смысле справедливо, ибо сам Гусовский пишет в «Песне о зубре», что главной наукой жизни ему были пуща и охота. Поэтические способности ее автора он оценивал следующим об-

---

[22] Bartoszewicz J. Historya literatury polskiej potocznym sposobem opowiedziana, t. 1. Kraków, 1877.

[23] Hussoviani Nicolai Carmina. Ed., praefatione instr. Joannes Pelczar.— Corpus antiquissimorum Poetarum Poloniae Latinorum, vol. 4. Cracoviae, 1894.

разом: «Гусовский не звезда, но принадлежит к числу очень способных поэтов»[24].

Недостаток критического комментария Пельчара был в том, что биография Гусовского прослеживалась только в прямой связи с Польшей. Пельчар опустил слова «месяц октябрь» при указании на время напечатания поэмы в 1523 г. в Кракове. Кроме того, он редактировал по своему усмотрению отдельные места в некоторых произведениях. По нашим подсчетам, Пельчар допустил в «Песне о зубре» 56 в сравнении с первым изданием исправлений разного рода (пропуски, дописывание слов и букв, не включая изменений в пунктуации). Несмотря на это, исследование Пельчара остается важным источником при изучении жизненной одиссеи и творчества Гусовского. Не случайно работы Пельчара вызвали ряд положительных рецензий известных польских филологов М. Езеницкого, З. Дембитцера, К. Вотке[25].

С того времени интерес к Гусовскому в Польше не исчезал. В результате новых поисков появились публикации его эпистолярного наследия[26]. По мере расширения горизонтов филологической и исторической наук, углубления знаний о восточных славянах стал возможным новый подход к вопросу о происхождении Гусовского и характере его творчества.

Автором новой концепции о поэте был львовский ученый Ю. Калленбах[27]. На формирование его взглядов, думается, оказала влияние позиция известного польского поэта и ученого Яна Каспровича, который почувствовал эстетическую потребность сделать перевод «Песни о зубре» с латинского языка на польский[28]. (Полностью опубликовать перевод ему не удалось: помешала первая мировая война.) Взволнованный искренностью, глубиной содержания и художественной силой «Песни о зубре»,

---

[24] Pelczar Jan. Mikołaj Hussowski, jego życie i pisma.— «Sprawozdanie dyrektora C. K. Gimnasium św. Jacka w Krakowie za rok szkolny 1900». Kraków, 1900, s. 50.

[25] См.: «Eos», 1895; «Muzeum», 1895; «Berliner Philologische Wochenschrift», 1895.

[26] Ćwikliński L. Nieznany list Mikołaja Hussovianusa (Hussowskiego).— «Eos», vol. 5, fasc. 2, 1898—1899, s. 204—206.

[27] Kallenbach J. O żywiole rodzimym w poezji M. Hussowskiego. Charisteria Casimiro de Morawski septuagenuario oblata ab amicis collegis descipulis. Cracoviae, 1922.

[28] Kasprowicz J. Mikołaja Hussowskiego «Pieśń o żubrze» i «Pan Tadeusz».— «Słowo Polskie», 1913, № 350—356.

Каспрович писал: «Хотя Гусовский и стоит в одном ряду с Павлом из Кросна, Яном из Вислицы, Андреем Кржицким, Дантышеком, Клеменсом Яницким... однако среди них не имеет себе равных»[29]. Каспрович первым назвал эту поэму жемчужиной и определил «незаслуженно забытому и недооцененному певцу» первое место среди поэтов раннего гуманизма Польши.

Каспрович неожиданно для себя открыл типологическую связь и удивительное внутреннее созвучие многих мест «Песни о зубре» с «Паном Тадеушем» и поставил Гусовского как поэта рядом с Адамом Мицкевичем. Однако он считал, что Мицкевич не мог знать «Песню о зубре», поскольку при его жизни, по мнению ученого, были известны только два экземпляра этого произведения — один у М. Юшиньского (факт передачи 20 апреля 1798 г. в дар библиотеке Чарторыйских в Кракове засвидетельствован на книжке), другой — у ксендза Ю. Малышевича (Гродненская губерния). М. Езеницкий в 1895 г., а К. Эстрейхер в 1901 г. обратили внимание на существование третьего экземпляра поэмы издания 1523 г. в библиотеке Оссолинеум во Львове[30]. Ученый секретарь библиотеки Залусских в Варшаве писал еще в 1776 г. об имевшемся здесь экземпляре этой книги, «коварно похищенной одним книжным вором, который сам был именитым поэтом»[31]. Как утверждал Ю. Биркенмайер, в Вильно времен Мицкевича также имелся экземпляр поэмы Гусовского[32]. Это утверждение основывалось на данных одного виленского издания: у Ю. Завадского в 1823—1825 гг. был напечатан двухтомник белорусского шляхтича Игната Бобятинского «Искусство охоты» с эпиграфом «Tu melius scribes, ego tendam fortius arcum» (строка 39 из «Песни о зубре»). Архивные материалы позволяют предположить, что и польско-белорусский поэт-демократ В. Сыро-

---

[29] Kasprowicz J. Mikołaja Hussowskiego «Pieśń o żubrze» i «Pan Tadeusz».— «Słowo Polskie», 1913, № 350—356.

[30] Jezienicki M. Mikołaj Hussovianus (Hussowski) w świetle najnowszych badań.— «Kwartalnik historyczny», rocz. 9, zeszyt 3. Lwów, 1895, s. 446—457; «Eos», 1895, № 2; Estreicher K. Bibliografia Polska, t. 18. Kraków, 1901, s. 40—41.

[31] Janociana, vol. 1, s. 125—126; vol. 3, s. 35—36.

[32] «Kurjer Literacko-Naukowy», 1937, № 34. [Рец. на ст.:] Stanisławski J. Czy Mickiewicz znał «Pieśń o żubrze» Hussowczyka?— «Łowiec», odbitek osobny. Lwów, 1937.

комля, страстный собиратель, пропагандист и переводчик латинской поэзии, был знаком с творчеством Гусовского и, возможно, имел экземпляр «Песни о зубре». Так, в своем рукописном «Словаре знаменитых писателей в Польше» он пометил: «Гусовианус Николай, поляк, поэт-латинист. Умер в 1525» и назвал все его крупнейшие произведения [33]. К тому же Сырокомля был знаком по обществу Виленского музея древностей с Ю. Малышевичем и И. Бобятинским, которые высоко ценили Гусовского [34]. Следовательно, в прошлом столетии были известны не три, как утверждали К. Эстрейхер, И. Семежон [35] и др., а самое малое пять экземпляров «Песни о зубре».

Многие ученые сегодня считают, что А. Мицкевич как эпик вышел из Гусовского.

Главный вывод Ю. Калленбаха касался места рождения Гусовского. Согласно Калленбаху, родина поэта не предместье Кракова (по Вишневскому), не Ланьцутский повет в Галиции (по Пельчару), а Белая Русь. Гусовский, по образному выражению ученого, «вынырнул» из пущ белорусских. Ученый открыто заявил, что «необычная» поэма Гусовского была «присвоена» польским обществом благодаря хорошему переводу Каспровича [36]. Разумеется, секрет такого присвоения «Песни о зубре» кроется прежде всего в методологии польской буржуазной литературоведческой школы.

Доказательство белорусского происхождения Гусовского Калленбах пытался обосновать следующим: 1) доскональное знание поэтом жизни леса, дремучих пущ, секретов охоты на зубра, повадок зверя и способа его жизни; 2) глубокое постижение Гусовским нравов, обычаев и традиций белорусского народа; 3) горячая, сыновняя любовь к Литве, ее природе, истории, преклонение перед великим князем Витовтом, создание культа которого в поэме было бы совершенно необъяснимо, если бы ее автор был выходцем из Польши [37]. Ю. Калленбах ука-

---

[33] ЦГАЛИ ЛитССР, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 20, л. 7.
[34] ЦБАН ЛитССР, отдел рукописей, BF — 385—386, оп. 13, л. 51.
[35] Семяжон Язэп. Першая песня пра нас. Послесловие к переводу «Песни о зубре» на белорусский язык.— «Полымя», 1969, № 6, с. 100.
[36] Kallenbach J. O żywiole rodzimym w poezji M. Hussowskiego, s. 131.
[37] Там же.

зывал, что его «теоретические выкладки относительно личности и творчества Гусовского побудили Михаила Дадлеза перевести в стихах поэму о зубре на польский язык [38].

В последующем польские исследователи, концентрируя внимание на общих вопросах, редко обращались к конкретному анализу содержания и художественно-эстетической структуры поэмы Гусовского. На протяжении долгого времени многие польские ученые подходили к творчеству Гусовского предвзято, не исторически и недооценивали его.

Качественно новый этап в конкретно-историческом осмыслении творчества Гусовского начался в Польской Народной Республике. К. Гурский на научной сессии Академии наук ПНР в 1953 г. заявил, что «Песня о зубре» не была оценена надлежащим образом в польском литературоведении [39]. Тогда же К. Будзык, Я. Кот и Б. Надольский указали, что Гусовский стоял у истоков гуманизма в Польше и творил в русле ренессансного реализма.

Большинство современных польских исследователей считают Гусовского выходцем из Белоруссии. Его поэма рассматривается как в солидных научных трудах, так и в популярных публикациях. Значительную научную ценность представляет работа Е. Круковского [40], где показана типологическая связь поэмы «Песня о зубре» с образцами античной и ренессансной литератур, а также работы С. Черника и М. Ренкаса [41], которые трактуют поэта как защитника интересов униженных сословий, крепостных крестьян. Однако и в настоящее время польские ученые не единодушны в оценке идейно-художественных достоинств «Песни о зубре». Так, Ю. Кржижа-

---

[38] Перевод М. Дадлеза сохранился и находится в рукописном отделе Национальной библиотеки ПНР ■ Варшаве.

[39] Górski K. Miejsce Hussowczyka i Szymonowicza w poezji polsko-łacińskiej. Odrodzenie w Polsce. Materiały sesji..., t. 4. Historia literatury. Warszawa, 1956, s. 239.

[40] Krókowski J. Mikołaja Hussowskiego «Carmen de bisonte».— «Prace Wrócławskiego Towarzystwa Naukowego», seria A, № 65, 1959.

[41] Czernik S. Pięć wieków doli chłopskiej w literaturze XII—XVI wieku. Materiały i szkice. Warszawa, 1953, s. 105—111; Rękas M. Obrońcy chłopów w dobie polskiego Odrodzenia. Warszawa, 1954, s. 81—82.

новский называет Гусовского средним поэтом, теряющим чувство эстетической меры, увлекающимся натурализмом[42], а М. Плезия, специалист по польско-латинской литературе, считает Гусовского самобытным художником-эпиком[43]. И. Хжановский ценит поэта за «живое, искреннее, непосредственное чувство»[44], К. Баквис высоко ставит экспрессию Гусовского, правда, он ошибочно считает, что экспрессия поэта соответствует стилевым принципам эстетики барокко, а его религиозные взгляды характерны для эпохи Контрреформации[45]. Таким образом, польское литературоведение достигло определенных успехов в изучении творчества Гусовского.

В Западной Европе имя Гусовского было известно, видимо, немногим. В настоящее время сведения о нем получают здесь главным образом из переводов работ польских ученых[46]. Еще в 1887 г. Артур Лейст, первый переводчик на немецкий язык «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, нетрафаретно размышлял: «Многие народы Европы и те, что имеют государственную самостоятельность, и те, которые еще надеются ее получить, с невысказанной благодарностью поклонились бы от себя и от своих потомков тому своему сыну, который бы оставил им в наследие подобное произведение, независимо от языка, на котором такое произведение могло быть написано. И первыми между ними безошибочно можно было бы назвать славян-белорусов, древняя культура которых пока еще очень мало известна образованному миру, но которые еще в рамках совместного своего феодального государства с Литвой имели такого крупного поэта, как Николай Гусовиан с его «Песней о зубре», написанной на древней латыни»[47].

Общественный интерес к Гусовскому в России про-

---

[42] Krzyżanowski J. Drieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych. Warszawa, 1969, s. 40.

[43] Najstarsza poezya polsko-łacińska, do polowy XVI wieku opracował Marian Plezia. Warszawa, 1952, s. 67.

[44] Chrzanowski Ignacy. Historia literatury niepodległej Polski (965—1795). Warszawa, 1971, s. 73.

[45] Bacvis C. Nicolas de Hussów. Literatura—komparatystyka—folklor. Księga poświęcona Julianowi Krzyżanowskiemu. Warszawa, 1968, s. 40—72.

[46] Исследование Круковского «Mikołaja Hussowskiego «Carmen de bisonte», изд. на итальянском языке «Atti del V Convegno Internazionale di Studi sul Rinascimento». Firenze, 1958.

[47] «Полымя», 1969, № 6, с. 100.

явился довольно рано. Первое переиздание текста «Песни о зубре» (СПб, 1855) в количестве 100 экземпляров было подготовлено в честь 50-летия Московского общества испытателей природы с экземпляра поэмы, ранее находившегося у Ю. Малышевича, магистра богословия, настоятеля Неводницкого церковного прихода Гродненской губернии. Еще в 1853 г. он подарил его Публичной библиотеке в Петербурге, которому она как почетному корреспонденту «обязана и многими другими важными приношениями». «Естествоиспытатель следит за исчезнувшими или исчезающими на земном шаре породами животного царства с тем же любопытством, какое возбуждают в библиографе произведения книгопечатания, истребленные временем или сохранившиеся разве в каком-либо единственном экземпляре»,— говорится в предисловии [48]. Несмотря на то что текст этого издания «Песни о зубре» был подготовлен более тщательно, чем позднейшего переиздания, осуществленного Пельчаром, однако оно не дало толчка к появлению исследований о творчестве поэта. Одна из причин заключалась в отсутствии научного комментария и посвящения Боне Сфорца, а также всех стихотворений, содержащихся в издании 1523 г. Лишь в 1897 г. написал свои заметки Г. Зенгер [49], а в 1903 г. Г. Карцов использовал отдельные описания Гусовским повадок зубра [50].

Возникновение научного интереса к личности Гусовского в Литве относится к началу XX в. В 1922 г. с кратким сообщением «Николай Гусовский как первый литовский гуманист» выступил в печати В. Сакавичюс, который впервые справедливо обратил внимание на этот памятник латинского искусства как на важный источник по изучению истории и культуры древней Литвы [51]. Категорически выступая против мнения (Вишневского — Пельчара) о польском происхождении Николая Гусов-

---

[48] Carmen Nicolai Hussoviani de statura feritate ac venatione bisontis. Cracoviae, MDXXIII. Denuo excusum Petropoli, MDCCCLV, s. 5.

[49] Зенгер Г. Е. Критические заметки к некоторым местам в латинских стихотворениях польских писателей XVI и XVII веков.— «Commentationes philologicae». СПб, 1897.

[50] Карцов Г. Беловежская пуща. Ее исторический очерк... СПб, 1903. Прозаический перевод фрагментов «Песни о зубре» сделан Янисом.

[51] Sakavičius V. Nicolaus Hussovianus, kaipo pirmasis lietuvių humanistas.— «Lietuvių tauta», t. 3, d. 2, 1920—1922, p. 464—465.

ского, В. Сакавичюс выдвинул свою точку зрения, согласно которой этнографическая родина поэта — Литва. И. Басанавичюс от имени редакции добавлял к выводам исследователя, что фамилию Гусовский можно выводить из сопоставления с литовскими фамилиями Усас, Усис, Уселис, встречающимися около Ковно, Укмерге.

Утверждение В. Сакавичюса и И. Басанавичюса о коренном литовском происхождении Гусовского было слишком произвольным, бездоказательным. Поэтому не случайно советские литовские литературоведы и историки М. Рочка, Б. Казлаускас, Л. Валкунас и другие не приняли этого вывода. В частности, Б. Казлаускас в предисловии к своему переводу «Песни о зубре» писал: «Следует согласиться с мнением, что Гусовский родился в Белоруссии» [52].

Среди работ литовских ученых отметим исследование А. Варанавичюса [53]. Построенное на богатом фактическом материале, оно восполняет определенный пробел в изучении философской мысли Литвы и Белоруссии начала XVI в. Однако, отмежевавшись от эстетического мировосприятия Гусовского, Варанавичюс несколько переоценивает роль мецената Э. Вителлиуса [54] в творческом становлении поэта, когда пишет, что поэма Гусовского является «продуктом синтеза социально-политического мировоззрения Э. Вителлиуса и таланта Н. Гусовского». Талант писателя в отрыве от его мировоззрения не существует. Общественно-политические взгляды Гусовского, безусловно, причинно связаны со взглядами Вителлиуса, одного из высокообразованных мужей своего времени. Но вопрос в том, насколько мировоззрение мецената и поэта совпадали. А. Варанавичюс поддержал и развил вывод польских ученых о влиянии

[52] Kazlauskas B. Mikalojus Husovianas ir jo giesmė apie stumbrą.— «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų Mokslo darbai. Literatura», t. 6. Vilnius, 1963, p. 142; Husovianas Mikalojus. Giesmė apie stumbrą. Vilnius, 1977.

[53] Варанавичюс А. А. Общественно-философская мысль эпохи Возрождения в Литве в начале XVI в. (взгляды Э. Вителлиуса и Н. Гусовского). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. Вильнюс, 1974.

[54] Во многих публикациях неправильно употребляется латинская фамилия «Vitellius» — «Телка» с польского «Ciołek». По-белорусски литературной нормой перевода этой фамилии должно быть «Быковский» или «Вителлиус» без перевода.

античной литературы на мировоззрение Гусовского, что совершенно справедливо, ибо эта связь является основной чертой светской, антропоцентрической эстетики Возрождения, но фактически обошел другую важную сторону мировосприятия поэта — его связь с народным мировоззрением.

В Белоруссии первые переводы «Песни о зубре» появились сначала на русском языке (Я. Порецкий, И. Семежон) [55], а затем и на белорусском (И. Семежон) [56]. На первоначальном этапе изучения латинской литературы Белоруссии эти переводы, несмотря на их недостатки, имели важное культурно-историческое значение. Русский перевод «Песни о зубре» буквалистский, поэтому менее поэтичен, хотя некоторые ее фрагменты воссозданы с мастерством. Перевод же на белорусский язык, несмотря на ряд серьезных фактических отступлений от текста в направлении его модернизации, передает дух латинского оригинала. Этот перевод как своеобразное явление национальной белорусской литературы может стать при условии его совершенствования, тщательной доработки одним из лучших свободных славянских переводов «Песни о зубре». К сожалению, И. Семежон допускает натяжки, неточности и в доказательствах. Вслед за Я. Порецким он ошибочно отмечает, что переиздание «Песни о зубре» в 1855 г. было осуществлено по инициативе Московского общества испытателей природы, хотя в предисловии к этому изданию ясно сказано, что оно появилось по инициативе Петербургской императорской библиотеки. Совсем непонятно, как мог Эразм Вителлиус (умер в 1522 г.) выступать с лекциями в Виленском коллегиуме (основан в 1570 г.). Переводчик замечает, что в поэтическом языке Гусовского «множество и книжных и церковнославянских оборотов, буквально высказанных на латыни» [57]. Фактически же поэтический словарь поэта по существу не отходит от классической латыни. В послесловии к отдельному изданию поэмы (1973) переводчик отказывается от узкой трактовки по-

[55] Гусовский Николай. Песня о зубре. Пер. с лат. Я. Порецкого и И. Семежона. Предисл. Я. Порецкого и Ю. Пренской.— «Неман», 1968, № 7, с. 47—70.

[56] Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра. Пераклаў з лацінскай Я. Семяжон. Пасляслоўе перакладчыка. «Першая песня пра нас».— «Полымя», 1969, № 6, с. 69—103.

[57] «Полымя», 1969, № 6, с. 101.

этического творчества Гусовского. Однако и здесь неправильно определяется им размер стиха — «это близкий к гекзаметру пяти- и шестикратный дактиль с цезурою и без цезуры» [58]. В действительности же «Песня» написана элегическим дистихом (соединение гекзаметра с пентаметром).

Сегодня наша многонациональная культура и литературоведение как историческая наука не могут развиваться изолированно друг от друга и вне достижений мировой науки и культуры. И все же досадные факты игнорирования этой связи существуют. Так, в 1971 г. появился в Москве свободный поэтический перевод «Песни о зубре», осуществленный поэтами Станиславом Куняевым и Игорем Шкляревским [59]. Они претендуют на приоритет в стихотворном переводе «Песни о зубре» на русский язык в то время, как перевод Я. Порецкого и И. Семежона появился тремя годами ранее в журнале «Неман», который, кстати, издается на русском языке массовым тиражом. Я. Порецкий в свою очередь, переводя некоторые стихотворения Гусовского, называет их «неизвестными» [60], якобы открытыми им, хотя они известны по переизданию Я. Пельчара 1894 г.

Названные переводы, а также статьи критического характера о Гусовском В. Колесника, Г. Березкина, В. Дорошкевича, М. Ларченко и др., опубликованные в республиканской прессе, — свидетельство проявления глубокого интереса к одному из талантливых деятелей латиноязычной славянской литературы.

Следует отметить статью известного белорусского литературоведа В. Колесника «Возвращение звезд» [61], в которой ученый впервые рассматривает «Песню о зубре» в широком конкретно-историческом контексте «белорусского Возрождения». Правда, в статье встречаются фактические неточности и малообоснованные утверждения.

---

58 Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра. Пераклад з лацінскай Я. Семяжона. Мінск, 1973, с. 89.

59 Куняев Станислав, Шкляревский Игорь. Голос из шестнадцатого века.— Поэзия-5. М., 1971, с. 103.

60 Невядомыя вершы Гусоўскага (1523—1533 гады). Пер. с лат. Я. Порецкого.— Беларуская літаратура і літаратуразнаўства, вып. 3. Мінск, 1975, с. 177—183.

61 Калеснік Уладзімір. Вяртанне зор.— «Полымя», 1971, № 7, с. 196—212; Колесник В. Возвращение блуждающей звезды.— «Дружба народов», 1972, № 5, с. 256—266.

Так, В. Колесник говорит о переиздании «Песни о зубре» в 1525 г. в Падуе, которого не было. Он подчеркивает, что поэт «шел фольклорным путем создания поэмы». Однако это был лишь один из способов, к которому прибегал поэт при создании поэмы: писательское кредо Гусовского было сформировано под воздействием национальной стихии, древнерусской эстетики, античной и ренессансной европейской литератур, ибо как творческая индивидуальность поэт формировался не только на родине, но и в Италии. И не только гражданский дух белорусских летописей лежал в основе патриотических настроений Гусовского. На наш взгляд, считать Гусовского выразителем только настроений шляхты — неоправданно узко. В книжном варианте статьи ученый устранил многие из указанных недостатков [62].

«Размышление над «Песней о зубре» Г. Березкина посвящено рассмотрению «Песни» как произведения «неделимого, стройного и законченного художественного целого». Анализ функциональной роли портрета, реалистичности ведется на высоком профессиональном уровне. Однако исследователь, с одной стороны, часто не соотносит свои выводы с оригиналом поэмы, осовременивая, модернизируя ее содержание и фактически не рассматривая структуру произведения, а с другой — противореча себе, называет поэта «дилетантом» [63]. Создать произведение такой целостности, идейной глубины и художественной выразительности без знания метрики латинского стиха, без соответствующей литературной выучки и практики дилетант не мог. «Песня о зубре» не дилетантская попытка, а продукт высокой поэтической культуры и мастерства [64].

---

[62] Калеснік Уладзімір. Зорны спеў. Літаратурна-крытычныя артыкулы, нарысы, эцюды. Мінск, 1975, с. 86—124.

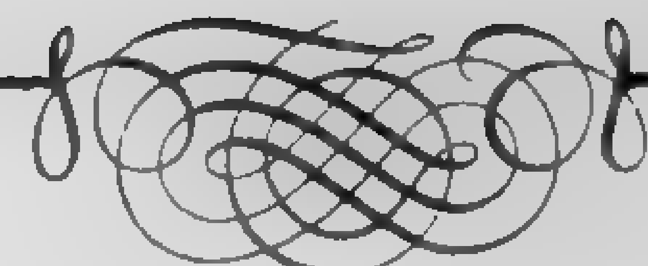
[63] Бярозкін Рыгор. Постаці. Артыкулы пра паэтаў. Мінск, 1971, с. 4.

[64] Дарашкевіч В. І. Ян Вислицкий и Николай Гусовский в литературоведческой науке.— В кн.: Книговедение в Белоруссии. Минск, 1977, с. 37—53; его же. Франциск Скорина и Николай Гусовский.— «Неман», 1979, № 1, 166—173; его же. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы (1-я половина XVI в.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Минск, 1977; Конон В. От ренессанса до классицизма. Минск, 1978, с. 54—65.

Таким образом, благодаря переводам поэмы Гусовского на русский и белорусский языки, возникновению у научной и литературной общественности интереса к его творчеству стало возможным включение его литературного имени в историю философской и эстетической мысли Белоруссии. Если в «Истории белорусской дооктябрьской литературы», т. 1 (Минск, 1968, с. 354) о Гусовском только упоминается, то в «Истории белорусской дооктябрьской литературы» (Минск, 1977, с. 87) дается сжатая, но емкая характеристика «Песни о зубре», хотя не рассмотрены другие поэтические произведения и поэтому не раскрыта эволюция художественного мышления поэта-гуманиста.

Поэзия Гусовского в наше время обрела свою вторую жизнь в переводах на славянские и литовский языки (1914, Я. Каспрович; 1963 и 1977, Б. Казлаускас; 1968, Я. Порецкий и И. Семежон; 1969, И. Семежон; 1971, И. Шкляревский и С. Куняев). Эта тема нуждается сегодня в специальном освещении. Относительно польского литературоведения факты позволяют говорить о двух этапах изучения творчества Гусовского — буржуазном и новом.

В советской литературоведческой науке изучение творчества Вислицкого и Гусовского только началось. Все еще не показано, в чем заключалось величие поэтов в контексте славянского Возрождения, не определена художественно-жанровая природа «Прусской войны» и «Песни о зубре». Открытым остается вопрос о национальном происхождении поэтов. Ближайшей задачей является также осуществление переводов всех литературных и эпистолярных произведений и документов об этих поэтах на белорусский язык и издание их отдельными книгами с присоединением латинских оригиналов, научного комментария и поэтического словаря. Достижения ученых в деле осмысления их наследия позволят по-новому осветить поставленные проблемы.

ЯН ВИСЛИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИИ ПОЭТА

Художественная латинская литература восточных славян XV—XVIII вв. составляет целый культурный пласт их духовного наследия. Осмысление идейно-художественной сущности этого пласта непосредственно связано с характером общеевропейского и в первую очередь с особенностями польско-восточнославянско-литовского культурного развития того времени. Отличительная черта новолатинской поэзии Польши, Белоруссии и Литвы в том, что она не была космополитической, национально обезличенной (какой была средневековая латинская лирика Западной Европы), хотя ее лучшие образцы по содержанию, широте охвата проблем и задач, идейной направленности, как правило, являются достоянием нескольких народов, результатом их общего развития в период существования Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Общим памятником белорусской, польской и литовской культур XVI в. является наследие поэтов-латинистов Яна Вислицкого и Николая Гусовского.

В 1516 г. в краковской типографии Яна Галлера вышла в свет книга Яна Вислицкого «Прусская война», где наряду с одноименной эпической поэмой, которая насчитывает 1057 строк гекзаметра, были помещены поэтические посвящения Павлу Русину из Кросна и своему меценату, польскому канцлеру, перемышльскому епископу Петру Томицкому и некоторые другие произведения. Этот небольшой по объему, тематически цельный сбор-

ник латинской поэзии принес его автору европейскую славу.

Биографические сведения о поэте необычайно скупы и, по существу, исчерпываются письмом Вислицкого к своему учителю, профессору Краковского университета Павлу из Кросна и письмом последнего к старосте велуньскому Станиславу из Курозванок. Поэтому осветить родословную поэта представляется возможным только путем историко-филологического анализа его творчества.

Ян Вислицкий родился около 1485—1490 гг. Вероятнее всего, он был человеком демократического происхождения — выходцем из крестьян или мещан. О первых годах его жизни доподлинно ничего неизвестно. Относительно юношеских лет есть основания предполагать, что провел их Ян Вислицкий в Ягеллонском (Краковском) университете, где учился у Павла из Кросна, выходца с Украины, которого позже называл своим идейным наставником. В стихотворении «Утешительная песнь» Ян Вислицкий писал:

Дантышек твой и Сухтень тебя пусть прославят —
Кросна Русская по краям сарматским.
Знаменит был двоими: из трех учеников
Сам расцветешь, из них я желаю быть третьим.[1]

Свидетельством того, что Вислицкий провел свои юношеские годы в Краковском университете, может служить и содержание «Эпиграммы», которой открывается сборник «Прусская война». В образной форме автор заявлял, что за возможность познать радость творчества он обязан университетскому кружку поэтов Павла из Кросна:

Прусской войны кто познать судьбу сильно жаждет,
Пусть с благочестием вникнет в смысл этой книги,
Что воскресил хоть не пылким пламенем сердца
Все же известный сармат из рода поэтов.[2]

---

[1] Переводы с латинского сделаны нами. Здесь и дальше произведения Я. Вислицкого цитируются по переизданию, осуществленному Я. Смерекой: Bellum Plutenum. Leopoli, 1933, s. 34.

Dantiscusque tuus tollat te Suchteniusque
Necnon Sarmaticis Crosna Ruthena locis.
Ille duobus erat clarus: tribus ipse nitescis
Discipulis, quorum tertius esse velim.

[2] Noscere si quis amas Pruteni fata duelli,
Huc ades et vultu perlege scripta pio,
Quae canit exiguo madefactus corda furore,
Attamen Aoniis Sarmata notus avis.

Prima editionis principis (Cracoviae 1516) pagina.

Титульный лист поэмы «Прусская война» Я. Вислицкого, изд. 1516 г.

На наш взгляд, строку «Все же известный сармат из рода поэтов» надо понимать не в прямом, а в переносном смысле. Как поэт Ян Вислицкий почувствовал свое рождение «среди Аонидских муз» Краковского университета, «которыми до сих пор был нежно обласкан» («quibus adhuc tener oblectatus sum»). Как известно, [redacted] Краковский университет принимали в те времена юношей 12—14 лет. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что Вислицкий подразумевал под «Аонидскими музами» литературный кружок Павла из Кросна.

Благодаря своему трудолюбию и прилежанию Ян Вислицкий успешно окончил Краковский университет, достиг ученой степени бакалавра, а затем и магистра [3]. Подтверждением тому может служить его высокая образованность, глубокое знакомство с историей античной литературы, мифологией. Не случайно магистр Павел из Кросна в своей элегии считает Яна «учеником, достойным его имени».

Павел из Кросна приступил к исполнению обязанностей преподавателя в Краковском университете на факультете свободных искусств в 1507 г. Учитывая это и некоторые другие обстоятельства, можно установить, когда Ян Вислицкий получил степень бакалавра и магистра. В известной книге Ю. Мучковского [4] называются несколько человек с фамилией Висликус, некогда учившихся в Кракове. Трое из них достигли ученых степеней бакалавров в 1476, 1505 и 1506 гг., а двое стали магистрами в 1510 и 1531 гг. Яном Вислицким, будущим автором «Прусской войны», вероятнее всего был юноша, ставший бакалавром в 1506 г. и магистром в 1510 г., так как в эти годы мог слушать лекции Павла из Кросна (умер в 1517 г.).

Таким образом, Ян Вислицкий, очевидно, окончил Краковский университет в один год с Ф. Скориной, т. е. в 1506 г., с которым мог быть знаком, а в 1510—1512 гг. работал там в качестве магистра-экстранеуса. В академии он читал студентам курс по Аристотелю, Евклиду,

---

[3] Польские исследователи К. Мехежиньский, Я. Смерека, М. Плезия предполагали, что Вислицкий успешно окончил университет в Кракове и преподавал [redacted] качестве магистра-экстранеуса.

[4] Muczkowski J. Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis studiosorum in Universitate Jagellonica ab anno 1402 ad. a. 1849. Cracoviae, 1849, s. 80, 141, 144.

Цицерону и Альберту Великому[5]. Чтение одним лектором таких разных по характеру философских и математических дисциплин и авторов было в духе эпохи. Причем чужестранец, который стал магистром в Краковском университете, обязан был, согласно существовавшим тогда правилам, отработать на кафедре два года в качестве магистра-экстранеуса. (Латинское слово «extraneus» означает «иностранец, человек из другого края»; в данном случае преподаватель, не принадлежащий к числу основного профессорского состава.)

Согласно ректорским актам, бакалавр (1506) и магистр (1510) Вислицкий, под которым мы предполагаем Яна Вислицкого, как и Павел из Кросна, называется рутенусом[6], т. е. русином. Это ясное указание на его восточнославянское (белорусское или украинское) происхождение представляется нам чрезвычайно важным. Оно в совокупности с другими фактами позволяет нам поновому посмотреть на его жизнь и творчество.

Вислицкий нигде не говорит о своей ученой степени. Это скорее всего объясняется тем, что ученая степень бакалавра и магистра по тогдашним представлениям не считалась большим достижением. Немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен отказывался от степени бакалавра и самым серьезным образом возражал всем, кто при случае напоминал ему, что он стал бакалавром во Франкфуртском университете. Многие гуманисты отказывались от своих ученых степеней по причине неприязненного отношения к методике воспитания и схоластического обучения в средневековых университетах.

Расцвет Краковского университета приходится на вторую половину XV — начало XVI в. Давление католицизма в это время немного ослабло. Краковские теологи с пониманием отнеслись к изобретению печатного станка, пристойно — к новому учению Коперника. В университете допускалась определенная свобода к нововведениям гуманистического порядка. В XVI в., во времена Яна Вислицкого, университет в Кракове уже занимал молодежь эсхатологическими диспутами, метафизикой. Университет, в котором витал дух схоластики, меньше притягивал к себе молодежь. В статуте университета

---

[5] Wislocki W. Liber diligentiarum facultatis artisticae Universitatis Cracoviensis, pars 1 (1487—1563). Cracoviae, 1886, s. 98, 486.

[6] Там же, s. 98, 486, 523.

1536 г. говорилось: «В целях улучшения преподавания на факультете свободных искусств декан должен следить за душами бакалавров, магистров, которые сбивают с толку изучение свободных наук, и особенно за теми, которые считают, что упражнения (в схоластике.— *В. Д.*) нецелесообразны». Краковский правовед и латинист Марицкий в 1551 г. выразил общественный протест против знаков учености: «Не так давно это зло вломилось в наше государство (Польшу.— *В. Д.*). С каким восторгом наши предки и бояре смотрели на свободные науки и не считали, что оскорбляется этакое высокородство именами докторов и магистров... Наше столетие отказывается от знаков учености, которые называются в народе выдвижениями. Особенно польская шляхта противится этому роду чести, считая, что выдвижение введено не каким-то признанным авторитетом, а единственно для злоупотребления» [7].

На основании сказанного, думается, можно предполагать, что Ян Вислицкий сознательно избегал упоминать свои ученые титулы (бакалавр, магистр), поскольку авторитет ученой степени низшего и среднего ранга в первой половине XVI в. начал быстро падать в глазах гуманистов.

Популярность стихотворца Вислицкий приобрел сначала среди друзей своими эпиграммами (раньше в университетах на факультете свободных искусств учили писать стихи) и отдельными частями поэмы «Прусская война», которые были написаны тогда, когда еще была живой связь Вислицкого с университетом и его преподавателями. Подтверждением того, что Ян Вислицкий начал писать поэму, будучи еще молодым человеком, служат следующие строки, сказанные якобы в качестве наказа молодому поэту богом искусства Аполлоном:

Стихотворец, королей сарматских довольно славить:
Так не к лицу поступать юноше нежному.

В стихотворении, посвященном битве под Оршей 1514 г., Ян Вислицкий заметил, что он собирается воспеть военные подвиги короля Сигизмунда I, если богиня Атропа, определяющая продолжительность человеческой

[7] См.: Witkowski S. Jan z Wislicy, jego życie i piśma.— «Przewodnik Naukowy i Literacki», 1891, rocz. XIX, s. 38.

жизни, позволит ему дожить до зрелого возраста — «нить ткать жизни мудрой». Поскольку он создавал поэму в молодом возрасте, то, естественно, был непосредственно связан с теми людьми, которые дали ему довольно высокую филологическую культуру, познакомили с метрикой латинского стиха. В письме к тому же Павлу из Кросна он писал, что наступило время, чтобы издать «труд бессонных ночей», т. е. «Прусскую войну», который являлся первой серьезной поэтической отдачей его таланта. Признание Яна Вислицкого в своей пригодности к великому делу — создавать поэзию, потому что он почувствовал себя «хорошо напоенным из Аонидских родников»,— было особенно приятно его советчику Павлу из Кросна.

Почему же ему так «хочется быть третьим учеником» своего учителя и какая сложилась ситуация перед изданием «Прусской войны», что вынудило его еще раз обратиться к поддержке друзей?

Друзьями Вислицкого были польско-латинские поэты Ян Дантышек, Кжиштоф Сухтень, немецкий поэт Рудольф Агрикола из Вассербурга, швейцарский гуманист Валентин Эцка Филирипоплитани и польский меценат Петр Томицкий. Это были высокообразованные люди, каждый из них сделал блестящую карьеру. Характеристика творческого окружения Вислицкого как бы «подсвечивает» его личность.

Гданьщанин Ян Фляхсбиндер Дантышек (1485—1548), у которого, как и у Вислицкого, поэтические способности проявились в Краковском университете, уже с 1507 г.— секретарь королевской канцелярии, затем посол в Испании, Италии, искусный царедворец, неутомимый путешественник и, наконец, знаменитый поэт, первый из поляков увенчанный лавровым венком императором Максимиллианом, автор «Любовных элегий» (Краков, 1518), «Церковных гимнов в подражание Пруденцию» (Краков, 1548) и вдохновенных панегириков в честь королев и королей. Великосветский образ жизни, однако, не помешал епископу Дантышеку первым достойно оценить будущую книгу «О движении небесных тел» Коперника и написать восторженную оду в честь великого ученого и его учения.

Современник и земляк Дантышека Кжиштоф Сухтень был придворным поэтом Сигизмунда I и описывал военные подвиги в период его правления.

Воспитанник немецких высших школ Агрикола Рудольф (умер в 1521 г.) записался в Краковский университет в 1510 г., когда в нем работал Павел из Кросна и Ян Вислицкий, а в 1517 г. возглавил здесь кафедру поэтики. Известен стал главным образом своими эпиграммами, предисловиями к книгам других авторов (написал 20), пристрастием к античному искусству. С уст гуманистов не сходило изречение Агриколы: «Мы должны быть последователями Цицерона».

Валентин Эцка (ок. 1494—1556) был родом из Линдау, что в Швейцарии, друг и ученик Агриколы. Он прибыл в Краков для изучения в университете риторики и философии. После смерти Павла из Кросна Эцка преподавал здесь поэтику. «Небольшое сочинение о искусстве стихосложения всем студентам, кому трудно дается поэтика, неприятная, но полезная» Эцки было впервые издано в 1515 г. в Кракове, а затем неоднократно переиздавалось. Швейцарский гуманист выделялся среди других оригинальным складом ума. Не случайно Вислицкого с Эцком связывала близкая дружба. В своей «Песне», помещенной в «Прусской войне», Эцка рекомендует королю прочесть книжку Вислицкого.

Интересной и значительной личностью своего времени был Петр Томицкий (1464—1535), крупный государственный деятель и дипломат, ученый-гуманист и меценат. Он достиг степени доктора канонического и римского прав в Болонье (1498), был секретарем королевской канцелярии при Сигизмунде I, затем подканцлером коронным, епископом перемышльским и краковским. Его богатое собрание рукописных исторических документов, позже частично изданное и названное в его честь «Acta Tomiciana», и сегодня является одним из важнейших источников по изучению истории и культуры Польши, Литвы и Белоруссии. Блестящий эрудит, горячий приверженец идей Возрождения, П. Томицкий опекал студентов, талантливых поэтов и ученых, основал и финансировал кафедру права Краковского университета в 1533 г., переписывался с Эразмом Роттердамским.

Видимо, Ян Вислицкий был многим обязан Томицкому, если, обращаясь к нему, называл в оде своего патрона «Pollio meus dignissime» и просил его порекомендовать свою книжку королю. Жалуясь на горькую судьбу, поэт пишет:

Сбитый ударами Немезиды жестокой,
Неумолимой судьбою и несправедливою волею неба,
Милостивый, достойный епископ, я, одинокий,
Песни выплеснул из печального сердца.[8]

Как отнесся Томицкий к просьбе поэта, со всей определенностью ответить трудно. Возможно, благодаря его старанию и протекции Вислицкий начал работать секретарем велуньского старосты Станислава Крепицкого из Курозванок. Во всяком случае, просьбу Вислицкого, адресованную Томицкому, необходимо рассматривать как результат каких-то потрясений в личной жизни поэта. Какое это было горе: смерть родных, болезнь самого поэта, перемена политического климата — никто из исследователей не назвал. Жизнь писателя должна прочитываться как литературная биография. Однако Ян Вислицкий сам вынес на публичный суд абстрагированный образ своих недоброжелателей. Им он ответил «Эпиграммой на завистника». Поэт жаловался Павлу из Кросна на критиканов — зоилов (Зоил — придирчивый критик произведений Гомера, III в. до н. э.— *В. Д.*), которые не принимали его творчества. Упоминание поэтом зоилов не случайно. Оно не столько дань тогдашней литературной моде — «застраховаться» от будущих критиков, как, например, у М. Стрыйковского в «Хронике» (1582). Вислицкий неоднократно подчеркивает: «как мне известно от завистников», «ворчливых ртов» и отмечает: «Все-таки, хотя мое произведение будет зоилов тревожить, чьими подкопами я старательно растерзан, эту печаль я мог бы пережить, если бы не был подготовлен труд» [9] («Прусская война».— *В. Д.*). Как видим, поэта волновала не сама критика, а нечто большее: как напечатать поэму, донести до читателя произведение, чтобы «сохранить об этом (подвиге Грюнвальдской битвы) память в произведениях, благодаря которой пламенная молодежь позже могла бы быть более жестокой к врагам, потому что мужество молодежи усиливается похвальбой и лю-

---

8 Deiectus acris casibus Nemesis ferae
Trucibusque fatis ac iniquo siderum
Nutu, benigne Praesul et dignissime,
Fudi melos tristis molesto pectore.

9 Epistula: Venerabili ac egregio viro magistro Paulo de Crosna studii Cracoviensis collegiato poetae praeceptorique dignissimo Joannes Visliciensis salutem ac felicitatem. Visliciensis Joannis Bellum Prutenum. Ed. J. Smereka, Leopoli, 1933, s. 44.

бовью к родине». Далее он пишет: «Хотя этот подвиг войны не будет вычеркнут совсем, однако давнее время уже почти вычеркнуло его».

Таким образом, поэт ставил перед собой важную общественно-эстетическую и патриотическо-воспитательную задачу — запечатлеть и тем самым сохранить в памяти будущих поколений героический подвиг народов — победителей на поле Грюнвальда. В этом Вислицкий видел свой главный долг как поэт и гражданин-патриот: «Я все это написал не завистникам, а тем, кто любовь к родине в сердце носит... чтобы такой знаменитый подвиг не был обойден молчанием и еще из-за беззаботности поэтов» [10]. Ян Вислицкий понимал под «беззаботностью поэтов» их легкомысленное отношение к проблемам жизни и творчества.

Серьезный и бескорыстный подход Яна Вислицкого к художественному творчеству, желание взяться за большую проблему, важную историческую тему характеризуют его как поэта высоких гражданских идеалов и человеческого достоинства.

Несмотря на свое бедственное положение, он не стал на путь придворных стихотворцев-панегиристов, хотя «подобающим образом, как в каждом деле доказано, что то, что короли и знать хвалят, возносят, опекают,— как писал сам Вислицкий,— это даже и простонародье уважает и возвышает» [11]. Таким было творчество большинства польско-латинских поэтов XVI в., его современников — Дантышека, Сухтеня, Павла из Кросна, Агриколы, Деция, Кржицкого. Будь Вислицкий таким же бойким эпиграмматистом, наверное, и он сделал бы блестящую карьеру.

Словом, после написания «Прусской войны» (1515) и ряда стихотворений Вислицкий хотел напечатать их отдельным сборником, который отдал на отзыв тем, у кого надеялся получить поддержку. Первые не известные нам рецензенты отрицательно отозвались о сборнике, что и стало душевной трагедией для Вислицкого. Однако поэт мужественно принял этот удар и не примирился с такой

---

10 «Attamen ne tam celebre facinus caliginosa taciturnitate, tum desidia vatum...», s. 42.

11 «Decenter quidem, quam id omni in re probatum est: quae reges et proceres laudant, tollunt, tutantur, ea etiam a plebecula tolli, tum venerari».— Ibid., s. 43.

оценкой своего любимого детища. «Те, кто будет это делать (критиковать.— *В. Д.*),— писал он в письме к Павлу из Кросна,— скоро почувствуют ответ, жгучую оду, полную звучания Архилоха».

Ян Вислицкий собирался передать свое произведение на первый суд и для редакторской правки Павлу из Кросна. Но последнего в то время в Кракове не было. Только в марте 1515 г. он возвратился в Польшу. Ученик терпеливо ждал своего учителя и советчика. Павел из Кросна описывал эту встречу с Яном Вислицким в письме к Станиславу из Курозванок: «Когда в марте месяце, высокообразованный господин, я, возвращаясь в Краков из Паннонии (Венгрии.— *В. Д.*), видел смертоносцев-крестоносцев и, наконец, достиг родного очага, у меня собралось довольно много школяров. Они пришли, чтобы увидеть меня и приветствовать. Среди них был и Ян Вислицкий, секретарь твоего высочества, муж не меньшего мужества, чем образованности и учености. Он вспомнил о тебе, из ясного рассказа которого я узнал о том, что ты являешься опекуном поэтов и ученых» [12]. Видимо, тогда же Ян Вислицкий передал «Прусскую войну» для чтения своему учителю, который поддержал молодого поэта и написал для книжки хвалебную элегию.

Итак, из всех друзей Павел из Кросна был самым близким Вислицкому.

Ян Вислицкий дорожил мнением своего учителя, который зажег в его душе божественный огонь поэзии, заставил его поверить в свой талант. Сила притяжения двух поэтов заключалась в их идеологическом единстве. В данной же ситуации Вислицкому был нужен авторитет Павла из Кросна как «щит» для обороны от нападок критиков после выхода в свет его книги. Это существенное, но не самое главное. Такой «щит» для своей музы он пытался найти и в культурной среде Кракова — среди должностных лиц, а возможно, и университетских ученых. Он и доверил им плоды и секреты своего творчества, однако не нашел поддержки, «неоднократно раздумывая над тем, что ирония насмешников ничего не стоит, а их неукрощенный вопль не может подвергнуть нас испытанию, если будет защита вместо щита» [13].

---

[12] Документ, написанный на латыни, помещен у С. Витковского: «Jan z Wislicy, jego życie i piśma», s. 43.

[13] Epistula ad magistrum Paulum de Crosna, s. 44.

Такую защиту поэт мог найти только среди людей своего социального круга и своих единомышленников. Измученный крайне непрочным материальным положением, Ян Вислицкий ищет спасение в художественном творчестве. Не отсюда ли исходит желание поэта добиться того, чтобы король, иногда опекавший талантливых людей, обратил внимание на «Прусскую войну»? Произведение Вислицкого до короля Сигизмунда I, видимо, не дошло. Поэт вынужден искать поддержку у друзей, близких по национальному происхождению и социальному положению, которое считает не последней предпосылкой прогрессивного мышления человека.

Павел Русин из Кросна по социальному происхождению бедный мещанин. По словам Вислицкого, это признанный эрудит, «чьи уста украшены недюжинными знаниями всей энциклопедии, чьи произведения милостливо уважены королем, титулованными князьями»[14]. Вместе с тем знаменитый профессор вынужден перебиваться с хлеба на воду со школярами в бурсе: ему не хватает денег, чтобы нанять частную квартиру. Однажды ему, уже профессору, пришлось расплачиваться с некой Бруневской вместо денег книгами. Тогда он отдал ей в качестве квартплаты 16 книг Плавта, 24 — Сенеки[15]. Нищета была постоянным спутником его жизни. Он не смог заплатить необходимый денежный взнос за сдачу экзаменов на степень бакалавра в Грейфсвальдском университете (Померания).

Отсюда следует, что Вислицкий не случайно обратился к своему учителю с жалобой на невыносимо трудные условия жизни и муки творчества. Естественно, они могли понять друг друга и как литераторы. Много времени и сил отдал Павел из Кросна воспитанию своих учеников поэтов-латинистов Дантышека, Сухтеня, Вислицкого, Агриколы. Художественное творчество его воспитанников составило целую эпоху в истории польской литературы. О педагогической деятельности Павла из Кросна высоко отзывался в 1518 г. английский гуманист Леонард Кокс, вспоминавший, кстати, в «Похвале Краковской академии» («De laudibus celeberrime Cracoviensis Academiae») рядом с Дантышеком, Агриколом и Яна Вислицкого.

---

[14] Pauli Crosnensis Carmina. Ed. M. Cytowska. Varsoviae, 1962.

[15] Wislocki W. Acta rectoralia Almae Universitatis studii Cracoviensis, t. 1, fasc. 2. Cracoviae, 1893, s. 487.

Многогранная была литературоведческая и переводческая работа Павла из Кросна. В университете он читал курс по Клаудиану, Лукиану, Овидию, Персию, Сенеке, Вергилию. Он впервые напечатал две трагедии античного философа Сенеки (1513) и собрание сочинений знаменитого хорватско-венгерского поэта Яна Паннония (1512 г.). Можно не сомневаться, что опытный педагог и литератор Павел из Кросна всячески поощрял Вислицкого создать художественное полотно на важную историческую тему и чем мог помогал своему ученику. Он первым дал высокую оценку «Прусской войне» в своей хвалебной элегии:

И новые песни Вислицкого вес имеют.
Песни мои прими с радостным ликом,
Песни более простые в краю сарматском...[16]

Кроме того, он писал с преувеличением: «Я благославляю гения, который при помощи моей согрел твое пламенное сердце... Девственные руки кастальских богинь увенчали тебя лаврами... Все земные горести пусть останутся бессильными в своем действии на тебя, чтобы ты не уклонился от того пути, который ты предызбрал себе. Первые шаги всегда кажутся нам трудными, но жизнь обогатит тебя опытом и уничтожит все трудности. Так черное жалезо расплавляется и блеском своим затмевает серебро; так малая искра зажигает легковоспламеняющиеся материалы; так черная сажа коптит стены огромного дома. Пускай глаза твои не утомляются от света, не удаляйся с литературного поприща»[17].

Возникновению особых симпатий и доверия у Яна Вислицкого к своему учителю способствовало еще одно важное обстоятельство. Павел из Кросна во всех своих работах неизменно называл себя русином. Еще в списках будущих бакалавров Грейфсвальдского университета за 1499 г. он значится как «Paulus Crosnensis de Rucia». Ситуация сложилась так, что Вислицкий ради спасения созданного пишет магистру Павлу Русину из Кросна с максимальной непосредственностью, надеясь, что учи-

---

16 Et nova Vislicii carmina pondus habent.
Accipias igitur vulti mea carmina laeto,
Carmina Sarmaticis rusticiora locis.

17 Кондратович Людвиг (Сырокомля Владислав). История польской литературы..., т. 1. М., 1864, с. 272.

тель-русин должен понять ученика-русина. В стихотворном посвещении поэт специально подчеркивал: «Sic tu, Paule, Ruthenorum celebranda virorum gloria Sarmaticae famaque barbariae».

В этой связи важно отметить, что в главном произведении поэта, поэме «Прусская война», отношение и чувства ее автора к Руси выразительно положительные. Во второй части поэмы, рисуя поэтический образ родного края, Вислицкий пишет, что его «назвали предки грубым именем Литвою» («quem dixere rudi Lithuanam nomine terram indigenae veteres») [18]. А вот с каким теплым чувством воспет белорусский край:

Край просторный нам ведом дремучих лесов и урочищ,
Тянется он широко до пределов скифского царства.
Много лугов медоносных, полей изобильных и пастбищ
В этой богатой стране, военной гордящейся славой.[19]

(Перевод И. Голенищева-Кутузова)

Как видим, разговор, казалось бы, идет не об этнографической Литве, а о соседних с нею землях. Но для чего здесь это бросающееся в глаза противоречие—«грубое имя» и теплая гамма живописи края?!

Великая любовь к отчизне — «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных столетиями и тысячелетиями» (В. И. Ленин). Припомним патриотические мотивы в «Слове о полку Игореве» или «Песне о зубре» Гусовского. Современник Яна Вислицкого М. Меховский, известный польский ученый, географ, так писал в предисловии к своей «Хронике» о священном чувстве любви к родине: «Родимая земля сладко влечет к себе всякого и не дает забыть о себе. Поэтому ни один здравомыслящий человек не станет оскорблять или порочить свою родину» [20]. С ним перекликается Ф. Скорина: «...Люди, игде

---

[18] И. Н. Голенищев-Кутузов переводит неточно: «Назван тот край был Литвою, и это гордое имя...» (см.: Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, с. 235).

[19] Est locus umbrosis celeberrimus undique silvis
Imperio Scythicos late protensus ad agros
Frugiferis revirens pratis et abundus inhaustu,
Mellifico, dives populis ac milite forti.

[20] Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, с. 32.

зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають»[21].

Горячий патриотизм Вислицкого, желающего стать придворным поэтом и не потерять при этом своей национальной (народностной) гордости, вел его пером в строке: «Белорусы, знаменитые своим мужеством на войне» («Ac albos belli celebres virtute Ruthenos»).

Связь Вислицкого с родной землей проступает в его поэме очень ярко. Он называет белорусов белорусами в художественном произведении, написанном в 1515 г. и напечатанном в 1516 г., в то время как в историко-документальной литературе, хрониках и космографиях начала XVI в. белорусы обычно выступают под именем «русины» или «литвины». Упоминание белорусов, Белоруссии в поэме Вислицкого является сравнительно ранним во всей европейской литературе.

М. Меховский в историко-этнографическом «Трактате о двух Сарматиях» не идет дальше понятий «Русия» и «Литва». Западноевропейские путешественники и хронисты пытались очертить границы Белой Руси, однако, не зная ее точного географического расположения, не могли справиться с этой задачей. Согласно немецкому хронисту Мюнстеру, страна Альба Русия располагалась вблизи Танаиса (Дон) и Меатийских болот (Азовское море) и была подвластна московскому князю. Для итальянца Иовия Новокамского Белая Русь — это Московия. Австрийский дипломат С. Герберштейн, высокообразованный историк и эрудит, изучавший историю Руси по русским летописям, дважды побывавший в Белоруссии и Литве, признавался, что, поскольку он «не мог с точностью разыскать имена всех областей на таком огромном пространстве, поэтому пусть читатель удовольствуется именами замечательных городов, рек, гор и некоторых местностей»[22].

У Вислицкого представление о Руси более дифференцированное, достаточно определенное и конкретное. Он отмечает, что часть Сарматии занимают «тройные русины», владеющие очень просторными и заботливо обработанными полями» («...habent triplices vastissima culta Rutheni»). Писать с уверенностью о существовании трех

[21] Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969, с. 59.
[22] Герберштейн Сигизмунд. Записки о московитских делах. СПб, 1908, с. 97.

частей Руси — Белой, Черной и Червонной—мог человек, достаточно хорошо знавший эту страну.

Тема Родины несет в поэме «Прусская война» важную идейную нагрузку, особенно в ее другой и третьей «книгах». Поэт дает правдивые и живописные картины родного края и называет ряд немаловажных подробностей, свидетельствующих о живых наблюдениях: заболоченность, лесистость, трудоемкость плужной обработки белорусских и литовских земель и др. Автора увлекает не только природа, но и история края: он приводит народную кличку Витовта, великого литовского князя, «Гром войны» и т. п. Существенны также следующие строки из «Прусской войны»:

Дерзкий татарин принял гибель на полях литовских —
И свидетель тому Клецка твердыня...[23]

Сказанное относится к битве белорусов под руководством Михаила Глинского с татарами в 1506 г. Более того, в письме к Павлу Русину из Кросна Ян Вислицкий прямо говорит о месте своего рождения: «Я родился почти в середине варварства» («Ego ipse paene in medio barbariae natus»). Почему именно это надумал сказать он учителю, понять нетрудно. Его действительное месторождение перекликалось с «русским происхождением» Павла из Кросна.

Понятия «Сарматия», «варвар-сармат» в толковании поэта не находятся в противоречии. В западноевропейской литературе XV—XVI вв. проблема сарматизма занимает особое место. Большинство гуманистов называли славян, в том числе и восточных, сарматами ошибочно, вслед за римлянами и греками, которые понимали под европейской Сарматией земли, что лежат от Вислы до Дона. Гуманисты же переняли античные представления без реального учета времени.

Понятие «варварство» употреблялось современниками поэта по отношению к землям, населенным язычниками или некатоликами, и «странам Севера», отставшим в культурно-историческом развитии от Италии, страны высокой и древней культуры. Так, знаменитый польский

---

[23] Audax Lithuanis quem sensit Tartarus agris —
Res vulgata satis-testis quoque Clecia moles.

историк XV в. Ян Длугош, описывая хоругви Крулевца, отмечает: «Город воевал против варваров в Пруссии». Немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен, узнав после выхода в свет «Трактата о двух Сарматиях» Меховского о том, что Рифейских гор не существует, с радостью обращается к нюрнбергскому гуманисту Пиркгеймеру: «О, что за время! О, знания! Сладко жить! Но сидеть сложив руки!— это еще не радость! Науки расцветают, подавись, варварство, и приготовься к изгнанию!». Немецкий новолатинист К. Цельтис в стихотворении «К Аполлону, творцу искусства поэзии, чтобы он пришел с лирой от итальянцев к германцам» отмечал: «Варвар, чьи отцы, космачи, мужланы, прожили свой век, о латинском лоске не слышали, наделен пусть будет певучим даром».

Литва, единственная языческая страна в Европе, приняла крещение еще в XIV в., хотя борьба христианства и язычества в стране продолжалась.

Таким образом, «середина варварства» у Яна Вислицкого — это, вероятнее всего, православная Белая Русь, занимавшая в географическом отношении срединное положение в «европейской Сарматии» и называвшаяся иногда также Литвою по традиции или государственной принадлежности к Великому княжеству Литовскому. Но сказать это — значит сказать очень мало и односторонне. Название «Сарматия» поэт употребляет как понятие одной прародины «славянского царства». Вислицкий ратует за сближение европейских культур. Поэтому он сознательно не столько противопоставляет с точки зрения европейской литературной традиции сарматизм— варварство образованному миру, сколько утверждает: смотрите, мол, и нам, варварам-сарматам (из Белоруссии), латинская ученая поэзия и культура не чужая область!

Отсюда понятно, что слова «грубое имя» по отношению к Литве в приведенном выше отрывке из «Прусской войны» имеют полемическо-иронический оттенок. Это результат творческого, хотя не всегда исторически осознанного переосмысления той же «сарматской теории» под углом зрения своих патриотических чувств и общественно-эстетической программы — показать, открыть Западу свою родину. Теперь мы можем сказать, что разговор идет не только об этнографической Литве, но и

землях центральной и западной Белоруссии и южно-восточной части Литвы, составлявших историческое ядро Великого княжества Литовского.

Ян Вислицкий называл себя русином, славянином. Стало быть, он был выходцем из Литовской Руси, т. е. Белоруссии. Человек украинского или польского происхождения вряд ли бы так восторженно воспевал Литву. Ян Вислицкий подчеркивает: «Эту книгу («Прусская война».— *В. Д.*) я посвятил как хвалебную песнь Сигизмунду, непобедимому королю европейской Сарматии, наконец, родине Польше, которой я воспитанник, как открыто буду заявлять»[24]. Такое заявление поэта станет более понятным, если признать, что он — пришелец и поляком по происхождению не был, а являлся только воспитанником Польши, для которого она стала второй родиной. Ведь он учился и работал в Краковском университете (1504—1512), был по-отцовски «приючен» польскими меценатами Петром Томицким, Станиславом из Курозванок.

Фамилия Яна Вислицкого по аналогии могла совпасть с названием польского местечка Вислица. В Белоруссии на берегах речки Вислицы[25], впадающей в озеро Погост (район между Клецком и Пинском), наверно, было когда-то поселение Вислица, откуда, возможно, и происходил поэт.

Посвящение книги Сигизмунду I объясняется литературной традицией — «так было испытано в деле», которой следовал и Ф. Скорина, упоминавший в общем послесловии к «Апостолу» «наласкавшего господаря Жыкгымонта Казімировича»[26].

Таким образом, ряд прямых и косвенных данных дает основание предполагать, что родиной Яна Вислицкого скорее всего была Белоруссия.

После 1516 г. никаких сведений о Вислицком не сохранилось. В «Элегии», написанной в 1515 г., он обращался с мольбой к деве Марии, чтобы она уничтожила

---

[24] Quem Sigismundo, regi Sarmatiae Europae invictissimo, tandem patriae Poloniae, cuius alumnum me fore profiteor.

[25] Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, составленная старостою мстибоговским городничим городенским Г. Б. Воловичем в 1559 г. Вильно, 1867, с. 14.

[26] Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі, с. 152.

мор, охвативший в то время Польшу и Литву и принесший в «сарматский» край многочисленные жертвы:

Осенью животворящей и холодной зимою
Жертв довольно уже перенесли в твоем народе...[27]

Мор, упоминаемый поэтом, действительно долго свирепствовал в Польше и Литве (с небольшими перерывами с 1508 по 1516 г.). Видимо, моровая язва унесла с собой в могилу и молодого, талантливого поэта и похоронила все его замыслы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК ГРЮНВАЛЬДУ

Европейскую славу Яну Вислицкому принесла эпическая поэма «Прусская война» и особенно та часть, где описана знаменитая Грюнвальдская битва (15 июля 1410 г.), в которой Тевтонский орден крестоносцев был разгромлен объединенными силами Польского королевства и Великого княжества Литовского — сплоченным союзом поляков, русских, белорусов, украинцев, литовцев, чехов, татар. Как попытка создания историко-героической эпопеи поэма «Прусская война» стала значительным явлением в литературе Центральной Европы. Не случайно она вызвала полемику в литературных кругах Польши того времени еще до появления в печати. В этой полемике защитниками и первыми критиками поэтического творчества Яна Вислицкого выступили Павел Русин из Кросна и швейцарский гуманист Эцка Филирипоппитани, которые увидели в его поэзии новаторские черты местной новолатинской литературы.

Историческая поэма «Прусская война» — наиболее совершенный литературный опыт молодого писателя. Это многоплановое, богатое проблематикой художественное полотно. Популярности поэмы способствовал выбор актуальной исторической темы, важной для всего славянского мира,— разгром могущественного Ордена крестоносцев. По словам самого автора, он ставил целью сохранить в памяти поколений героическую славу народов-победителей в Грюнвальдской битве, после ко-

---

[27] Pomifer autumnus per tantum brumaque tempus
Jam satis in populo damna tulere tuo.

торой тевтонские «псы-рыцари» уже не смогли восстановить свои силы и продолжать агрессию против Польши, Литвы, Белоруссии и Московского государства. «Слава битвы была окутана темнотой, ибо не была опета пером поэта»,— писал Ян Вислицкий. Он думал об исторической и эстетической памяти народа. Ему хотелось, чтобы на примере Грюнвальда воспитывалась молодежь, потому что «мужество молодежи усиливается любовью к родине». Ян Вислицкий выдвинул в своем произведении проблемы взаимоотношений европейских народов и преемственности лучших исторических и культурных традиций, понял их великое воспитательное значение.

Ян Вислицкий одним из первых европейских поэтов-гуманистов правильно осознал эпохальное значение победы над могущественным немецким Орденом для дальнейшей судьбы славянских и прибалтийских народов. Грюнвальд стал символом борьбы народов, родственных по жизненному укладу и культуре, против общего врага. И не узконациональные интересы белорусского или польского патриотизма вели пером поэта, когда он углубляется в события столетней давности, а общегосударственные интересы Великого княжества Литовского и Польши, всего славянского мира, над которым черной тучей нависла угроза со стороны Турции и Крымского ханства. Именно в период турецко-татарской опасности он восславляет эту победу над крестоносцами, добытую благодаря боевому союзу соседних стран, мужеству и героизму лучших сынов Польши, Литвы, Белоруссии. Тем самым Ян Вислицкий проводит и защищает идею единства и братства европейских народов, выступая настоящим поэтом-патриотом. В «Прусской войне» чувствуется идейная перекличка со «Словом о полку Игореве», обусловленная осуществлением обоими поэтами почти тождественных для своего времени задач. Поэтический рассказ о Грюнвальде должен был прозвучать как предостережение захватчикам и стать наукой мужества для славянских народов.

Героизация истории, раскрытие злободневной темы борьбы с чужеземной агрессией, поиски путей усиления могущества родной страны, защита политической независимости и национального равенства народов, дискредитация перед европейской общественностью враждебной политики Тевтонского ордена — вот еще несколько

стержневых идейно-тематических линий «Прусской войны».

Описание баталии соответственно первоначальному замыслу должно было составить большую часть поэмы. Однако было написано лишь около 400 строк, входящих во вторую главу (511 строк гекзаметра). И несмотря на это, именно описание битвы стало эпицентром всего произведения, в котором сконденсировались философия истории и общественно-политические взгляды автора, что определило идейную направленность всего произведения, художественное осмысление современности через поэтизацию прошлого. Прошлое не видится гуманисту в романтическом ореоле. Идеализация истории у Вислицкого — это ретроспективная идеализация урока Грюнвальда. Грюнвальдские события фокусируют сюжет, усиливают идеи поэмы, что убедительно подтверждает и ее композиционный строй.

Первая часть (259 строк гекзаметра), представляющая собой вступление ко всему произведению,—это своеобразный панегирик Сигизмунду I. Обращаясь к королю, поэт поет славу «великой войне деда Ягайло» и говорит, что «блеск тогдашней победы достиг земель Индии, Египта, еще разносится солнечными лучами по увенчанной Польше, Белой, Черной, Красной Руси», по разным странам от Урала до Карпат.

Ян Вислицкий умоляет деву Марию благословить его лиру на создание величественного гимна славной победе над крестоносцами, ибо Прусская война еще достойно не воспета поэтами. Далее поэт переходит к материалу, который, казалось бы, не имеет непосредственного отношения к основной теме: воспевает легендарных основателей Польского государства — Леха, Кракуса, Ванду. Он рассказывает, например, о короле Кракусе, который «зарубил» город Краков, имеющий знаменитую академию, где ученые мужи и студенты изучают Платона и движение небесных тел. Дело жизни Леха и Кракуса продолжила королева Ванда. Немецкий принц просил ее руки и сердца. Благородная Ванда отказала «германцу» в любви и пошла на него войной. Жизнь она окончила подобно греческой поэтессе Сафо: бросилась в волны Вислы.

После зачина идет обращение стихотворца к античной музе Калиоппе и хранительнице домашнего очага Весте с просьбой посодействовать ему в дальнейшей ра-

боте — прославлении деятельности последователей Ванды. Однако бог искусства Аполлон советует молодому поэту «покинуть славить королей сарматских», и автор заверяет читателей, что сразу начнет песнь о военных подвигах Ягеллонов, предков короля Сигизмунда I, чтобы не исчезнуть бесследно с земли подобно Икару, который не внял советам отца-хлебопашца.

Таким образом, опорные моменты первой части поэмы — это воспевание родословной основателей Польши, обращение поэта к богам, христианским и языческим, с просьбой посодействовать ему успешно совершить задуманное. Характерны некоторые из рассуждений Вислицкого в этой части произведения. Так, в экспозиции к «Прусской войне» видно стремление человека эпохи великих географических открытий обогатить представление соотечественников сведениями о существовании многочисленных миров, народов, стран. Описание Польши ценно тем, что ее история излагается не на основе модной в то время искусственной теории о происхождении европейских народов от римлян или греков, как это делали Остророг, Цельтис, Ореховский и др., а на материале местных легенд, отчасти заимствованных у польских хронистов Галла и Кадлубека.

Самостоятельная по замыслу и композиционному строю первая часть слабо связана с содержанием всей поэмы. Обособленность от первоначального авторского замысла образов Леха, Кракуса, Ванды, прославление которых занимает центральное место в первой части поэмы, впервые отметил польский историк С. Витковский (Witkowski S. Jan z Wislicy, jego życie i piśma, s. 282.). Он утверждал, что эти образы были созданы поэтом в последнюю очередь и вставлены в сюжетную канву «Прусской войны» по каким-то неизвестным идейным побуждениям. Это позволяет, учитывая некоторое несовершенство композиции, относительную самостоятельность и неодинаковую художественную завершенность каждой из трех частей, завершенность второй и третьей и незавершенность первой части, поставить вопрос об этапном создании «Прусской войны». Очевидно, поэма была написана в три этапа: сначала вторая часть, посвященная Грюнвальду, что соответствует первоначальному замыслу поэта, затем третья — идейное продолжение второй и только потом первая.

Интерес и симпатии Яна Вислицкого к Польше, как было сказано выше, вполне оправданы и понятны. Автор «Прусской войны» стремился рассматривать и оценивать явления в перспективе исторического развития. Польша вместе с другими славянскими странами и Литвою пожертвовала лучших своих сыновей на алтарь победы под Грюнвальдом. Поэтому Вислицкий заслуженно восславляет героизм польского народа. Польша, где жил и создавал свое произведение Вислицкий, находилась в государственном союзе (унии) с Великим княжеством Литовским — родиной поэта и имела с ним самые тесные общественно-политические и культурные связи. В силу этих причин образы легендарных польских королей не представлялись непонятными тогдашним белорусским читателям, испытывавшим определенный интерес к польской истории.

Ядро поэмы «Прусская война» составляет вторая часть, где дано описание Грюнвальдской битвы, взятое поэтом в качестве общезначимого драматического и кульминационного эпизода, который в идейно-художественном смысле подчиняет себе и выверяет содержание остальных частей поэмы. Изображением хода битвы автор стремился выявить свое активно-деятельное отношение к жизни. Образы и картины второй части поэмы наиболее интересны и совершенны по художественному воплощению. В начале поэмы автор пересказывает ее содержание так: «Книга вторая о литвинах, в лесном крае живущих. В ней воздается слава роду непокоренного Ягайло и рассказывается о братьях Марии из Сирии Птоломейской и войнах жестоких» [28].

Предыдущий художественный опыт мировой литературы на тему Прусской войны и непосредственно Грюнвальдской битвы был незначительным. К началу XVI в. относятся литературные посвящения битве магистров и школяров Краковского университета, созданные по горячим следам событий; стихотворные надписи на стене Краковского замка; религиозно-дидактические гимны

---

[28] «Argumenta librorum» — argumentum secundi:
Alter habet Lituos silvoso limite saeptos;
Hic genus infreni Jagellonis edocet altum,
Ac Mariae fratrum Syriae Ptolemaidis urbe
Adventum memorans dicit crudelia bella.

AD SERENISSIMVM PRINCIPEM AC DO
minū dominū Sigiſmundū dei gratia regem
Poloniȩ Magnū ducem Lithuaniȩ Ruſ
ſiȩ Pruſſiæq; dn̄m & heredē &c̄.
Belli Pruteni libelli tres p
Ioannem Viſliciēſem
editi. Anno vir
ginei partus. M. D. XV.

Fœlix Aſtrigeri veniēs de cardine mūdi
Fama trucis nimiū Rex inuictiſſime belli
Sanguineo reboat multū madeſacta triumpho
Fortis Aui tollendo tui ad faſtigia cœli
Geſta quibus reintens extremas candet ad oras
Oceani vnde iubar rutilum ſol aureus ortu
Elicit atq; ſuis primū reſplendicat Indis.
Aut Phaetontis vbi marceſcunt vſta Caballis
Iugera Harenoſi plangentia funera Nili
Aut vbi Ripheis cerealia culta Pruinis
Leſa iacent incuruis nec ſunt falcibus Apta
Vel pedibus geſtans vbi dura repagula laſſis
Grammina detondit ſpacioſi litteris Ethon
Heſperij Rapidis latitat dum Phoebus inundis
Illic Stentoreo recinunt̄ facta boatu
Et decus immortalis aui famatur ad Aſtra
Quo ſuperat fortes heroas (numina Priſci
Orbis) & Athletas ſęuiſſima fulmina Martis
Scipiadas. decios. Ethioclis & arma proterui
Quos quondam Romana tulit Tebanaq; tellꝰ

Первая страница поэмы «Прусская война» Я. Вислицкого, изд. 1516 г.

Николая из Блони и монаха из Андреева Яна (XV в.)[29]; анонимная «Песнь о Прусской войне» (около 1510 г.)[30] и некоторые другие произведения. Автор «Прусской войны» дает этому художественному опыту невысокую оценку: настоящее величие Грюнвальда как следует не воспето.

Не будет преувеличением сказать, что Ян Вислицкий шел целиною в освоении этой темы в жанре стихотворной эпопеи, опираясь не столько на опыт непосредственных своих предшественников-поэтов, сколько на прозаичные жанры польской и немецкой литератур, в первую очередь хроники, а также на устные легенды славян о Грюнвальде. Сам поэт признается, что его творческий метод основывался на компоновке и соединении деталей, почерпнутых из разных источников. Так, в письме к Павлу Русину из Кросна он писал, что «собрал в одно место мысли из книг, хроник, из народной памяти о великом подвиге»[31]. При этом отметим, что Ян Вислицкий нигде не сбивается на поверхностную компиляцию, хотя компиляции были в духе того времени, а подходит к источникам творчески, оставляя за собою право на собственный отбор и осмысление исторических фактов и событий, на поэтическое их «домысливание» и отражение в соответствии с целостным эпическим замыслом. Правда, у Яна Вислицкого, сына своего времени, чувствуются свойственные тогдашней историографии[32] и литературе поучительный тон, дидактичность, стремление сблизить историю и искусство, живопись и литературу, но непосредственная сила образа и голос человеческого потрясения берут верх над морализаторской тенденцией. На причинах этого по-своему знаменательного явления остановимся подробнее.

На художественном осмыслении явлений национальной истории, формировании поэтического мировосприятия Вислицкого определенным образом сказались его

---

[29] Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut, t. 1, s. 333.

[30] Łempicki S. Nieznane wydawnictwo Grunwaldzkie i «Staroswiecka pieśń o bitwie Pruskiej». Lwów, 1937.

[31] ...Partim ex inventis codicum, partim ex scriptis chronicorum, partim ex famae celebris memoria... in unum congessi.

[32] Перелом в историографии произошел в Италии еще в XV в., но история как наука в Польше и Белоруссии начала XVI в. еще не вычленилась и существовала как раздел общей гуманитарной науки.

отношения с меценатом Петром Томицким, секретарем королевской канцелярии, собирателем исторических документов о Польше и Литве, связь с видным поэтом Павлом Русином из Кросна, комментатором и издателем памятников античного искусства. У этих высокообразованных людей он мог научиться методике работы над письменными источниками. Автор «Прусской войны» указывает, что он имел под рукой выписки из некоторых важнейших источников о Грюнвальдской битве, хотя не называет их. Ими, по-видимому, являлись описание битвы в «Истории Польши» Яна Длугоша, письма Ягайло к жене Анне и епископу познанскому Альберту, посланные королем непосредственно с поля битвы, и др. Польская летописная традиция показа Прусской войны не могла, таким образом, не повлиять на Вислицкого. Но характер изложения материала, отражения исторических событий был у поэта принципиально иным. «Прусская война» задумывалась и создавалась как произведение эпическое. Следовательно, предпочтение отдавалось стороне идейно-художественной, воспитательной, а не документально-историческому возобновлению подробных реалий Грюнвальдской битвы. Поэт очень широко пользовался приемом устной передачи исторических фактов. Отсюда народная традиция показа Грюнвальдского боя приобрела в поэме значительный вес. Вислицкий не насыщал поэму приключенческими эпизодами, как это делали для большей занимательности своих произведений некоторые европейские хронисты и поэты. Необычайно развит приключенческий элемент, например, в классической эпической поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575), славившего подвиги крестоносцев, а также в описании прусских войн польским хронистом Длугошем. Критерий общей оценки результатов событий у поэта нередко более высокий, чем у хронистов, тенденциозных, как правило, в своих сопереживаниях и утверждениях. Длугош [33], а позже и белорусский летописец в «Хронике Быховца» [34] приписали заслугу в победе над крестоносцами одному Витовту. Ян Вислицкий более объективен,

---

[33] Длугош Ян. Грюнвальдская битва. Издание подготовили Г. А. Стратановский, Б. В. Казанский, Л. В. Разумовская. М.—Л., 1962, с. 104.

[34] Полное собрание русских летописей, т. 32. М., 1974, с. 150.

отмечая заслуги как Ягайло, так и Витовта в руководстве ходом Грюнвальдского боя.

Обращение к изображению исторического прошлого в художественных образах было конкретным ответом Вислицкого на призыв передовых риториков и поэтов конца XV — начала XVI в. расширять жанровый и тематический диапазон художественной литературы («Поэтика» Л. Корвина, 1496). Например, Григорий из Санока, архиепископ Львова, увлекшись чтением античных классиков, выступал в XV в. против господства летописного показа явлений.

Особое значение для Вислицкого, взявшего на себя задачу создания национальной эпопеи, имел художественный опыт античной эпической поэзии. Античная мифология и литература были для него родником и школой поэтического мастерства. Поэт шел в ногу со временем, ибо античная традиции была превалирующей в ренессансной культуре Европы. Наследование Вергилию, Гомеру, Овидию, Горацию, Катуллу, Персию, Сенеке, Лукиану и другим (доказано В. Сырокомлей, Б. Кручкевичем, М. Езеницким, Я. Смерекой) было далеко не поверхностным подражанием, как это обычно случается с молодыми поэтами, которые подпадают под влияние силы таланта классика и вовлекаются в мир его образов. Наследование классикам носило у новолатинистов характер так называемой имитации в плане образной структуры (Вислицкий не говорит «война», а заменяет эвфемизмом «Марс», не «рожь», а «дары Цереры», не «вспыхнула война», а «Марс жестокий восстал» и т. п.), техники стихосложения, фразеологии латинского языка. Эту поэтическую традицию наследования античности заложили в Польше Каллимах, Цельтис, Павел Русин из Кросна.

Под влиянием античной поэзии в творчестве новолатинских поэтов эпохи Ренессанса, в том числе и Вислицкого, монументальность средневековой эстетической системы постепенно уступает место реалистическому стилю, хотя и не всем писателям удалось преодолеть принципы эстетики христианского искусства. Переплетение античной мифологии и стилистики с христианской философской доктриной — явление типичное для всей европейской литературы Ренессанса, начиная с Данте и Петрарки. Тенденцию соединения античной философии с христианской этикой закрепил Эразм Роттердамский в

книге «Enchiridion militis Christiani» (1503), принципами которой, видимо, руководствовался Вислицкий. Непринятие канонизированного тогдашнего мышления в известном смысле двигало, обогащало поэзию.

Каждому писателю определенной эпохи свойствен в большей или меньшей степени характерный для нее литературный стиль. Неповторимое время, в которое жил и работал Ян Вислицкий, было для Польши, Белоруссии и Литвы периодом, ознаменовавшим переход от средневековья к постепенному утверждению идей Возрождения. Поэтому в творчестве ранних гуманистов, трудившихся на рубеже двух эпох, сосуществовали приемы старого стиля и идеи нового времени и наоборот. У Вислицкого, с одной стороны — подражание классическим образцам античной поэзии, а с другой — использование фольклорных образов; с одной стороны — обращение к символам христианской религии, указание, что создать песню о великой победе удостоил самый великий творец «бог», а с другой — борьба за признание таланта.

Средневековой поэзии недостает четкой авторской позиции. Человек как историческая личность, как индивидуум был «открыт» Возрождением. Вислицкий понимал историческую дистанцию между прошлым и настоящим. Он писал, что с победителями крестоносцев, считавших себя непобедимыми рыцарями, не могут стать вровень «ни Ахиллы, ни Гераклы, ни Периклы». Освоение и разработка местной тематики потребовали от создателя «Прусской войны» прежде всего своего, самостоятельного подхода к ее реализации, и это было залогом будущего успеха поэмы.

Главная проблема произведения Яна Вислицкого — война и люди, война и мир. Человеку Возрождения еще не могли быть свойственны исторически конкретные взгляды на общественные процессы, потому Вислицкий решал эту проблему в слишком общем, морально-этическом плане. Прежде чем перейти непосредственно к описанию сражения, поэт делает краткий экскурс в историю создания Тевтонского ордена (основан пилигримами в Палестине около 1189 г.), поднимает голос против несправедливых войн, против всякой агрессии. С болью и предостережением говорит поэт о трагедии литовского племени пруссов, беспощадно истребленных крестоносцами в XIII в.: «Горемычных гетов (пруссами древний

предок называл их) сгоняют в жестоких войнах Марсом счастливым. В борозды засевают не зерно, а трупы. Звон нашествия колышется над опустошенными полями...»[35] Вспомним «Слово о полку Игореве»: «Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны были костьми сынов русских».

Гневное осуждение поэтом захватнических войн, дискредитация в глазах европейской общественности Тевтонского ордена — воинственной христианской организации, которая огнем и мечом предавала смерти все живое на пути, освященном церковью,— показательны для начала XVI в. Крестоносцы, по мнению поэта, утратили лучшие традиции европейского рыцарства. Кровавые войны стали для них «священной обязанностью», «вводя обычаи христианские, они под небо возносят сильные крепости и стены городов. И чтобы отстранить от молодых душ всякие грешные влияния, возвещают свою власть над этими душами...»[36] Поэт подчеркивает, что ведение миссионерских войн рождает алчность, коварство и лентяйство. «Страх невыносимый мира, алчность и жажда слепой власти вложили оружие в руки вождя»[37] (магистра). Вспыхнула Прусская война.

Вислицкий описывает подготовку к решающему военному столкновению во враждебных лагерях, место и панораму боев и тем самым приближает предмет изображения к читателю, что придает произведению эмоционально-чувственную конкретность и монументальную широту. Эмоционально возвышен «страшный слух о новой войне, что поселился в сердце люда простого».

В гекзаметрах поэмы хорошо прослушивается дыхание «железной грозы», кровавой сечи: «На помощь Ордену стеклись рыцари из всей Германии», которые «ринулись на легкую добычу», «войска могущественной Тюрингии, швабов, швейцаров, избранников далекой

---

[35] ...Geticis crudelia terris
Bella gerunt, populos trucidant, praedantur et agros,
Finibus et propriis spoliant Mavorte secundo.

[36] Postea Christigenum ritum per climata terrae
Instituunt, validas arces et moenia condunt
Urbium et effrenae statuunt arctissima pubi
Jura, ut nulla forent scelerum contagia foeda.

[37] Impatiens pacis furor, insatiabilis atque
Imperii luxus, damnosa superbia necnon
Arma duci tulit...

Фризии», были здесь и «бритов отряды...» Говоря о совращенных или обманутых Орденом «юношах, которые золотое зерно сеяли где-то за Эльбой», поэт-гуманист дает нам почувствовать всю бессмысленность войны, ее враждебность жизни, труду, самому предназначению человека, призванного сеять не смерть, а «золотое зерно».

Отношение к войне как к кровавой, бессмысленной бойне, как к преступлению Ян Вислицкий «перепоручает» высказать своему герою, польскому королю Ягайло: «Он был взволнован тяжелым горем и, не желая проливать человеческую кровь, посылает послов, чтобы сдержать обезумевших от войны (рыцарей) и достигнуть согласия и жить с народами вечно в мире»[38]. Крестоносцы, рассказывает далее поэт, не подали Ягайло руку согласия, а высокомерно послали знаки войны — «два окровавленных меча» («binos sanquines enses»).

Автор «Прусской войны» ошибался в историческом плане, когда писал, будто Ягайло посылал послов во вражеский стан после того, как его собственные войска были уже собраны для битвы. В действительности было по-другому. Представители Ягайло прибыли 1 августа 1409 г. в Мариенбург (Мальборг) на консультацию. Послы просили орденского магистра не нападать на Жемайтию, пока не будут разрешены общие споры. Но магистр ответил, что «его право — карать язычников-жмудинов и что до этого нет никакого дела ни Ягайло, ни литовскому князю Витовту»[39]. Только после этого началась усиленная подготовка к войне. Не совсем точен автор поэмы и в истории с окровавленными мечами. Окровавленные мечи Орден послал не только Ягайло, как пишет поэт, повторяя Длугоша, но и Витовту.

Приведенные примеры довольно свободного обращения поэта с историческими фактами позволяют приоткрыть секреты его творческой лаборатории, яснее понять авторскую позицию в работе над воплощением образов исторических личностей.

---

[38] Atque dolore gravi commotus sanquinis ipse
Humani mittit legatos, bella furentes
Ut cohibere velint bellique capessere foedus
Cum populis et amico aeternum vivere voto.

[39] Барбашев А. Танненбергская битва.— «Журнал Министерства народного просвещения», CCLIV, 1887, с. 166.

Если в обрисовке образа сильно идеализированного Ягайло выявился своеобразный пацифизм, его активное неприятие войны, то в образе Витовта воплотилась не менее важная черта гуманизма Яна Вислицкого — его деятельный патриотический пафос, верность традициям народного свободолюбия и воинской доблести. Вот характерная в этом смысле и показательная в психологическом плане сцена из поэмы. Ян Вислицкий справедливо показывает, как Витовт со своим войском успешно начал бой первым, а Ягайло в это время молился. Но на какой-то момент военная фортуна покидает воинов князя. Узнав, что в ходе баталии враг вынудил часть литовских отрядов отступить (как уточняет Длугош, устояли три смоленские хоругви, которые спасли катастрофическое положение польско-литовского войска), Витовт летит «быстрее, чем восточный ветер», в стан короля и застает его за молитвой. «Разве ты не знаешь, брат, что наши воины отступают, разве не слышишь грохота стремглавых коней? — вскричал Витовт.— Нет теперь времени для молитв, прикажи, чтобы поднялись твои поляки». Ягайло обращается за советом ко всевышнему — и на небе появляется облик святого Станислава. Тот с неба ему приказывает: «Не медлить, не плакать, а двигать войска в бой». Вместе с отрядами Витовта поляки нанесли врагу смертельный удар.

Таким образом, автор «Прусской войны» не обходится без показа влияния божественных существ, античных и христианских, на ход событий.

В противовес религиозно-экзальтированному Ягайло Витовт рисуется поэтом в героическом ореоле. Этот князь, которого народ прозвал «Громом войны», «собирает храбрые народы на побоище». Вислицкий объясняет, что кличку «Гром войны» князю дал народ за великие заслуги, ибо он «отводил военные набеги от всей литовской земли». В ополчение Витовта, пишет поэт, кроме литовцев, жмудинов, влились русские, татары, белорусы. (Длугош уточняет: Берестейская, Волковыская, Витебская, Городенская, Дрогичинская, Лидская, Полоцкая, Пинская, Новогородская, Мстиславская, Мельницкая, Киевская и другие хоругви, а также чешско-моравские отряды [40].) Тем самым Вислицкий подчеркивает, что в

---

[40] Длугош Ян. Грюнвальдская битва, с. 91.

священной освободительной борьбе против немецкого Ордена участвовали объединенные силы балто-славянского мира.

Богатырские образы Витовта и Ягайло, выписанные в динамике быстротечных действий и с высоты жизненного идеала поэта, больше соответствуют не художественным принципам «Энеиды» Вергилия, а принципам ренессансной эстетики, исторической правде. Витовт показан волевым, энергичным, умным; Ягайло набожен, склонен к отчаянию, мирный, но беспощадный в конфликтной ситуации. Такими охарактеризованы они и в белорусских и польских летописях XV — XVI вв.

Гуманист Вислицкий был сторонником макиавеллиевского культа идеального властителя. Он не мог не видеть ослабления в шляхетской Польше и «магнатской» Литве королевской власти, которая в борьбе с феодальной раздробленностью за политическую централизацию в свое время играла прогрессивную роль. «Все революционные элементы,— отмечал Ф. Энгельс,— которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним» [41]. Жизнестойкость объединительной политики королевской и великокняжеской власти наилучшим образом была продемонстрирована на поле Грюнвальда. В «Прусской войне» просматривается идея возвышения передовой роли властителя в период военных угроз, урока славянского единства, и эти идеи в поэме подсвечивались самой жизнью.

Наивысшее достижение автора «Прусской войны» — создание в поэме собирательного образа крупнейшей битвы эпохи средневековья.

Страницы, непосредственно рисующие Грюнвальдскую битву, лучшие в поэме. Величественные, экспрессивные, они местами напоминают картины, воссозданные Гомером. «Было знойное время, когда июль торопил, чтобы быстрее росли дары Цереры на полях плодородных, а жнецы уже готовы были приняться за труд благородный. Суровый Марс, что стоял напротив, над прусскими просторами, смешивал армии и щит золоченый показывал тевтонам, полякам, литвинам и пруссам, смерть кровавую звал... И она багряной змеей бегла по полю бит-

[41] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 411.

вы, глотала тех, кто спешил в глубокую ночь в озеро Стикс...»[42] Приведенное развернутое сравнение-сопоставление достояния мирного крестьянского труда с кровавым урожаем войны, который проглатывает змея, характерно для поэтики белорусского народного эпоса. Художественная сила поэмы «Прусская война» в показе войны как явления античеловеческого, чуждого народному мировосприятию, и говорится об этом не в стиле придворной поэзии, а совсем по-народному. «Слышны вздохи и тяжелые окрики ратников, лошадиное ржанье. Поле битвы в крови, овраги заполняются кровавой жижей, а войнами — оскорбленные земли...»

Далее поэт дает сжатое, но монументально-динамическое описание баталии: «Несется татарская конница. Ее воины выхватывают луки, коней рысью пускают... Грянул град смертоносных стрел... Отряды чванливых тевтонцев в доспехах и шлемах падают... В богатырских рядах вперед идут русины, следом литовцы... Кровавая битва кипит... Даже небо потемнело от стрел и копий». Осознавая войну не только как трагедию, но и как испытание физических и духовных сил народа, Вислицкий отмечает храбрость поляков, литовцев, русских, под которыми подразумевает восточных славян. При описании начала боя он показывает татар во главе с Витовтом тенденциозно. На самом же деле, как свидетельствует «Хроника битвы Владислава»[43], Витовт начал битву во главе литовцев и первого ряда поляков. Сознательно или несознательно искажая историческую правду, автор стремился столкнуть современное и прошлое — напомнить соотечественникам, что татары в свое время находились под стременем великого литовского князя, были его вассалами. Тем самым поэт стремился усилить публицистическую направленность, гражданский пафос произведения, возбудить у читателя чувство патриотизма, вызвать

---

[42] Tempus erat calidum, quo Julius annua mensis
Maturat per agros Cerealia dona feraces,
Pulchrum opus incurvis messoribus agricolisque,
Quo Mars in campis Prutenis constitit acer
Arma movens, iamque hos clipeum iam volvit...
Aere Mors potiebatur campoque volando
Anque cruentato signabat funera multa
Sub Stygios ruitura lacus noctemque profundam.

[43] Chronica conflictus Vladislai regis Poloniae cum cruciferis anno Christi 1410. Poznań, 1911.

у него размышления о причинах ослабления в начале XVI в. военной мощи его страны, когда крымские татары подвергали опустошению земли Великого княжества Литовского и не всегда получали достойный отпор.

Затем Ян Вислицкий показывает, как Витовт, получив помощь от польского короля, справляется с временным замешательством в своих рядах и с новой силой бьет врагов левым крылом войска. И «пошатнулись вражеские силы... сжалась от страха грудь крестоносца», и нет ни спасения, ни пощады «окруженному войсками поляков, литовцев, русинов» тевтонскому поработителю. На поле брани гибнет великий магистр Ордена Ульрих фон Юнгинген.

Далее мы узнаем, что добытые в бою знамена и трофеи, а также отрезанные бороды крестоносцев победители вывесили «на куполах храмов» Вильни и Кракова. Оканчивается вторая часть поэмы гимном в честь воинов, что «испытали счастье победы» над «спесивым германцем».

Созданием художественного памятника Грюнвальду поэт пытался своеобразно обосновать воздействие совместной победы над врагом на развитие общественно-политической жизни в Европе и улучшение контактов между славянскими странами. Поэтому в формировании идейно-эстетической концепции «Прусской войны» ее третья часть (287 строк гекзаметра) закономерна. Это своего рода пролог по отношению ко всему произведению и попытка прямого осмысления современных поэту событий. Цель ее — обосновать равноправное военно-политическое единение Польши, Литвы и Руси.

Для реализации этой идеи нужны были яркие жизненные факты. И тогда в поэме, по словам В. Сырокомли, начинает действовать «так называемая некогда эпическая машина, где боги Олимпа судят о делах человеческих»: символический спор римских богов на Олимпе о выборе жены (речь идет о Софье Гольшанской) для короля Ягайло, который не имел наследника; воспета династия Ягеллонов и рыцарская доблесть «литвинов и русинов» — блестящая победа над татарами в битве под Клецком в 1506 г., битва под Оршей в 1514 г. и т. п. Таким образом, действие истории в поэме сюжетно не оканчивается, а продолжается. Это — достижение поэта в плане композиционного построения его произведения.

В целом же Вислицкий в третьей «книге» справился с поставленной задачей лишь наполовину. Здесь недостает действительно ренессансного, художественного раскрытия темы — преобладает возвышенно-риторическое настроение, которое в развитии и завершении общей поэтической тональности, может быть, и оправдано.

В этой главе подкупает своей теплотой и обаятельностью образ «самой простой, прекрасной и благородной княжны Соньки» — «поклонницы только просторов русинов могущественных», которая воплощает лучшие черты женщин-русинок. Образ Гольшанской, «королевской матери», как ее называли современники,— это образ самой Белоруссии и Литвы.

В XV в. Софье Гольшанской посвящал вдохновенные панегирики королевский секретарь Станислав Вителлиус, а Анджей из Яшовиц перевел в 1455 г. Библию специально для нее. Вислицкий скрыто полемизирует с признанным на Западе авторитетом, итальянцем Э. Пикколомини (папа Пий II), который в трактате «О польше, Литве, Пруссии» во многом несправедливо описал Литву и в одном из памфлетов отрицал королевское происхождение у детей от Гольшанской.

Автор поэмы обосновывает союз Польши и Руси утверждением законности Ягеллонской династии, ведущей свое начало от брака польского короля Ягайло и белорусской княжны Софьи Гольшанской. Во времена Вислицкого заключение брачных уз на высоком уровне было типичной формой решения политических вопросов между государствами. Этого брака пожелали сами боги Олимпа. Видя, что у Ягайло ни от одной из трех предыдущих жен так и не было наследника, верховный бог Юпитер созывает всех богов на совет, где сообщает о своем намерении одарить короля сыном. В ответ Юнона пророчит счастье и богатство, Минерва желает наделить будущего отрока мудростью, Марс обещает ему военную славу и доблесть. Но пока никто не знает, кто будет та благословенная избранница богов, которая подарит миру славного наследника. И вот Венера, богиня любви, знакомит присутствующих с «русской нимфой»: «Нимфа богинь — прекраснейшая из девушек. Именем Сонька чудесным ее называют в народе». Меркурию выпадает честь познакомить Софью, дочь князя Андрея Гольшанского, с решением совета богов. Народ ликует. Король встречает

свою невесту, торжественно вводит во дворец и садит «около себя на пурпурном троне». Затем стихотворец поет славу династии Ягеллонов, роду «русской Соньки».

Безусловно, сцена избрания богами невесты для польского короля не является в произведении случайной. Вислицкий не мог не знать, что Ягайло воспитывался не только в Польше, но и в Белоруссии — на родине Гольшанской. Поэт стремился наметить в художественной форме идеи политического и культурного единения части белорусско-литовской шляхты с Польшей. Такие стремления молодой белорусской шляхты, обусловленные классовыми интересами, желанием уравняться в правах с польской шляхтой, выявлялись в начале XVI в. все сильнее и сильнее и выступали в форме своеобразного протеста против засилия «магнатской» Литвы, «сенаторской» политики короля Сигизмунда I.

Неприятием известной в польской историографии XV—XVI вв. легенды о низком происхождении литовских князей, святым стремлением говорить о белорусском и литовском народах как о равных с другими западноевропейскими — этим Ян Вислицкий снискал уважение у соотечественников, предвосхитил появление в недалеком будущем исторической «Хроники» М. Стрыйковского (1582).

Постигая структуру, идейно-художественную проблематику «Прусской войны», мы видим, что этому произведению свойственна важная черта эпопеи — рассмотрение некоторых явлений жизни с точки зрения исторической и композиционной перспективы. Все повествование объединено достаточно продуманной концепцией, в основе которой лежит идея балто-славянского единства, актуальная идея времени, давшая возможность ее автору увидеть прошлое и настоящее нескольких народов. Отсюда взаимосвязь трех глав поэмы и главное звено этой цепи — Грюнвальдская битва. Не в этом ли заключено частичное влияние на художественную структуру «Прусской войны» тогдашних тенденций к сближению литературы и живописи с ее рельефно-объемным отображением мира, светотенями красок, композиционными акцентами, законами перспективы, тогда только открытыми (Брунaлески, Альберти).

В поэме «Прусская война» ярко воплотились две культурные стихии: книжная и народная, сплавленные

довольно гармонично авторским видением мира. Эта особенность и определила характер художественной культуры произведения, типичный для западноевропейской литературной традиции XVI в.

В эпоху Ренессанса зримо скрестились пути развития поэзии литературной и народной. Эта тенденция была развита и в белорусской литературе периода барокко. Показательны в данной связи художественно-изобразительные средства и приемы типизации в «грюнвальдской» части поэмы. Здесь автор прибегает к приемам народной идеализации, символике, вводит пейзаж, портрет и др. В духе народных притчей он заклинает крестоносцев: «О вражеская когорта, ты должна погибнуть! Где твой поводырь? Предательское высокомерие, где же твои мечи кровавые?!» («O peritura cohors, ubi erat tunc hominis heres illa tui, scelerata superbia? Tunc ubi et enses sanquinei»). Использует меткие народные образные параллелизмы. Битва сравнивается в «жатвой», «зверем-бурей, которая в долинах воет», нападение татар — с лавиной града, стремительность Витовта — с молнией, вихрем, разгромленные фаланги германцев, удирающих в паническом страхе,— с оленем, который «...из дремучего лога спешит дремучими тропами через тернистые кустарники» («...currere in aerios colles nemorumque latebres gestit per dumos sentes et opaca viarum...»). Смысл последней художественной детали передан поэтически точно. В Германии уже в VI в. был запрещен обычай переодевания в оленей. Колючие кусты терновника, как и крапивы, в преданиях славянских народов символизируют костер, огонь. Смысл образа-сравнения такой: немецкие рыцари вынуждены удирать по земле, охваченной огнем ненависти, а сами рыцари из охотников превратились в жертву. Прекрасен образ наступающей ночи: «появилась луна, тенью ночи слепой опоясанная» («roscida Phoebe, adveniens noctis caecae praecinta tenebris»).

Еще более сильна в «Прусской войне» книжная стихия. Автор знал античную, средневековую, ренессансную литературу, и поэтому многие приемы, использованные Вислицким, взяты из арсенала античной поэтики. Например, он описывает совещание богов на Олимпе по поводу выбора жены для Ягайло. Одни боги могли оценить достоинства Гольшанской! Такой прием с целью воспевания достоинств красавицы был любимым у европейских

поэтов. Венецианец Джустиниан; например, писал в одном из стихотворений: «Как ты прекрасна: слов бы не хватало. Пред твоим рождением на свет святые собрались держать совет» [44].

Латинским языком поэт владел свободно, хотя иногда отходил от норм классической латыни: сказывалась выучка в Краковском университете, где преподавание большинства дисциплин велось на вульгарной средневековой латыни. Я. Смерека во всем творчестве поэта отыскал немало морфологических форм, какие не употреблялись античными писателями [45]. В целом латинский язык «Прусской войны» повторяет классические образцы и воплощает новую тенденцию в развитии новолатинской письменности, направленную на очищение латыни от «варваризмов».

Стихотворные размеры у Вислицкого разнообразны и всегда соответствуют содержанию. Из 1354 стихотворных строк, которые составляют дошедшее до нас его поэтическое наследие, 1073 приходится на гекзаметр дактилический, 120 — на элегический дистих, 128 — на алцейский стих, 33 — на триметр ямбический. Тем не менее Ян Вислицкий, как справедливо отмечали М. Плезия [46] и А. Елич [47], уступает в технике стиха Павлу из Кросна, у которого она более гибкая и богатая. Это объясняется тем, что литературный опыт Вислицкого был еще невелик, хотя по одаренности ученик не уступал своему учителю.

«Прусская война» написана главным образом дактилическим гекзаметром. Просодические ошибки встречаются в употреблении герундия концевого краткого «о»: «ferendo» (кн. I, строка 67), «domitando» (I, 143), «volvendo» (II, 15), «superando» (II, 429); долгого «о»: «iurando» (I, 84), «renovando» (III, 41).

Отношение женской цезуры в 7-й стопе к другим цезурам составляет в первой части поэмы 1 : 10, во вто-

---

[44] Европейские поэты Возрождения. М., 1974, с. 56.

[45] Visliciensis Joannis Bellum Prutenum. Ed. J. Smereka. Leopoli, 1933, s. 11—22.

[46] Najstarsza poezya polsko-łacińska, do połowy XVI wieku opracował Marian Plezia, s. 67.

[47] Antologia poezji polsko-łacińskiej (1470—1543), wstępem opatrzyła Antonina Jelicz. Warszawa, 1956, s. 26.

рой — 1 : 8, в третьей — $1 : 10\frac{1}{2}$ [48]. В произведении встречаются некоторые гекзаметрические строки, в которых цезура вообще отсутствует («Baltici, spumosis irrequiete procellis», II, 21), а также «трудные стихи», фактически не совершенные в отношении стихосложения, хотя и прочитываемые с двумя цезурами: Tota fuit//Germania, tota//potentia plebis (II, 112); Undique feta//paludibus atque//rigentia silvis (II, 135); Cornipedes//super hostes//letiferasque sagittas (III, 193).

Эти примеры могут свидетельствовать о том, что в творческом порыве молодой поэт иногда забывал о внешней форме или понимал ее не в духе школьно-латинского эпигонства. Незначительные грамматические и метрические ошибки и новообразования, встречающиеся в поэтической языковой канве поэмы, не уменьшают ее эстетической ценности и служат доказательством того, что автор поэмы стремился к самовыражению, приобретению собственного почерка письма, публицистического стиля.

Значение «Прусской войны» Яна Вислицкого не только в том, что в ней поэтически раскрывается необычайно драматическая страница истории славянских народов, их самоотверженная борьба против немецкой экспансии. Важно то, что в интерпретации поэта Грюнвальдская битва — действительно народное сражение, а не только битва богатырей, королей, князей. Поэма «Прусская война» стоит у истоков жанра эпопеи в новолатинской поэзии Польши и Белоруссии, а ее автор — основатель традиции, которая позже найдет развитие в творчестве Н. Гусовского, «Хронике» М. Стрыйковского, «Временах года» К. Донелайтиса и в гениальном эпосе А. Мицкевича («Конрад Валенрод», «Гражина»).

Адресованная широкому европейскому читателю поэма Яна Вислицкого с позиций активного отношения человека Ренессанса к жизни открывала западному миру Восточную Европу (ранее «Трактата о двух Сарматиях» М. Меховского, изданного в Кракове в 1517 г.), белорусский и литовский края, их свободолюбивые, мужественные и трудолюбивые народы.

Этот памятник светской литературы был с похвалой встречен английским гуманистом Л. Коксом. Силезский

---

[48] Witkowski S. Jan z Wiślicy, jego życie i pisma, s. 447.

поэт-латинист Адам Шретер перенимал некоторые идеи и фразеологию «Прусской войны» в «Песне о литовской реке «Неман» (Краков, 1553)[49]. Примечательно, что Шретер в своей поэме, написанной пентаметром, воспевает подвиг Николая Тарло, под руководством которого в 1548—1572 гг. был расчищен фарватер Немана в направлении от Гродно и выше не только путем применения подъемной техники, но и с помощью пороховых взрывов, впервые примененных здесь в мирных целях[50]. «Прусскую войну» мог знать автор «Хроники Быховца», в которой описанию событий под Грюнвальдом и сватанья Ягайло к Софье Гольшанской в Друцке посвящены отдельные рассказы.

Сколько бы исследователи ни спорили о национальном происхождении Яна Вислицкого, нельзя преуменьшать историко-культурное значение его произведений в истории восточноевропейских культур. Поэт писал: «Все, что создает смертный человек, подчинено либо общественным, либо личным интересам»[51]. «Прусская война» — красноречивое свидетельство общественной активности поэта-гражданина, жившего в начале далекого от нас XVI столетия, сумевшего языком художественных образов поведать нам, людям XX в., о чувствах, мыслях и проблемах, которые волновали его современников.

---

49 У Шретера: «Est locus umbrosis circumdatus undique sylvis» (с. 1); у Вислицкого: «Est locus umbrosis celeberrimus undique silvis» (кн. 2, с. 1).

50 Дарашкевiч В. I. «Песня пра Нёман» Адама Шрэтэра з Сілезіі.— «Помнiкi гiсторыi i культуры Беларусi», 1977, № 2.

51 Visliciensis Joannis Bellum Prutenum, s. 44.

НИКОЛАЙ ГУСОВСКИЙ

ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА ПОЭТА

Великое искусство бессмертно, а с ним и дух его гения. Лучшие произведения Николая Гусовского, одного из крупнейших славянских поэтов эпохи Возрождения, патриарха новолатинской поэзии Белоруссии и Литвы, долгое время забытого и недооцененного художника, продолжают жить, доставляя читателям настоящее эстетическое наслаждение. И сегодня нас волнуют его кристально чистые, высокие патриотические чувства, мысли и переживания.

Из-за отсутствия документальных материалов нельзя воссоздать биографию Гусовского во всех деталях. Только пользуясь методом сравнительно-исторического анализа творчества поэта, можно наметить некоторые вехи его жизненного и творческого пути.

Принято считать, что Николай Гусовский родился около 1480 г., а умер после 1533 г. Он прожил не долгую (около шестидесяти лет), но содержательную и во многом трагическую жизнь.

Для выяснения его национального происхождения важна совокупность ряда аргументов. Наличие многих «белых пятен» в биографии Гусовского не помешало польским, литовским и белорусским ученым определить благодаря типично ренессансному, ярко выраженному личностному началу в его творчестве национальную принадлежность поэта к белорускому народу. Новолатинские поэты, восприняв традиции народной лирики и античной поэзии, создавали неповторимые образы родины. Именно сам дух «Песни о зубре» — автобиографической исповеди, ее сильное лирическое начало — лучшее дока-

зательство, что Гусовский — родной сын и в любом случае гуманист Белоруссии.

Имеющиеся данные не позволяют достоверно локализовать конкретный регион белорусской земли, давший миру гениального поэта, потому что поселений, мест, речек под названиями Усово, Гусов, Уса в Белоруссии и Литве было немало. Приведем и другие аргументы.

Гусовский — католик. Процесс окатоличивания белорусов интенсивнее протекал в западных областях, однако Гусовского могла дать и Витебщина и Могилевщина. Гусовский — человек из демократических слоев населения, знаток народных поверий, преданий, обычаев. А такая пословица, как «питайся глухарем — станешь мудрецом», обычаи испытания ведьмы, «виновного», водой и др., отмеченные поэтом, записаны в XVII в. С. Рысинским и в XIX в. М. Федоровским на Гродненщине, хотя, видимо, были известны и в других местах Белоруссии. Обращение Гусовского на склоне лет к первоначальному произношению фамилии отправляет нас снова на границу литовско-белорусской языковой зоны (Калленбах) и в районы центральной Белоруссии. «Г» в произношении Гусовского приглушенное, не взрывное, поскольку сохраняется латинское «Hussovianus, Ussovius, Hussowski [1]», а не «Gussovianus». Такое произношение соответствует фонетическому строю старобелорусского языка.

Принимая во внимание сравнительно высокий уровень развития белорусской средневековой культуры, которая могла породить такого поэта, увлеченность Гусовского чтением «русских книг», тип его поэтического мышления, сформированного народным мировосприятием, идеями античности, ренессанса и древнерусской эстетики, в определенной степени нераздельность его мировоззрения как искреннего христианина с народными верованиями белорусов и как патриота, восхищавшегося Витовтом в духе белорусских грамот, летописей, можно, пожалуй, утверждать, что Гусовский — человек «русский» (т. е. белорус).

---

[1] См.: Nicolaus Ussovius. Ad lectorem. — Lippi Aurellii. Oratio de passione Domini. Apud J. Sandecius. Poltoviae, 1533. В этом издании книги «Речь о страдании господа» известного итальянского гуманиста XV в. Аврелия Брандолина, посвященном Кржицкому, стихотворение «К читателю» принадлежит Николаю Гусовскому, а в последующих (Краков, 1561; Познань, 1567) приписывается Кржицкому.

О своем детстве, проведенном в Белоруссии, поэт говорит: «Реки, надеясь на лошадь, глубокое течение Днепра переплывал, когда зверь убегал через воды». В погоне за зверем охотникам часто приходилось делать большие переезды. «Песня о зубре» писалась для широкого европейского читателя, эстетический вкус которого был воспитан на образцах античной литературы. Упоминанием Днепра, опетого еще Лукрецием, Плинием, Страбоном, Птоломеем, поэт стремился вызвать у читателя ассоциацию величия и древности родной земли. Не случайно Гусовский сохраняет античное название реки — Борисфен. Поэт отождествлял понятие «Литва» с понятием исторической Литвы как государства. Многие факты, описанные в «Песне о зубре», взяты им из истории Беловежской пущи.

На наш взгляд, все сказанное дает основание для предположения, что поэт был родом из западных областей Белоруссии, а именно с Гродненщины.

Николай Гусовский, видимо, родился в семье обедневшего боярина-охотника. Шляхтичем он не был, поэтому его имя не встречается в геральдических книгах. К. Несецкий упоминал имя Гусовского, но к шляхте его не относил. Сословное же происхождение автора «Песни о зубре» отыскивается в строках, где он пишет, как он, еще молодой и неопытный охотник, при виде разъяренного зверя в страхе пустился бежать, а «недружелюбная чернь плевала» ему вслед. И далее: «Но на нее можно не обращать внимания» (строки 19—21). Поэт признавался, что рано начал помогать отцу на охоте: переносил копья по глубокому снегу, участвовал в загоне; жизнь его была связана с луком, конем, народной мудростью, трудовыми, но и счастливыми буднями.

На социально-иерархической лестнице Великого княжества Литовского бояре занимали среднее место между шляхтой, служебные обязанности которой разделяли, но к ней не относились, и народными низами. Поскольку материальное благосостояние и общественное положение боярина определяла личная энергия, в боярской среде жили критическое отношение к окружающей действительности и демократические настроения.

Не удивительно, что юноша, выросший на лоне девственной природы, «под полночной звездой», в Великом княжестве Литовском, среди людей смекалистых, муже-

ственных и трудолюбивых, закаленный суровым образом жизни, опасным ремеслом охотника, в вековечной пуще почувствовал себя талантливым. Незабываемые впечатления детства и юношества, не растраченные позже, имели исключительно важное значение для становления Гусовского как поэта.

Тернистый путь в великую литературу белорусский самородок начал, вероятно, стихотворными опытами о показательной охоте на зубров, что не один раз устраивалась в княжестве для развлечения великого князя или заморских гостей.

Гусовского для литературы открыл Эразм Вителлиус, секретарь великокняжеской канцелярии, в лице которого будущий поэт нашел своего покровителя и друга. В виленский период жизни Вителлиуса, между 1492—1501 гг., завязалась их дружба. Кстати, Вителлиус знал Белоруссию, любил путешествовать по ней, побывал в Мире, Слониме и других городах и местечках, о чем свидетельствуют записи в его дневнике за 1499—1508 гг.[2] Их встреча была для будущего поэта завершением науки «лесного человека». Новый жизненный этап — подготовку к интеллектуальной, творческой работе — поэт позже оценит так: «Я не готовлю убежищ праздности, но гонюсь за временем, некогда затраченным для обучения меня наукам и безвозвратно загубленным»[3]. Это чувство тоски по дням молодости является данью признательности и благодарности своему народу.

Первоначальное образование Гусовский получил в одной из кафедральных школ Белоруссии, а затем углублял знания в Вильно и в Польше под руководством своего протектора. Не исключено, что будущий поэт окончил несколько курсов Краковского или какого-либо другого университета: ведь о своей «высокой» науке он говорит достаточно определенно. Однако, не завершив учебы по неизвестным причинам, он не был занесен в ректорские списки. Нельзя ли в этой связи рассматривать появление в книге Гусовского «Новая и замечательная победа над турками» четверостишия воспитанника Краковской ака-

---

[2] Birkenmajer L. Własnoręczne zapiski Erazma Ciołka z lat 1499—1508.— «Kwartalnik historyczny», t. 16, zeszyt 3. Lwów, 1902, s. 446—457.

[3] Nec paro desidiae latebras, sed tempora venor,
Quae studiis quondam rapta fuere meis.

демии, в то время преподавателя поэтики, Матея Пирсерия из Силезии как факт проявления их дружеских взаимоотношений и еще юношеской привязанности поэта к этому учебному заведению? Возможно, Гусовский в 1518—1521 гг. посещал пансионат мецената при посольском дворе в Риме и Римский университет с целью познания гуманитарных наук. Одаренный от природы исключительными умственными способностями, трудолюбивый, приученный с детства доводить всякое дело до конца, самостоятельно мыслящий, Гусовский благодаря главным образом самообразованию стал человеком высокой эрудиции и передовых взглядов.

В его прекрасной филологической подготовке, формировании мировоззрения была немалая заслуга Э. Вителлиуса, фигура которого необычайно колоритна. По счастливому совпадению поэт и меценат прекрасно дополняли друг друга. Поэтому характеристика деятельности опекуна Гусовского позволяет в определенной мере раскрыть некоторые звенья в биографии самого поэта.

Голод и нищета побудили краковянина Эразма, выходца из бедной мещанской семьи, взяться за учебу. Получив степень магистра в Ягеллонском университете, он с 1492 г. жил в Литве, служил секретарем в великокняжеской канцелярии, а с 1499 г.— пробощем и каноником капитулы Виленской. Будучи фаворитом великого князя Александра, Вителлиус быстро сделал блестящую карьеру — от канцеляриста до епископа, опытного политика, чьи дипломатические способности высоко ценили в западноевропейских странах, а также в Ватикане, куда он трижды (в 1501, 1505 и в 1518—1522 гг.) направлялся во главе посольских миссий Великого княжества Литовского и Королевства Польского.

Гусовский сопровождал Вителлиуса только в третьем посольском путешествии: сначала в Аусбург, а оттуда в Рим. По этому поводу в «Песне о зубре» сказано: «Не так давно мы в Италию прибыли, дотоле мною не виданную» [4]. Послы должны были склонить папу Льва X к созданию коалиции христианских государств против Турции и Крымского ханства, которые угрожали европейской безопасности.

Ян Вислицкий уже издал в Кракове «Прусскую вой-

[4] Nuper ad Italiam nullo mihi tempore visam
Venimus et iussi teximus istud opus.

ну», в которой пересмотрел взгляд Запада на Восточную Европу, Франциск Скорина отпечатал в Праге некоторые книги Библии на родном языке, открыв тем самым новую эпоху в развитии белорусской культуры, когда их земляк Николай Гусовский прибыл в Рим с великой надеждой послужить родине делом, хотя и занимал скромное место в обществе: в списках посольства имя его не значилось.

Благодаря счастливому случаю Гусовский выполнил здесь свою миссию, свой долг перед родиной — как поэт. Просьбу папы Льва X, который пожелал услышать правдивое поэтическое слово об охоте на зубров, Вителлиус поручил выполнить Гусовскому. Гусовский в это время — уже искушенный поэт-латинист. Иначе ученый муж Вителлиус не поручил бы ему реализацию заказа Льва X Медичи, который был высокообразованным человеком, тонким ценителем поэзии, искусства, любителем охоты. Следовательно, до приезда в Италию Гусовский был уже хорошо известен своему меценату как поэт. На этом основании, кроме римского и краковского периодов в творчестве Гусовского, выделяем еще белорусско-польский. К сожалению, литературные опыты, относящиеся к этому времени, остаются пока неизвестными. Единственным свидетельством является только признание Гусовского в написании эпитафии на смерть некоего Лаврентия. Об этом рассказано в «Песне о зубре».

Римский период творчества Гусовского был наиболее плодотворным и потому определяющим в формировании его поэтического видения мира, в становлении собственной концепции, без которой самобытного художника не существует. Пребывание Гусовского в Италии оставило заметный след в его творчестве. Исследователи обращали недостаточно внимания на это обстоятельство и потому не находили многих ключей к тайнам творческой лаборатории Гусовского.

В Италии Гусовский, на наш взгляд, пробыл более четырех лет, с 1518 г. до осени 1523 г.[5],— время, доста-

---

[5] Польский историк В. Потеха считает, что Гусовский приехал в Рим только в 1521 г. Если предположение ученого верно, то Гусовский был вызван в Италию меценатом, который поручил ему описать охоту на зубра. Эта деталь может свидетельствовать о хорошем знакомстве Вителлиуса с поэтическими опытами Гусовского более раннего, белорусского, периода. (См.: Pociecha W. Królowa Bona (1494—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia. t. 4. Poznań, 1958 s. 230).

точное для того, чтобы познать страну, изучить ее язык и культуру. В Италии, колыбели самой высокой и передовой по тому времени культуры, окончательно сформировались творческая индивидуальность, литературное кредо Гусовского. В Риме он был на волне творческого подъема и создал лучшее свое произведение — поэму «Песня о зубре». Но это были как раз годы натянутых отношений его протектора с представителями шляхетских и государственных кругов Польши — примасом Я. Ласким, епископом А. Кржицким и др. Высшие служители культа в Польше игнорировали плоцкого епископа Вителлиуса, не желая принять в свой круг человека нешляхетского происхождения, хотя нобилитация его в шляхтичи состоялась в 1502 г., т. е. годом ранее введения в сан епископа. Выражая классовый протест шляхетскому волюнтаризму, Вителлиус делал все возможное для политического возвышения Великого княжества Литовского. Его озабоченность политическим положением княжества импонировала демократически настроенному Гусовскому. Несомненно, секретарь мог быть причастен к написанию или, во всяком случае, был знаком с содержанием политических речей Вителлиуса, произнесенных в Ватикане в 1501, 1505, 1518 гг. и в Аусбурге в 1518 г. (Некоторые речи Вителлиуса были изданы в 1519 г. в Риме отдельной брошюрой [6].)

Например, в торжественно-патриотическом выступлении 1501 г. прославляются Великое княжество Литовское, его правители, богатства края, культурные завоевания белорусского языка: «Литовцы пользуются своим языком, но так как русины заселяют почти половину княжества, то их языком, как более красивым и легким, они пользуются шире» [7]. По мнению Вителлиуса, жители княжества в быту, повседневной жизни «ведут себя с че-

---

[6] Vitellius E. Orationes reverendi patris domini Erasmi Vitellii episcopi Plocensis. Invictissimi et victorissimi Regis Poloniae Sigismundi ad sanctam sedem Apostolicam et sacram Imperialem maestatem oratoris. Habitę per eum in facto generalis expeditionis contra turchos. Una rome coram Leone Papa X. Altera Augustę coram Maximiliano cesare. Anno. Domini. MDXVIII. Impressum Romae per Jacobum Mazochium. Anno domini. M. ccccc. XIX. die. XXVII. Mensis Januarii.

[7] «(Lithuani) linguam propriam observant. Verum quia Rutheni medium fere ducatum incolunt, illorum loquela, dum gracilis et facilior sit, utunter communis».— Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae..., t. 2. Romae, 1861, s. 278.

стью». Одновременно он тактично делал упрек властителям христианских государств за их безразличие к судьбе Европы. Реминисценции идей политико-патриотической публицистики мецената заметны в «Песне о зубре». Блестящие выступления Вителлиуса перед европейской аудиторией способствовали возрастанию его широкого международного авторитета как дипломата и оратора. Знаменитые итальянцы и немцы (поэт Ф. Каллимах, переводчик Лукиана К. Кларетти, ученый Ф. Бероальд и т. д.) посвящали ему свои труды. Среди друзей мецената были итальянские ученые Чинера (Гусовский посвятил ему стихотворение), астроном и врач Гадеус, испанский юрист Куадас, епископ Вармии и опекун Коперника Ватценроде, в переписке с которым Эразм Вителлиус состоял, а также краковские печатники Галлер и Унглер [8]. На его посольский двор, где находились школа-интернат, богатая личная библиотека, съезжались знаменитости из Италии, Германии, Польши, Белоруссии. Из поэтов оказался наиболее одаренным Гусовский, из хронистов — украинец Б. Ваповский, в будущем один из близких друзей Коперника.

Видимо, выходцу из демократических слоев населения Гусовскому импонировало то, что его меценат своей деятельностью и возвышением, достигнутыми благодаря собственным способностям, показывал пример служения родине и бросал вызов старому обществу, отстаивая принцип социального равенства людей в соответствии с натуральным правом. Польская аристократия не могла этого простить Вителлиусу. И когда он начал добиваться алой мантии кардинала без разрешения на то короля и сената, вопреки положениям статута 1451 г., польская шляхта восстала против его кандидатуры на Петроковском сейме (1519). «Сенаторский» король Сигизмунд I освободил Вителлиуса в 1521 г. от обязанностей посла и отказался от его идеи создать военно-политический блок государств против Турции.

Видя недальновидность короля и понимая, под какой предательский удар ставятся Польша и Великое княжество Литовское из-за такой политики, опытный дипло-

---

[8] Hartleb K. Działalność kulturalna biskupa-dyplomaty Erazma Ciołka. Lwów, 1929.

мат и его секретарь Гусовский на свой страх и риск остались в Риме на правах политических эмигрантов.

Вителлиус, обыкновенно решительный и волевой, в этот момент сильно тревожился за свою судьбу. В стихотворении «Утешение» Гусовский подбадривал друга: «Крики их (противников.— *В. Д.*) немощны, правда в твоем сердце. Рим на тебя смотрит, твои подвиги славит» и советовал не обращать внимания на обвинения.

Римские стихи убедительно свидетельствуют о том, что Гусовский творил не столько по заказам мецената, сколько по велению души и таланта. «Не поступаясь» своей самобытностью перед помпезностью Рима, Гусовский тем не менее много раздумывал над смыслом жизни и критериями осмысления действительности. Ускоренный пульс Ренессанса он особенно сильно чувствовал здесь, в Риме. Доказательством этого является репортажный отзыв на события, свидетелем которых был поэт в вечном городе, «На жертвоприношение черного быка».

В 1522 г. по Риму и некоторым другим местам Апеннинского полуострова расползлась чума. Люди в отчаянии и страхе перед смертью, поддавшись власти чародеев, обращались с молитвами о милосердной помощи к распятиям Христа, к языческим богам. Тогда некий грек Спартанус в присутствии огромной толпы «зачумленных» людей, согласно обычаям древних римлян, принес в жертву античным богам черного быка. Гусовский был удивлен, его христианская набожность была оскорблена. Он, хотя и чужестранец, не мог примириться с возрождением языческих обычаев в Риме, городе, призванном быть хранителем мудрости, образцом христианского благочестия и культуры. Жажда борьбы со всеобщим хаосом, паникой и человеческим страхом, стремление противопоставить веру отчаянию людей — вот нить душевного напряжения гуманиста. Со свойственным ему гражданским темпераментом Гусовский призывает читателя к размышлению: народ паникует, а «праведны ли заветы религии нашей?»

Главный пафос стихотворения — в гневном предостережании народам Западной Европы: «Туркам зато нетрудно над этим хаосом повиснуть угрозой!» (перевод наш.— *В. Д.*). Осудив дисгармонию в римском обществе, поэт продемонстрировал свое знание и отношение к обычаям страны южного солнца.

Жемчужиной латиноязычной славянской литературы раннего гуманизма является сапфическое (84 строки) стихотворение Гусовского «К божественному Себастьяну» (1523). Тема стихотворения — чувства человеческой скорби, гнева и осуждения — является органическим продолжением «Молитвы к св. Анне». Вместе с мольбой к святому Себастьяну о предотвращении распространения заразы в звонких строках поэта слышен сильный голос протеста гуманиста против бессилия цивилизации, которая на той стадии развития еще была не способна противостоять стихийной трагедии.

Глубоким демократизмом и ренессансным реализмом отличается произведение. Движение поэтической мысли тонко передает динамика сапфического стиха:

Богачи одни попытались скрыться,
Мор напастью бьет по лачугам нищих,
Денег сила что ль оттеснит заразу —
Неба проклятье?
Шествие скорбно вдоль мостовых плетется,
Люди все несут образа святые,
Воск свечей в руках, наполняет площадь
Дым с переулков.
Сжав батоги, спин раздирают кожу,
Больно хлещет кнут, раздаются вопли,
Свист ударов, так что пронзают уши
Стоны несчастных.

Друзья Гусовского были подвергнуты смертельной опасности: мор уносил в землю тысячи жизней. Поэт взывает к небу:

Глянь, ведь видно, как без греха младенцев
Тело, адских мук претерпев терзание,
Просит ласки! Их пожалей и наши
Выслушай просьбы!
Меж чужими мы находясь, возносим
Голос, чтобы слух благосклонно внял нам.
Не закрой ушей для пришельцев края
Холода царства!
Пусть посольский труд завершив с удачей,
Пусть и в отчий дом возвратившись снова,
В здравии сможем твой восхвалять покорно
Верх милосердия![9]

---

[9] Порецкий Я. И. «На жертвоприношение черного быка», «Песня к божественному Себастьяну» и «Победа над турками» Н. Гусовского.— «Вопросы филологии», вып. 3. Минск, 1973, с. 200—201.

Не все члены посольства счастливо возвратились из опечаленной Италии в Польшу и Литву, «царство холода». Не уберегся и Э. Вителлиус — навечно остался на итальянской земле (умер 9 сентября 1522 г.).

Печаль Гусовского, как ни удивительно, не стала стимулом для создания модных тогда элегичных тренов (плачей). Поэт написал только эпитафию для надмогильной плиты мецената, похороненного в римском костеле св. Марии дель Пополо. Поэтическая сдержанность Гусовского по отношению к смерти мецената — показатель сосредоточенности поэта перед будущими жизненными невзгодами.

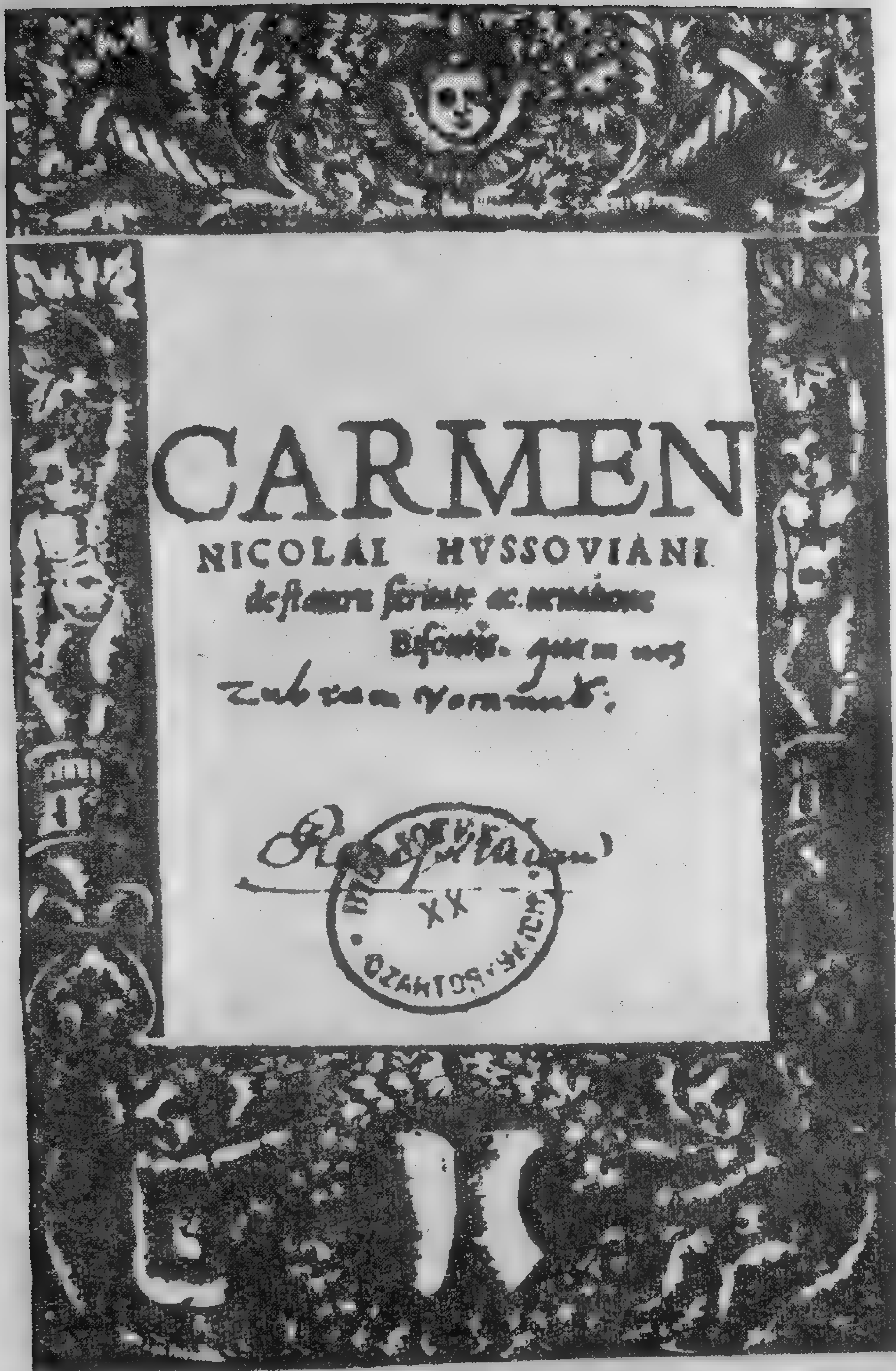
Таким образом, поездка в Рим обогатила кругозор Гусовского, дала ему массу ценных наблюдений, положительно повлияла на формирование его творческой индивидуальности. В Риме он изучал классику, итальянский язык.

Материально не обеспеченный поэт не нашел пристанища в Италии. Зов родины радостно и тревожно отзывался в его сердце. В 1523 г. Гусовский остановился в Кракове. Благодаря поддержке и протекции польской королевы Боны Сфорца, ее секретаря итальянца Людовика Алифио и Карла Антонио Бононского, гнезненского каноника и королевского секретаря, он в том же году в октябре месяце выпускает в свет поэтический сборник «Песню о зубре» [10].

Жизненный и поэтический запал Гусовского был еще велик, в нем бурлило желание активной деятельности. Воспитанный на лучших традициях европейской культуры, на уважении к людям творческого труда, Гусовский не мог спокойно смотреть на равнодушие государственных кругов Польши к состоянию литературного дела в стране. Он писал в посвящении к «Песне о зубре», адресованном королеве Боне Сфорца: «...Я вижу с величайшей для себя скорбью и, понятно, с какой-то утратой для государства, что достойные и благородные сыны отчиз-

---

[10] Возможно, именно желание увидеть напечатанным свое произведение, написанное на латыни, вынудило Гусовского остаться в Польше. В Вильно Ф. Скорина печатал с 20-х годов XVI в. книги только кириллицей. В стихотворении «К высокочтимому Карлу Антонио Бононскому» поэт пишет: «Чистые пусть бы уста стали стихи мои петь!» (См.: Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Міжвузаўскі зборнік, вып. 3. Мінск, 1975, с. 182).

Титульный лист поэмы «Песня о зубре» Н. Гусовского, изд. 1523 г.

ны испытывают неуважение. Они из-за материального недостатка... не могут себя показать. Я вижу также, что есть немало превосходящих их и талантом и богатством людей. Они замечают, что опытные художники и поэты мало ценятся, и стремятся пополнять свое богатство, а не облагораживать душу.

А если ты возьмешь на себя общее опекунство этих способных людей (Сфорца стала опекуном краковского кружка поэтов.— *В. Д.*), тогда возвысятся таланты, и они принесут пользу... государство будет сохраняться в своем положении в это страшное время». Великий друг Польши, Гусовский придерживается идеи нравственно-этического усовершенствования общества. «Греки и римляне стремились укрепить государство больше мужеством духа, чем силой тела. И это доказывает, что их могущество процветало тогда, когда расцветало искусство. А как только начали исчезать таланты, силы их упали». Взгляд поэта оптимистичен: «Хотя нам не свойственны вкусы и обычаи древних (ответ Гусовского тем, кто отечественную историю обязательно связывал с историей античности.— *В. Д.*), однако... мужество нашего воина не подведет, если только дело дойдет до оружия» (перевод наш.— *В. Д.*).

Оторванный от родины, разбитый болезнью поэт доживал свой век в бедности. Не нашлось опекуна, равного Вителлиусу, захлестывала жестокая жизненная стихия. Мечта о блестящей карьере осталась неосуществленной. Состязаться с вышколенными придворными стихотворцами он не мог из-за благородства своих помыслов и характера. Все эти обстоятельства не могли не оказать на него определенного воздействия. Видимо, потому его поэтические вещи, созданные в краковский период жизни,— поэмы «Новая и знаменитая победа над турками в июле месяце» (1524), «Жизнь и деяния св. Гиацинта» (1525) и некоторые другие стихотворения—по идейно-художественному уровню несколько ниже достижений римского периода. В этих произведениях уже не чувствуется того пульсирования оригинальной мысли, той поэтической высоты, которая отличает «Песню о зубре».

Поэтому не всегда оправданно объяснять эстетическую концепцию «Песни о зубре» идейно-художественными принципами произведений Гусовского, написанных

им в краковский период жизни, как это делает К. Баквис [11]. Но нельзя не видеть, что Гусовский до конца своих дней и по мере сил стремился развивать и в последующих произведениях свои лучшие идейно-эстетические принципы (проповедь единения славянских народов, защита крепостных крестьян). Отсюда необоснованно утверждение некоторых ученых о спаде литературного таланта Гусовского якобы вследствие того, что на склоне лет он стал ксендзом. История искусства не знает случая, чтобы все произведения гениального художника были написаны на одном и том же уровне: такова диалектика жизненных и творческих потенций человека.

Римский цикл стихов Гусовского и поэзия краковского периода свидетельствуют о том, что ренессансный реализм, непримиримость ко всякому злу могли привести его со временем и при соответствующих условиях к религиозному скептицизму и отрицанию всяких догм.

По признанию самого поэта, поэма «Новая и знаменитая победа над турками в июле месяце» (174 строки элегического дистиха) была создана за один день. Произведение, написанное человеком больным, разбитым физически, уставшим от неустроенности жизни, удивляет силой воплощения героической темы. Для поэмы характерна страстная публицистичность. Поэта — борца, трибуна наполняет гордость, что победа над турками под Трембовлем (2 июля 1524 г.) была добыта простым народом. Лучшие места этого произведения по-своему, оригинально продолжают идейно-эстетическую линию «Песни о зубре». Двойственны чувства поэта. Он и в гневе: «Срам людям сказать всю правду о нашем бессилии», и с уст его срывается тихая радость: «Воин литовский хоругви победы понес в погоне».

Закономерным, новым звеном в поэтическом творчестве Гусовского является поэма «Жизнь и деяния св. Гиацинта». Ее выход в свет был приурочен к дням чествования в Польше доминиканского миссионера Гиацинта (канонизирован в Риме в 1588—1594 гг.), культ которого возник здесь в первой половине XVI в. Поэма посвящена краковскому воеводе Кристофору из Шидловец, у которого поэт добивался опеки. В посвящении говорит-

---

[11] B a c v i s C. Nicolas de Hussów. Literature—komparatystyka—folklor. Księga poswięczona Julianowi Krzyżanowskiemu. Warszawa, 1968, s. 40—72.

ся о необходимости «открытия» жизни и дел знаменитых личностей прошлого в целях назидательного примера современникам и потомкам.

Актуальность поэмы дидактическо-религиозного характера заключалась в том, что автор проповедовал в ней христианско-гуманистический подвиг как служение народу верой, пером и мечом. Тема подвижничества и беззаветного служения христианству близка идейной направленности «Песни о зубре» и раскрывается в биографическо-историческом, житийном и апологическо-полемическом планах.

Рупором авторских идей не случайно стал образ христианского миссионера. В понимании Гусовского Польша и Русь составляют единое целое — славянский регион, где «слово родное» — одно из первых толкований польско-восточнославянской общности культур XVI в. Этот регион, по мнению поэта, обязан иметь свои авторитеты, общих подвижников. Поэтому образ Гиацинта (1183—1257), деятельность которого проходила в Польше и на Руси, дорог сердцу поэта по идейной сути. Не случайно описание четырехлетнего пребывания миссионера на Руси (1222—1226) занимает одно из центральных мест в поэме:

Мир исходил Иакинф, по различным прошел он дорогам;
Двинулся раньше всего к тем народам, где слово
родное.
Странствовал неутомимо, наконец, через Днепр
перебрался,
Край плодородный земли — великую Русь навестил он.
Дел знаменитых, богатой истории несметны здесь
сказы.
В Киеве подле Днепра на предместье построил
святыню...[12]

Гусовский выявляет знание славянского, в том числе древнерусского наследия, связь с традициями родной культуры:

Многое я умолчу, что вершил на Руси проповедник,
Так как невмочь рассказать о родной стороне столь
подробно.

---

[12] «О жизни и деяниях божественного Иакинфа» Н. Гусовского. Перевод Я. Порецкого.— Беларуская літаратура і беларускае літаратуразнаўства. Міжвузаўскі зборнік, вып. 2. Мінск, 1974, с. 165. *Святыня*, по Я. Пельчару,— храм в честь св. девы Марии на Подоле.

Большую часть пусть читает, кто хочет, по книгам
надежным.[13]

Безусловно, это были книги «русские», из которых Гусовский почерпнул сведения о том, что «в Киеве-граде храмы прекрасные были», но «нависал беспощадный захватчик (татарское нашествие.— *В. Д.*) угрозой...» Таких подробностей нет в биографии Гиацинта, созданной в XVI в. монахом Станиславом из Кракова, в книге Альберта Леандра «О знаменитых мужах» (1517), актах самого канонизационного процесса, проходившего в краковской церкви доминиканцев с 26 марта 1523 г. по 6 сентября 1524 г., которыми пользовался Гусовский.

Гусовский просит у св. Гиацинта помощи, исцеления от физической немощи. В произведении заметны деистические тенденции. Следовательно, поэт склонялся к мистицизму, что свидетельствует об эволюции его мировоззрения. Однако в остальном ренессансное влияние преобладает в поэме над средневековыми элементами. В идейно-художественном аспекте это прежде всего развитое личностное, автобиографическое начало, активно-деятельное отношение к жизни, простота изложения, искренность поэта, отвергающего католическую трактовку смысла человеческой жизни. Мотив личной скорби и тема служения общественному долгу гармонично взаимодополняются. В поэме воссоздан авторский портрет подвижника. Признаваясь, что «немало годов уже прожил на свете», поэт пишет:

Труд завершил этот я, хоть врачи запрещали больному,
Искренне спросишь, возможно, читатель, зачем и к чему?
Что замышлял я, тревожа усильями бедную душу,
Хворь углубляя, теряя все больше здоровье и жизнь?
К скифам (в данном случае татарам.— *В. Д.*) тогда
обратись полоненным, томящимся в замке;
Пусть тебе скажут, зачем за работой тяжелой поют,
Плача по родине, по колчанам, из которых
все стрелы
Вытрясли, и на ногах кандалами ритмично звенят?
Так ведь, рыдая, в плену находясь беспощадной
болезни,
Песней печаль, как могу, облегчаю, воюю
с тоской.[14]

---

[13] «О жизни и деяниях божественного Иакинфа» Н. Гусовского. Перевод Я. Порецкого.— Беларуская літаратура і беларускае літаратуразнаўства. Міжвузаўскі зборнік. вып. 2, с. 165.

[14] Там же.

10. Зак. 1619

Тоска по родине, душевная боль, усугубляемая болезнью, двойственность положения поэта на чужбине, которое он сравнивает с судьбой плененных татар, заставили его «влить молитву свою в поток необъятный народных стенаний».

В поэме Гусовского образ Гиацинта как исторической личности создан по законам средневекового жанра житий (пересказ ряда типичных для этого жанра эпизодов из биографии героя: почтенное социальное происхождение, отречение от мирских благ, аскетический образ жизни, защита обездоленных, изображение «чудес» и посмертного «продолжения» деятельности святого). Такой способ подачи материала имел для поэта свой, особый смысл. «...Аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение... Этот *плебейский и пролетарский аскетизм* как по своей неистово-фанатической форме, так и по своему содержанию резко отличается от бюргерского аскетизма в том виде, как его проповедовали бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане... и весь секрет которого состоит в *буржуазной бережливости*»[15].

Лихолетье татарского и турецкого нашествия на Европу потребовало, по убеждению писателя, сплочения и сохранения в каждом народе славянского мира здорового ядра, лучших религиозных, исторических и культурных традиций, демократизации и упрощения нравов, самопожертвования, в котором Гусовский видит истоки добра и жизнестойкости. Такое сплочение возможно при условии нравственно-этического усовершенствования общества в целом и каждого его члена в отдельности. Распространение учения Лютера разжигало, по убеждению поэта, религиозную и национальную вражду и существенно препятствовало единению народов. В вопросах религии Гусовский близок к взглядам Франциска Скорины, Эразма Роттердамского и тех гуманистов, которые выступали против учения Лютера, отрицательных сторон протестантизма (обскурантизм, фанатизм и т. д.) не как

---

[15] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 7, с. 377—378.

приверженцы Контрреформации, каким видит Гусовского К. Баквис [16], а как противники всяческой дисгармонии в развитии общества. Раннехристианская мораль, по мнению поэта, напротив, способна сыграть положительную роль в нравственном воспитании человека. Христианство для Гусовского в данном случае является лишь служанкой гуманизма. Многие строки поэмы являются гимном человеческому разуму, земному бытию, единству материального мира в духе характерных для итальянских гуманистов Лоренцо Валлы и Манетти [17] мотивов божественной природы и недостаточно выраженного пантеизма:

Нет ничего на земле, чтоб не создано было
для счастья.
Звезды мерцают во тьме, освещают сиянием слабым,
Мощью таинственной; пыль золотистую в воздухе
чистом
Вспомнишь с восторгом. Природы дары
— быстролетные птицы,
Рыбы и звери, плодов и металлов несчетные клады.
Пахаря радует нива зерном урожая обильным,
Дерево крепость свою предлагает и почками красит,
Разнообразными вкусами кормит; цветок столь
невзрачный,
Травка, хоть вянет, достоинством запаха тешат
и цветом,
В поле пестрят, обвивают деревни лучами-венками,
Труд землепашца чудесными благами вознаграждают.
Нет ничего, чтоб напрасно возникло. Подумаешь
только,
Всем человек наслаждается, все ему пользу приносит,
Все вплоть до ангельских хоров. Окинь небосвод
лишь глазами! [18]

Ставя эту поэму в контекст белорусской литературы XVI в., отметим, что Гусовский стремился возродить в ней жанр жития, не получивший развития в конце XV — начале XVI в. Оригинальная концепция Гусовского в «Жизни и деяниях св. Гиацинта» зиждется на утверждении единства лучших принципов раннехристианской морали, идеалов народной этики и ренессансных элементов

---

[16] B a c v i s C. Nicolas de Hussów, s. 45—70.

[17] Р е в я к и н а Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977, с. 35.

[18] «О жизни и деяниях божественного Иакинфа» Н. Гусовского.— Беларуская літаратура і беларускае літаратуразнаўства. Міжвузаўскі зборнік, вып. 2, с. 180.

и отрицании корпоративно-сословной морали господствующих классов. В этом проявился яркий демократизм, народность мировосприятия, публицистичность и гражданское мужество Гусовского, одного из самых искренних поэтов-новолатинистов славянского Возрождения.

Дидактическо-полемическая поэма Гусовского оказала влияние на развитие латинской гимнографии XVI в., на появление цикла секвенций о Гиацинте («Adest dies celebris», «Salvatorem collaudemus», «Officium beati Jacinthi Confessoris»), произведений агиографической литературы («Żywoty swiętych», 1579, П. Скарги и «De Heroibus in Dei Ecclesia», 1585, И. Пельгримовского) в Польше и Белоруссии.

Итак, не взирая на неблагоприятные условия жизни, вдохновение не оставило Гусовского. В известной мере трагизм положения воскрешал в нем искру великой поэзии. Несчастный, «старомодный литвин», несмотря на длительную болезнь, не потерял веры в жизнь, что является первейшим признаком натур целеустремленных, жизнелюбивых, богатых и сильных духом. Свидетельства тому находим и в небольшом по объему эпистолярном наследии Гусовского. В некоторых письмах он выдвигает программное для своего творчества требование: усилить нравственное начало, конкретно-чувственное восприятие и осмысление действительности в поэтическом слове.

В письме от 11 февраля 1531 г. Гусовский писал из Пултуска своему новому опекуну, епископу перемышльскому Яну Карнковскому (1527—1531): «После того, как мне было порекомендовано служить (скорее всего писарем и придворным поэтом.— *В. Д.*) уважаемому господину... я охотнее и чаще писал бы в знак благодарности. Но действительно мне не удается найти необходимого материала. Пишу одни только недостойные вещи, которые не имеют значения для заинтересованности уважаемого господина, занятого великими делами» [19]. Нужно ли лучшее доказательство того, что Гусовский не представлял свою жизнь без гусиного пера, бумаги и был настоящим служителем латинской музы! Хотя Гусовский должен был тратить энергию для жаждущего славы епископа, он стремился писать для народа, выражая движе-

---

[19] Ćwikliński L. Nieznany list Mikołaja Hussovianusa (Hussowskiego).— «Eos», t. 5. Lwów, 1898—1899, s. 205—206.

ние своей души. Писать иначе он не мог потому, что «пустословие всегда было ненавистно» ему. Так, неоднократно Гусовский подчеркивает свое критическое отношение к взглядам на предназначение поэта, к литературным вкусам своего времени. Письмо дошло до нас в копии Станислава Киловского, гнезненского и плоцкого каноника, сделанной вскоре после отсылки его адресату, о чем говорит, по свидетельству Л. Цвиклиньского, заглавная запись на ней переписчика. Данный факт служит доказательством определенной популярности литературного имени Гусовского в Польше XVI в. Ясно также, что благодаря протекции Карнковского, приятеля П. Томицкого, Гусовский получил в Пултуске какую-то работу среди служителей культа, хотя достоверных данных, что он им стал, не имея теологического образования, нет. О страстном желании почти каждого вельможи иметь придворного поэта писал А. Рымша в «Десятилетней повести военных дел Кристофора Радзивилла» (Вильно, 1585). В этой связи интересны иронически произнесенные Гусовским слова: «Охотнее и чаще писал бы в знак благодарности». Видимо, великосветскому сановнику Карнковскому он был нужен прежде всего как придворный стихотворец, хотя и прикрепленный к месту службы. Поэт раскрывает свой специфический характер отбора материала: «Если случится такое, что я должен буду воспеть с эмоциональным чувством, безусловно, мной не будет обойдено вниманием; явление это мне надо приметить самому благодаря поэтическому миросозерцанию».

Гусовский говорит о плохом состоянии своего здоровья, которое «нисколько не улучшилось». Он понимает, что жаловаться некому, потому пишет: «Я подбадриваю себя занятиями: всегда пишу что-нибудь или читаю, чтобы не отдыхала голова, когда парализованы ноги»[20] (перевод наш.— *В. Д.*). Произведения Гусовского подтверждают, что он читал книги на важнейших европейских языках: древнерусском, белорусском, старославянском, латинском, польском, итальянском.

Сопоставление содержания письма с поэтическим посвящением новому меценату позволяет говорить о про-

[20] «Valetudo mea de statu veteri nihil se movit. Cuius taedia, ut possum, studiis allevo scribendo semper aliquid aut legendo, ut cessante pedum officio caput non otietur». Ibid., s. 206.

должительности их не всегда плодотворных связей начиная с 1523 г., того периода, когда уроженец Львовщины, воспитанник Каллимаха Карнковский был еще настоятелем скальбмерским, каноником краковским и королевским секретарем. Это к нему были обращены слова Гусовского:

Пусть к королям прилипают другие, вельмож, опекунов
Ищут, могучих господ с туго набитым ларем!
Пусть же невольничье тянут ярмо по любым
бездорожьям!
Ты же, Карнковский, прими в услуги только меня.[21]

* * *

Величественно-трагическую фигуру Николая Гусовского, прикованного к постели параличом ног (в старости дали себя знать обессиливающие переходы в ловах на зверя), можно сравнить с прикованным к скале Прометеем.

Есть в поэзии его и минорно-элегические ноты религиозного звучания. В творчестве Гусовского краковского периода христианско-религиозные элементы умножены не случайно. Это объясняется уровнем секуляризации белорусской и польской культуры Возрождения, который был значительно ниже по сравнению с культурой высокого итальянского Ренессанса. Творчество Гусовского в этом аспекте органически сливается с развитием славянской культуры. В книгах Ф. Скорины, напечатанных в Вильно, религиозное начало выступает сильнее, чем в его книгах чешского периода.

До сих пор рукописное наследие Гусовского мало известно. А ведь из содержания письма к Карнковскому явствует, что поэт не оставлял пера и бумаги до конца жизни. Любовь к родине согревала его на чужбине, питала вдохновение и была смыслом жизни. Если бы отыскалось это рукописное наследие, тогда, возможно, «Песня о зубре» более органично вписалась бы в контекст его творчества как целостной ренессансной эстетической системы с характерным для нее отрицанием христианской этики и утверждением гуманистического понимания человека как свободной, героической личности.

---

[21] Цит. по кн.: Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Міжвузаўскі зборнік, вып. 3, с. 182.

Гусовский — яркий представитель переходной эпохи от народности к нации. Такой поэт мог свободно и вдохновенно творить только на родной земле или жить миром проблем, волнующих родину. «Песня о зубре» явилась результатом вдохновенного озарения и внутреннего стремления певца соединить собственную раздвоенную жизнь со своим многострадальным талантливым народом.

«ПЕСНЯ О ЗУБРЕ» КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ

У каждого великого художника есть произведение, наиболее полно отражающее щедрость его таланта и неповторимый облик эпохи и его родины. Такое произведение древние греки называли памятником, поэмой жизни. Поэмой жизни у Гусовского является «Песня о зубре».

Поэт европейского значения, певец типичной для XVI в. «экзотической» темы, Гусовский вслед за Яном Вислицким выводил на орбиту мировой культуры историю и культуру Белоруссии и Литвы. В произведениях Вислицкого и Гусовского мы видим проблески новой литературы у восточных славян.

Положение Ф. Энгельса о том, что в эпоху высокого Возрождения в «Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература», а «Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы»[22], на наш взгляд, можно связывать не только с национальным Возрождением, с литературами, возникшими на народной языковой основе. Заметим, что Данте писал на итальянском языке в то время, когда в Италии не было высокого Возрождения. Это дает нам право под «новой литературой» понимать как литературу на национальных языках, так и художественную литературу на инонациональных языках, однако новую по типу художественного мышления.

Действительно, «открытие» человека, природы и народов многоязычного мира в эпоху Возрождения стало одновременно симптомом для рождения писателя нового типа, новой реалистической литературы.

Представители новой литературы в отличие от писа-

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве в 2-х т., т. 1, с. 319.

телей средневековых мыслили и творили масштабно с точки зрения отдельного человека с определенной классовой психологией. Отсюда новая культура, и художественная литература в особенности, как, пожалуй, никакой другой род духовной деятельности человека, соединяется с индивидуальным умением художника аккумулировать сознание эпохи, улавливать пульс будущего. Поэтому новая литература является искусством ярко выраженного личностного, биографического начала, следствием приобретенного духовного опыта жизни народа.

Особое значение в искусстве нового времени приобретает гражданская позиция художника. Эта особенность отчетливо прослеживается и в памятниках прогрессивной светской новолатинской литературы Белоруссии на переломе эпох средневековья и Возрождения, явившейся своеобразным перекидным мостиком к современной литературе.

В эпоху средневековья творческая личность была скована условностями определенной эстетической системы (иерархия жанров, литературный этикет и т. д.), что обусловило относительно кризисное состояние европейской лирической поэзии. Жанр лирико-эпической поэмы, где главной доминантой является авторское «я», активизируется в эпохи, когда индивидуум осознает свое место в коллективе, а общество концентрирует внимание на решении общенациональных, общечеловеческих проблем. Такой и была эпоха Возрождения, в которую появилась «Песня о зубре» Николая Гусовского.

Насколько критическое стихийно-материалистическое мышление носило в эпоху Возрождения поэтическую окраску, настолько был закономерен расцвет европейской поэзии. Вообще поэзия так же, как и зодчество и книгопечатание, является наиболее ярким достижением Ренессанса в Белоруссии.

Рожденная своеобразным общенациональным подъемом в переломную эпоху «титаническая», многогранная личность ренессансного писателя была способна преобразовать природу средневекового искусства, придать жанрам античной литературы новое звучание, апробировать новаторские эпико-лирико-структурные формы (социально-философский роман, сонет, лирико-эпическая поэма и др.).

Гусовский — типичный художник ренессансного типа

AD SERENISSIMAM PRINCIPEM ET DOMINAM. D. BONAM DEI GRATIA REGINAM POLONIAE MAGNAM DVCEM LITHVANIAE, RVSSIAE, PRVSSIAEQVE ETC. DOMINAM.

Nicolaus Hussouiensis

CVm essem Romae Sereniss: Regina. Leo Papa .X. uenationes arctoas, & ferarum magnitudinem quodam tempore commemorans. Reuerēdiss. D. Erasmum Ploc(e)nsem Episcopum, apud se tunc à uestra Maiestate oratorem, longo uerborum circuitu monuit, ut effigies bisontis, quem nos Zubrum uocamus, impleta feno pelle, Romae repraesentaretur Quod Plocensis, dum se facturum promisisset, datis ad Raduuilonem Vilnensem Palatinum, super pelle quam maxima huius animantis consequenda, literis, mihi suo tunc familiari iunxit, ut aliquid super natura & uenatione huius ferae scriberem, uolens eius speciem tam re, quàm uerbis, Pontifici exhibere, sed omnia illa celeri morte Leonis, in nihilum deciderunt. Restat tamē opusculum, per me tunc, pro ingenij & tēporis paruitate factum, quod sub nomine tuae Maiestatis publicandum decreui. Idq; tibi loco muneris exigui do. Sperans aliquando futurum, q. dum Regiae Maiestae,

Посвящение поэмы «Песня о зубре» Н. Гусовского Боне Сфорца, изд. 1523 г.

мышления с обостренным чувством родины, мужественная личность с удивительно целостным характером. Таким талантом отмечен и поэтический мир «Песни о зубре».

Новаторство и самобытность Гусовского как творческой индивидуальности выявляются уже в истории создания его произведения. Поэт сообщал Боне Сфорца: «Когда я был, яснейшая королева, в Риме, папа Лев X, размышляя как-то об охоте на Севере и величине там зверей, уговорил почтеннейшего господина плоцкого епископа Эразма, в то время посла от вашего величества при нем, доставить в Рим чучело бизона, которого мы называем зубром. Плоцкий епископ обещал исполнить эту просьбу и списался с Радзивиллом, виленским воеводой, с целью подыскать шкуру грандиозного зубра. Мне, в то время своему близкому другу, приказал, чтобы я написал пару слов о природе и охоте на этого зверя, желая представить папе вместе с чучелом описание зубра. Но все это потерпело крах в связи с неожиданной смертью Льва X. Остается, однако, маленькое сочинение, написанное тогда мною наспех ...которое заключает этот лесной рассказ» [23] (перевод наш.— *В. Д.*).

Содержание приведенного отрывка позволяет уточнить место и год написания поэмы. Гусовский написал ее в Риме, где под влиянием идей итальянского Ренессанса созрело его поэтическое дарование. В этой связи ценным является авторское признание: «...сочинение, написанное тогда (в Италии.— *В. Д.*) мною» («opusculum per me tunc... factum»). Более того, в заключительной части поэмы Гусовский обращается к деве Марии с просьбой: «...счастливо проложи путь (из Испании в Рим.— *В. Д.*) Адриана Шестого, который уже законно принял некупленный титул» папы [24].

Лев X умер 1 декабря 1521 г., а 9 января 1522 г. на папский престол конклавом кардиналов был избран Адриан VI, но он прибыл в Ватикан только 29 августа 1522 г.[25] Таким образом, непосредственные свидетельства автора дают основание утверждать, что «Песня о зубре»

[23] Цит. по первоисточнику.
[24] Adrianique viam Sexti dispone... qui legitime titulos accepit inemptos.
[25] Wielka encyklopedya powszechna illustrowana, t. 1. Warszawa, 1890, s. 175.

писалась еще в 1521 г. и была окончена в Италии между 10 января и 29 августа 1522 г., и вынуждают нас не согласиться с выводом Е. Круковского[26] и его последователей И. Голенищева-Кутузова[27] и И. Семежона, что «Песня о зубре» была окончена в Польше. Необоснованным представляется нам и заявление И. Семежона: «Последний раздел поэмы — молитва к деве Марии — дописывался уже в Кракове. Об этом свидетельствует сам Гусовский в авторском посвящении поэмы королеве Боне»[28]. В Кракове было написано им лишь письмо к Боне, помещенное в качестве предисловия к поэме.

Перед Гусовским была поставлена узкая задача — за короткий срок описать зубра и охоту на него. Однако поэт сумел не только «возвести в художественный перл» (В. Белинский) узкий заказ мецената, но и преобразовать и поднять далеко не новую в европейской литературе анималистическую тему до уровня «серьезной литературы», высокой художественной правды, подчиненной жизненной и эстетической концепции автора.

Создание художественного произведения удивительно монолитного сплава, ставшего жемчужиной европейской гуманистической поэзии, было не под силу дилетанту в поэзии, хотя Гусовский и считал себя временным избранником музы. Естественно, и «пару слов» о зубре, предназначенных для Льва X Медичи, кому посвящали шедевры признанные итальянские поэты и художники, должен был писать человек, обладающий высокой общей культурой, достаточно осведомленный в тогдашней западноевропейской литературной традиции.

С первых строк поэмы Гусовский выявляет себя оригинальным художником-мыслителем. Определением своего скромного места среди поэтов он засвидетельствовал не свою профессиональную беспомощность, а литературное кредо — идти от жизни, от факта. Он смотрел на действительность глазами «человека из народа» и в высшей степени оказался пригодным для служения великому делу — популяризации истории и культуры бе-

---

26 Krókowski Jerzy. Mikołaja Hussowskiego «Carmen de bisonte», s. 15.

27 Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963, с. 235.

28 Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра. Пераклаў з лацінскай Я. Семяжон. Мінск, 1973, с. 87.

лорусского края в Западной Европе. Счастливый случай открыл поэту возможность для реализации давно назревших в его душе замыслов.

Оценивая умственный расцвет Италии с позиций представителя другой культуры, Гусовский увидел, что многое здесь ему близко, понятно. Тонкая наблюдательность и ностальгия помогли поэту почувствовать глубокий интерес, который проявляли передовые круги итальянского общества к его родине — стране под «полночной звездой». Как мы уже говорили, стремление к взаимопониманию и познанию далеких и не схожих друг с другом народов и стран уже существовало. По свидетельству итальянцев Компанезе и Новокамского, в Италии в XVI в. «каждый вельможа хотел иметь книгу о России», потому что имя «русин» только недавно стало широко известно миру [29].

Желание подарить итальянцам книгу о своей родине появилось у посланника Белоруссии и Литвы несколько раньше конкретной заявки на подобное произведение. Поэтому «Песня о зубре», написанная вдали от родины, стала песнью сердца великого поэта.

Стремление ввести жизнь Белоруссии и Литвы в летопись гуманистической культуры Европы, идея европейского единства — вот тот весомый и общезначимый замысел, реализация которого подняла Гусовского до уровня мышления великого национального певца. С высоты этой благородной исторической задачи очерчены поэтом главные силовые линии в «Песне о зубре».

На воплощении замысла сказались, естественно, личные судьбы Гусовского и Вителлиуса в Италии и сложная международнаая ситуация того времени. Турция, захватив в начале XVI в. земли ряда стран Ближнего Востока (Сирии, Месопотамии, Египта), вклинилась в Европу. Полчища янычар хлынули на Балканы и земли ослабевшего Великого княжества Литовского. В таких тревожных условиях Гусовский не прекратил работу над своей поэмой, хотя непосредственный адресат ее папа Лев X умер. Для поэта важной, злободневной была не только тема личной и национальной судьбы, но и судьбы всей Европы, что нашло яркое воплощение в поэме. Ее автор заклеймил сепаратистскую политику недальновидных коронованных властителей Европы, прославил му-

[29] Библиотека иностранных писателей о России, т. 1. СПб, 1836, с. 20.

жество и трудолюбие соотечественников, развеял миф об «иллирийской дикости» восточных славян и литовцев, призвал народы позабыть распри и объединиться для борьбы против воинственной Турции. Вдохновение, богатый жизненный опыт позволили поэту превратить анималистическую тему в гимн Белоруссии и Литве.

Познавательное, эстетическое и воспитательное значение поэмы Николая Гусовского многогранно и весомо. Поэт обратился со своими размышлениями к европейской читательской аудитории и адресовал свой памятник родному народу. Отсюда содержание поэмы раскрывается как бы в двух взаимопроникающих планах — внешнем и внутреннем. Внешний — это то, что предназначалось преимущественно для западноевропейского читателя: профессиональное описание зубра, охоты на него, природы и богатств белорусского края, быта, обычаев, общественно-политической, военной и культурной жизни белорусского и литовского народов, их героической борьбы с крестоносцами, турками, татарами и т. д. Внутренний — это то, что предназначалось для соотечественников: осуждение братоубийственной политики, обоснование нового художественного метода, принципов реалистического отражения мира, которые в Италии были освоены, но могли представлять глубокий интерес для славянской культуры и т. д.

Патриотический призыв к единению и дружбе разных по вере и культуре европейских народов перед лицом турецко-татарского нашествия приобрел в «Песне о зубре» особую силу звучания. Всю поэму пронизывает и объединяет ее составные части тема судьбы родины:

Наши леса — это кладезь бездонный богатства,
Благо страны. Караваны судов чужеземных
К нам приплывают, блистая заморским товаром.
Щедрая влага из кладезей этих природы
Теплым дождем выпадает на тучные пашни.
В реках от самых верховьев до устьев широких
Лес на плаву, он — как мост между землями
княжеств.

Почвы богатые требуют мало усилий,
Только при жатве вся нива пестреет жнецами;
В рощах тенистых пасутся стада на приволье,
А на лугах — табуны скакунов быстроногих.
Пашен плоды и лесов своих дар за моря мы
Всем продаем, и хотя по достатку мы равны,
Ценим заморское меньше, чем рощи родные.

Край благодатный — великое княжество наше,
Но не одна красота в его море зеленом.
Лес наш приносит большую хозяевам пользу:
Он — кладовая живицы и смол корабельных,
Куньего меха и меда, и воска, и дичи.
Так что купец чужестранный тугою мошною
Может тряхнуть, не скупясь, на торгах наших
людных...[30]

Безграничная преданность родной земле и бережное отношение к родной природе — самые сильные проявления патриотических чувств Гусовского. Предыдущие исследователи не заметили пристрастия поэта к принципу буржуазной бережливости, экономного потребления богатейшего, как писал М. Меховский, «во всем христианском мире» царства фауны и флоры Великого княжества Литовского. Поэт, подобно рачительному хозяину, знает цену товарно-денежным отношениям, которые, по его мнению, способствуют ликвидации домостроя, патриархальщины, средневековой замкнутости народов. Указывая на существование голода в княжестве, он с состраданием восклицает: «Ты пощади зверей, злодейский голод» («Parce feris scelerata fames»). Передовой деятель своего времени, Гусовский озабочен судьбою зубра как биологического вида: «Такого животного уже нигде нет. Пожалуй, он обитал перед потопом на земле под полярной звездою». Певец горд тем, что в его крае сохранился «литовский зубр», «потомство которого охраняет строгая грамота князя, заботой его же возвеличиваются богатства лесные».

Первый закон об охране зверей и леса появился в Великом княжестве Литовском только в 1538 г., а в Статуте 1588 г. определялась «цена звером диким, которые бы через кого были убиты у чужой пущы», в том числе за зубра — 12 грошей.

По распоряжению великих князей Ягайло и Витовта Беловежская пуща стала заповедною еще в начале XV в., о чем писал знаменитый Ян Длугош. В Вислицком статуте 1347 г. и Статуте Владислава 1420—1423 гг., кстати, вскоре переведенных с латинского на белорусский язык, утверждалось «каранье» за убийство «животины», порубку леса. Гусовский раньше других упоминает поста-

[30] Здесь и дальше «Песня о зубре» цит. по переводу Я. Порецкого и И. Семежона («Неман», 1968, № 7, с. 55).

новление великого князя Казимира от 1457 г., утвердившего «службу звериную», суть которой состояла в охране леса и дичи [31].

Живописные, эмоциональные пейзажи в «Песне о зубре» национальны по колориту (зубр — визитная карточка Белоруссии), что достигается правдивым показом отношения белорусов к сокровищам природы, их поклонения растительному и животному миру: «на червонное злато народ наш сокровища эти не разменяет»; «ценим заморское меньше, чем рощи родные»; «музыка наших лесов сладкозвучнее лиры»; «на торгах прибедняться не в нашей натуре» и т. п. Спустя четыре столетия Я. Колас подобным образом воспевал белорусскую природу в «Новой земле» — не сказались ли здесь преемственность и близость литературной национальной традиции, выявление национального характера белоруса?!

Реалистические картины природы, воссозданные в «Песне о зубре», имеют социальный подтекст. Перед читателем встают гнетущие картины расточительства, бесхозяйственности: «в нерестовьях груды задохшейся рыбы», «сады в запустенье», «растет все и гибнет». Отечество представляется поэту «краем чудес и загадок», соседством добра и зла, расцвета и запущенности, щедростей природы и ужасов, когда необузданная толпа испытывает ледяной водой «ведьму» и ждет ее кончины. Виновников возникновения таких демонических контрастов в крае поэт прямо не называет, но подводит читателя к ответу средствами поэзии.

Гусовского угнетает «горе родины», волнует вопрос, «как найти те лекарства, чтобы спасти ее от бед». Именно с этой целью он снова и снова возвращается к образу зубра и охотничьей эпопее. В представлении поэта будущее его родного края трагическое, но не утраченное.

Идя от внешнего к внутреннему, художник создает крупными и точными мазками, в контрастно-сгущенных тонах облик зубра:

Пусть он наполнит строку, чтоб к нему приглядеться.
Телом своим монолитным громаден настолько,
Что, когда ранен смертельно, колени преклонит
и сникнет.

---

[31] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией, т. 1 (1340—1506). СПб, 1846, с. 80—83.

Трое охотников могут усесться на лбу меж рогами.
Если же мне попытаться сравнить его шею и морду,
То опасаюсь — сравнений таких не сыскать мне, пожалуй.
Клок бородищи торчит из-под челюсти рыжим мочалом,
Гроз полыханье в глазах и застывшая злоба:
Космами грива от самых лопаток спадает,
Донизу лоб, и колени, и грудь покрывая...

Выявляя повадки «экзотического» обитателя пущ, его естественное поведение, инстинкты, реакцию в различных временных и пространственных ситуациях, семейно-стадных обстоятельствах, поэт посвящает неискушенного читателя в тайны девственной белорусской природы. «Герой» действует в типичных условиях своей сферы:

Хищным животным не ровня, свирепостью ж
превосходя их,
Зубр для людей безопасен. Не тронешь его
— не затронет...
Если твой меч не блестит и копье не сверкает,
Смело иди у него на виду — не затронет...
Если ж случайно набрел на зубрицу с теленком —
Чуть шевельнешься, оружие схватишь в горячке —
Сразу ж взбесится и лес оглашает рычаньем,
Знаком свирепого гнева: кто смеет тревожить?

Надо было воспринимать саму действительность отзывчивым сердцем поэта, зорким глазом охотника, чтобы эту обыденность жизни зверя сделать поэзией, простой и мудрой одновременно:

В стаде телки — загляденье, резвятся, бодают
друг друга,
Мать и подлетков пугая своей шаловливой игрою.
Страшно понятливый зверь. Вот, к примеру, телята
С первого шага во всем матерям подражают:
Бегают следом, пасутся со старшими вместе,
Прыгают через завалы, опробуют рожки,
Зверя встречая иль мшистые пни в буреломе.
Так вот в игре и борьбе закаляют
с младенчества тело.

Лишенные вычурности, надуманности поэтические строки поэмы словно сотканы из выстраданных мыслей и еще не остывших юношеских воспоминаний поэта и наполнены свежим ощущением полнокровной жизни:

Хоть великан терпелив, но усилий не малых
Стоит ему укрощать свою жажду движений.
Любо глядеть, как он легок в стремительном беге
И по полянам лесным, и по тропам болотным,
С места рванет он, как будто пращою подброшен...

Правдивостью, энциклопедичностью содержания и близостью к ренессансной реалистической живописи характеризуются лучшие картины животного эпоса у Гусовского:

...Несравнимое зрелище в стаде зубрином —
Схватки быков из-за самок в бескровном сраженье.
Праздник Венеры проходит в разгар листопада
Каждую осень. И брачные шалости длятся
Больше недели. И в пору таких наслаждений
Слышится только, как всюду зазывно и нежно
Пуща мычит, и в ознобах земли еле слышно
Трепетным листом шуршат вековые дубравы.

Профессиональный спор Гусовского с авторитетами и дилетантами о «зубриной» теме, пропаганда биологических знаний — убедительное доказательство того, что жизненный опыт поэта в данной области оказался выше, богаче тогдашних книжных представлений о природе, которые были им во многом преодолены. Не случайно в новое время первыми, кто достойно оценил его поэму, были исследователи природы, биологи, охотники.

В те времена, когда зубр еще обитал во всей Европе и не существовало опасности его вымирания, писатели античные (Аристотель, Аппиан, Павзаний, Плиний, Солиний, Сенека, Марциал), средневековые (Павел Диакон, Альберт Великий, Ян Длугош), а также скандинавский и немецкий животный эпос оставили фрагментарные данные о «диком и страшном» звере.

Гусовский создал своеобразный литературный памятник зубру и превзошел все прежние описания скрупулезным, глубоким знанием объекта изображения, выделив к тому же в нем новый эстетический аспект — естественную красоту, благородство поведения. Именно рациональный, натурфилософский подход к описанию богатыря белорусских пущ способствовал более глубокому раскрытию сущности художественного образа.

Польский ученый Е. Круковский доказал, что Гусовский в процессе работы над «Песнью о зубре» собирал материал, читал итальянскую и немецкую гуманистическую литературу [32]. Несомненно, поэту был известен «охотничий» эпос итальянских придворных поэтов Эрколе Строццы «Venatio ad divam Lucretiam Ferrariae ducem»

[32] Krókowski Jerzy. Mikołaja Hussowskiego «Carmen de bisontis», s. 4.

11. Зак. 1619

(1513), Адриана де Корнетто «Ad Ascanium cardinalem s. Viti venatio» (1505).

Уснащенные галантно-мифологическим стилем, лишенные концептуального восприятия жизни поэмы итальянцев, по мнению Е. Круковского, не выдерживают никакого сравнения с оригинальным художественным полотном Гусовского, которое ближе к античным образцам. С этим выводом ученого нельзя не согласиться.

В «Песне о зубре» имеются точки соприкосновения с фрагментом о зубре из «Четырех книг о любви» (Нюрнберг, 1502) К. Цельтиса, знаменитого немецкого гуманиста. Вот эта интересная зарисовка:

З дрымучых абшараў мядзведзі і·лютыя туры,
Постаць страхотная зубра: з калмыком трапяткім
Грыва з адлівам, ярыя вочы, рогі крутыя —
Чорнае дзіва волатным целам сваім.
Чутны здалёку: падгрудак абвіслы лякоча,
Шыя храпастая рыкам лес страсяне.
Лоўчага горды бярэ на рогі з наскоку,
Круціць раз-пораз, ахвяры камяк шпурляне
На разгалісты дуб, і трушчыць
Удумна звалены лес шурпатым ілбом,
Што палясоўшчык наладзіў прад ловамі ў пушчы
Хітрую пастку — ломіць звер напралом.
Смелы лучнік бег нацянькі замінае,
Вёрткі сам мігам за парэпаны ствол.
Непадуладнае меры буйства зубрынае —
Шчэпы вячыстага дуба на скалануты дол.
Звер з чалавекам адзін на адзін неўпрыкметку —
Дуб прыцірае і лоўчага ловіць на рог.
Дзідаю пне той па шкуры вурзлатае метка.
А паратунак у танцы — спадоба для ног.
Неўтаймаваная сіла гасне ў круце адмысловым.
Звонкіх дуброў уладара гарэзлівы час...
Тут сачэўнікі завенчваюць коп'ямі ловы
І волата валяць на росныя травы ўраз.

(Перевод наш.— В. Д.)

Гусовский будто бы повторяет, только более развернуто и талантливо описание зубриной мощи, физической грузности, но одновременно ловкости и... беспомощности в борьбе с ловчими. Цельтис вписывает образ зверя в общий контекст поэмы о реке Висле и Мазовии. Следуя традиции Овидия и Вергилия в описании Севера, Цельтис называет аборигенов «варварами», а «сарматский» край неуютным и диким. Гусовский, наоборот, все, непосредственно не связанное с изображением зубра, прямо

или косвенно идейно подчиняет первому плану. Для поэта все, что он воссоздает с позиции «лесного человека», святое и милое сердцу.

Зубр, описанный Цельтисом в духе литературной традиции Запада, иллюстрационно-плакатный, книжный. Это лишь занимательный представитель реальной «экзотики Севера», потому что образ зубра создан силой фантазии, а не силой пережитого, выстраданного опыта.

При реализации по существу новой для истории центральноевропейской литературы задачи создания внутреннего подобия художественного образа, в данном случае образа персонифицированного зубра, Гусовский опирался на собственную практику охотника и основывался на художественном опыте не столько западной анималистической галантно-придворной поэзии, сколько на достижениях ренессансной реалистической поэзии, новеллистики, романистики Италии и на образцах античной поэзии.

Гусовский как оригинальный художник всюду остается верным себе. Слова К. Маркса, что «...человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком», а «это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом...» [33], можно с полным правом отнести и к Гусовскому. Отсюда не случайно, что в образе зубра сокрыта «печаль по гармоническим взаимоотношениям личности и коллектива» (В. Колесник), которая придает всему произведению особую тональность, возвышенно-романтическое и публицистическое звучание. В «Песне о зубре» отразились искания деятельной человеческой личности справедливого общественного порядка, что было обусловлено главным конфликтом эпохи Возрождения — столкновением героя нового буржуазного времени со старым феодальным миром.

Обнажить общественные отношения своего времени в рамках анималистического жанра было возможно только через призму изображения характера охот и отношения к зубру представителей различных социальных групп, через выявление, высмеивание их жизненного и эстетического идеала. Необходимое стало закономерным:

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве в 2-х т., т. 1, с. 126.

Гусовский использует здесь моделирование как рациональный способ воссоздания в литературе жизненной правды, преобразования факта жизненного в факт литературный.

«Песня о зубре» ценна сегодня прежде всего как литературно-исторический документ эпохи Возрождения, моделирующий своего современника и воссоздающий своеобразную модель тогдашних общественных, внутри- и межгосударственных отношений.

Мерилом поведения человека на охоте, отношения его к зубру, а в конечном счете и к смыслу жизни у поэта выступают принципы народной этики:

Зубр—ратоборец, и брать его надобно силой —
Грудью на грудь, врукопашную, но не обманом,
Будь-то стрелой с расстояния или с мушкета.
Верят издревле в народе: он пущу покинет,
Если с ним в схватке боролась не сила, а хитрость.

Перед нами, таким образом, развертывается своеобразное драматическое действие со своими законами, правилами, нормами поведения, неожиданными последствиями, живое народное представление, которое носило не только карнавально-обрядный, развлекательно-смеховой, но порой и серьезно-трагический характер. Отдавая дань традиции европейского, в том числе белорусского средневековья, Гусовский начинает «действие» с почтенным соблюдением сословного этикета. Сперва он описывает охоты королевские (при Сигизмунде I, Александре) и шляхетско-магнатские(случай с Лаврентием). Им он противопоставляет охоты простого народа (облавы при великом князе Витовте). В заключение поэт обращается с молитвой к деве Марии.

В традиционно-иерархической структуре повествования достаточно зримо воплотилась приверженность Гусовского принципу индивидуальной творческой свободы писателя нового времени.

Уяснение классовой структуры Великого княжества Литовского (великий князь, магнаты, шляхта, бояре, крестьяне) и критика братоубийственной и крепостнической политики правящих классов свидетельствуют о наличии в мировоззрении Гусовского элементов социального анализа тогдашних феодальных отношений, аналитическо-критического подхода к социально-историческим явлениям.

Эти черты мировосприятия Гусовского объясняются влиянием самой передовой и прогрессивной для того времени итальянской литературы, в которой аналитичность и социальный анализ как неотъемлемые черты метода ренессансного реализма начали впервые формироваться.

Специфика ренессансного реализма Гусовского еще не нашла должного отражения в славянском литературоведении. Критика существующего строя дается Гусовским в ироническо-комическом и публицистическом ключе, что свидетельствует о богатой поэтической полифонии его произведения. Суть ироническо-комического подхода к изображению событий заключена, думается, в характере понимания поэтом специфики «смехового мира» Древней Руси и Белоруссии. Поскольку настоящие ценности гуманист измеряет отношением к ним народа, то «Песню о зубре» он построил на принципе контраста, антитезы. «Вывертыванию» в какой-то степени подвергается сначала литературная традиция, а затем и реальный мир.

Гусовский не юродствует. Отмечая, что он «не ровня римским писателям», поэт тут же иронизирует над литературной традицией Запада, ее представителями, эпигонски увлеченными античной мифологией:

Мне ли робеть, говоря о трофеях Дианы
Или одной из сподвижниц богини охоты?
Может не лишне бы здесь описать мне и лук
Аполлона,
Стрелы, что смочены кровью пронзенного зверя?
Все воспевают Юпитера или Юнону,
Я же, Исуса и бога отца почитая...

Осмеянию подвергаются развлекательные охоты при королях Александре и Сигизмунде I. Свое ироническое отношение к трагическому случаю — нападению разъяренного зубра на помост, откуда княжна Елена, жена великого князя Александра, со свитой обозревала охоту,— Гусовский выразил неожиданным образом — переносом мысли в совершенно другую сферу, «любовную»:

Ловкий амур, на сосне вековой примостившись,
Лук натянул и прицелился в сердце. Бескровно,
Как тебе нужно, играй, шаловливый мальчишка,
Только не в пуще...

Горько-обличительный смысл этому в целом реалистическому эпизоду придает и то, что, показывая охоту как развлечение королей, поэт сочувствует мучениям зубра, здесь же говорит о голоде в княжестве и рабском положении крестьян.

Гусовский овладел сокровищами белорусского народного юмора, принципами его обличительного воздействия. Об этом свидетельствует рассказ о смерти шляхтича Лаврентия, написанный в стиле бытового анекдота:

Хоть расстояние было до зубра большое,
Страх поразил человека; несчастный с мушкетом
Так, как стоял, и скончался, сраженный испугом.
Все удивлялись, когда он был найден, остывший,
Как малодушного страх убивает. И там же
Припоминали, как взгляд василиска опасен...

Оригинальность поэмы Гусовского в том, что художественный «образ» могущественного царя белорусских пущ показан в связи с природой и конкретной социально-общественной атмосферой Белоруссии и Литвы, их современным и прошлым. Отсюда ассоциативная параллель с историческим образом великого литовского князя Витовта.

По убеждению В. Колесника, поэт рисует зубриное стадо как праобраз «идеального коллектива, даже общества, какую-то богатырскую дружину, которая руководствуется принципами военной демократии. В стаде — равное право на власть, натуральная зависимость слабых от сильных и строгая обязанность сильных охранять всех, отдавать свой опыт и силу на общую пользу и добро»[34].

Принять этот вывод мы не можем. В. Колесник опирался в своих суждениях на неточно переведенный И. Семежоном фрагмент «Песни о зубре» и стал «жертвой» неудачного перевода:

Там у іх выручка: гуртам за кожнага ў статку,
Кожны ж — за гурт і за ўсіх, беспарадкаў ніякіх (?)
Дужы са слабым уладай дзяліцца не стане.
Права царова над статкам на пашы і ў спрэчках
Даў яму вопыт (?), набыты магутнаю сілай (?)

---

[34] Калеснік Уладзімір. Зорны спеў. Літаратурныя партрэты, нарысы, эцюды. Мінск, 1975, с. 98.

В духе фольклорной идеализации и ренессансной поэтики в оригинале сказано: «Молодняк растет и вытягивается в большое стадо. Лагеря свои защищают общею силой. Настоящее спокойствие создается лишь наличием стража. Право на господство имеет тот, кто выделяется красотой и силой. Самцы часто к власти стремятся, проливая много крови». Хотя «у остального стада нет страха перед угрозой смерти, не раз допускали стада исключенных быков» [35].

Здесь может подразумеваться ранний период истории Великого княжества Литовского. Миндовг, Ягайло, Витовт, Свидригайло в борьбе за великокняжеский престол нередко оставляли пределы отчизны. Художественная же сущность картины выражена достаточно точно: зубр-самец действительно метит свою территорию, иногда отправляется в «далекие края». В приведенном отрывке нет проповеди «равного права на власть», нет идеи всеобщего благоденствия и, следовательно, «модели идеального общества». На наш взгляд, здесь другое: продиктованные реальными условиями жизни поиски поэтом оптимальной сообразности устройства политического федеративного государства. В условиях заключения уний между Польшей и Великим княжеством Литовским, господства Ягеллонской династии на польском троне идеи гуманиста приобретали особую значимость.

Идеал свободной, гармонически развитой и героической личности, проповедуемый поэтом, был враждебен «абстракции *политического государства»* [36]. С этой целью Гусовский трансформирует в художественном плане конкретные, классические примеры не только из жизни вечно живой природы, но и из истории Великого княжества Литовского. Он творит свою художественную модель мира, частично ищет ее в природе, где господствует естественная гармония. Это закономерно, ибо измерение значимости общественных явлений законами живой природы — типично ренессансный подход к оценке дей-

---

[35] Crescit et in magnum suboles extenditur agmen
Et sua communi castra tuentur ope,
Certa quies in spem tantum custodis initur,
Qui ferus ante alios circuit omne pecus,
Jus habet imperii, qui forma et robore praestat.
Regna petunt multo sanguine saepe mares.

[36] Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 255.

In medio quondam populo spectacula Rome,
Congessit nuper forte uidenda mihi.
Dum fera dimissi miscebant prelia Tauri,
Densa relaxantes corpore tela suo.
Et magis accensa famulis pungentibus ira,
Versabant celeres, cede frequente uiros.
Cumq; ego mirarer, quantum feritatis habebat
Plausibus accensus uulneribusq; furor.
Inuadit in socios arctoe mentio sylue.
Quesitus cepi dicere multa palam.
Venatus narro uarios, & magna ferarum
Robora, sed nocuit libera lingua mihi.
Nam datus hic nobis labor est, ut dicta referrem
Carmine, quod raptim condere iussus eram
Et si uera loqui fas est, non sponte bisontem
Scribimus, inuisam terribilemq; feram.
Que titulos tollens humano sanguine, solis
Cedibus arctoi nota sub axe poli est,
Et mihi tam turpes obicat sepe timores
Vt spueret nostram p'cbs inimica fugam.
Plebs aeterna minus, sed nunc maiore periclo,
Sunt coram doctis arma regenda uiris.
Aut igitur tanto cogar sub pondere labi,
Aut nimis ingrate mentis inire notas.
Ne tamē iniussi monitus, cui maxima queq;
Debeo posthabeam, ne data iussa morer.
Non uacat ingenij suum perpendere fontem,
Offero quod sterilis reddere possit ager.

Страница из поэмы «Песня о зубре» Н. Гусовского, изд. 1523 г.

ствительности, впоследствии развитый и углубленный французскими материалистами XVIII в.

Мечтая о новых личных, общественных и государственных отношениях, поэт не видел идеального социального порядка в современном ему общественном устройстве.

Сам Эразм Роттердамский славил культурно-политическую деятельность Сигизмунда I, но Гусовский расходится с ним, как и с белорусскими летописцами в их утверждениях о «золотом веке» Великого княжества Литовского. Он искал этот идеал в прошлом, в эпохе великого князя Витовта, которая представлялась ему действительно героической, хотя и не идеальной в полном смысле слова. Гуманист видел спасение в возрождении героических традиций эпохи Витовта, который опирался на служилое сословие, а не на родовитых князей, как это делал Сигизмунд I.

Час свершения героическо-христианского подвига, по убеждению поэта, давно пробил, но мало кто думает об его осуществлении для своего народа. Вот в этой альтруистической жажде подвига весь Гусовский. Понятия подвига у Гусовского и Скорины несколько различны: у первого идею подвига олицетворяет воинственный зубр, у второго — тихая труженица пчела, собирающая нектар мудрости. Однако гуманистов объединяет общее — стремление служить своей родине.

Хватит убийств! Возбужденная совесть и разум
Властно велят мне тревогу поднять, ополчиться
Против разбоя. Как долго весь мир христианский
Марс беспощадный купает в крови...

В войнах гуманист видел одну из важнейших причин несчастий и страданий родины, народа. Он предостерегал от политики потакания неприятелю, что может стоить собственной крови, призывал положить конец междоусобицам властителей христианской Европы, проповедовал равенство народов. И здесь он перекликался с Ф. Скориной, который писал: «...христианъская свобода не во грехочинение дана ест, но во другolюбие»[37].

---

[37] Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969, с. 136.

Многие строки полны высокого публицистического, обличительного пафоса:

Совесть земных повелителей, кажется, в спячке,
Все их поступки — увы!— не забота о мире.
Больше всего беспокоит их то, как острее
Меч наточить, чтоб в бою обезглавить другого.
Междоусобные войны и братоубийства —
Все их занятие и увеселенье для духа.
Воины гибнут с обеих сторон в этих распрях.
Что для князей наша кровь, наши слезы и горе?
Им лишь бы править, свое удержать превосходство,
Вот и творят злодеяния — судьбами люда играют.
Наши враги, это видя, смеются над нами...
Непримиримость, вражда между ними и драки
Непостижимы уму, а народы в ответе.
Им ли печаль да забота о благе народном!..
В княжестве нашем по-прежнему зверства и горе.

Постоянные опустошительные набеги крымских татар на земли Белоруссии и Украины, распри местных шляхтичей и волюнтаризм магнатов, войны крестоносцев с Польшей и Литвой, войны между королем Франции Франциском I и королем Испании Карлом V за господство в Европе, наступление Турции — союзницы Франции, разграбление конкистадорами классической культуры ацтеков в Америке, которое замалчивалось или подавалось под знаком открытия новых земель, и другие события будоражили ум и сердце Гусовского.

Поэт-трибун призывал соотечественников задуматься о тяжелом, трагическо-страдальческом положении родины, осознать, что главный бич — это политика «господарей». Автор дает прекрасные образцы гражданской политической лирики:

Мы еще — толпы. Князья же по-прежнему давят
Даже малейшие вспышки волнений в народе,
Разным путем обезглавить стремятся любого,
Кто постоять за закон и за бога способен.

И далее: «Слепая толпа... видящая одних только богов в сияющем небе, едва ли знает, где искать помощи, избавления от мучений» (перевод наш.— *В. Д.*) [38].

---

[38] Caeca turba... refulgentis dum spectat numina caeli,
Vix habet, unde suae fidere possit opi.
Я. Порецкий и И. Семежон переводят это место неточно: «Как только он, наш спаситель, в сиянии неба, глядя на эти деянья земные, находит благочестивых и верящих в слово господне» (см.: «Неман», 1968, № 7, с. 69).

Представители латино-польской литературной традиции (Каллимах, Дантышек, Кржицкий и др.) осуждали нерешительность центральной власти, однако не в интересах простого народа. Кржицкий, например, в поэме «Жалоба религии и Речи Посполитой» (1524) заявил, что «разруху и бунты» в государстве порождает нерешительность короля.

Патриотические настроения Гусовского в отличие от Кржицкого соответствуют общегосударственному патриотизму Великого княжества Литовского. Гуманист не мог не чувствовать новой тенденции в развитии общественно-политического сознания XVI в.— перерастания патриотизма общегосударственного в национальный. Отсюда гражданская позиция писателя — будить национальное сознание своего народа.

Гусовский, как и Скорина, считает оправданным не макиавеллиевский культ властителя, хотя выступает за централизацию власти. Поэтому он не славит действительность в духе галантной концепции земного бытия, характерной для придворной поэзии XVI в., а считает нужным «государям напомнить об их обязанностях, преступно забытых». Это напоминание делается в духе тираноборческих идей, которые так характерны для народных представлений о справедливости, а также для творчества лучших поэтов южнославянского Возрождения, таких, как Марко Марулич, автор поэмы «Молитва против турок», и др. В этом смысле Гусовский пошел намного дальше Скорины. Смелая критика Гусовским морали и феодальной политики господствующих классов, которые довели страну до бедственного положения, и пламенная гражданственность, ярко выраженные в «Песне о зубре», оказали заметное влияние на позднейшее развитие социально-политической мысли Великого княжества Литовского и Польши XVI в. («Об обычаях татар, литвинов и московитов» Михалона Литвина, «Об исправлении Речи Посполитой» Андрея Фрыча Моджевского и др.).

Итак, прямым объектом отражения действительности в «Песне о зубре» является не конкретный человек, как это часто бывает в лирико-эпической поэзии, а зубр, лесные богатства, контрасты белорусского края, но за всеми этими картинами мы видим главного героя — поэта, образ тогдашнего трудового человека, его гражданское

мужество, широту мышления, а за плечами суровую школу борьбы со стихийными силами природы, внутренними и внешними врагами.

Гусовский первым в славянской литературе увидел и отразил начало кризиса феодального строя в Великом княжестве Литовском. Как первый певец природы, труда и свободного человека в белорусской литературе, Гусовский выявляет свою горячую любовь к родной земле и одновременно отчужденность, непримиримость к существовавшим социальным порядкам. Такое восприятие действительности характерно для многих классиков литературы (Ю. Баласагунский, И. Гете, М. Лермонтов, М. Богданович).

Поэт осознал историческую потребность показать и правдиво показал жизнь своего народа на определенном этапе его развития западноевропейскому образованному миру. Однако великая заслуга гуманиста перед своим народом и искусством не исчерпывается сказанным.

* * *

«Песня о зубре» не просто художественный, предназначенный для индивидуального чтения памятник славянской поэзии, в котором автор отразил свою эпоху с точки зрения своего жизненного идеала. Это программное для Гусовского произведение. В нем изложена многогранная эстетическая программа поэта-гуманиста. При чтении поэмы [39] нетрудно заметить, что Гусовский не просто излагает свои эстетические принципы, которыми руководствовался в процессе творчества, что делалось еще со времен Платона, а, подобно Петрарке или Боккаччо в «Декамероне», пытается продуманно обосновать новый художественный метод. Это глубоко знаменательное явление: средневековая литература всегда отдавала преимущество поучительному или познавательному началу. Христианская эстетика не видела в искусстве источника эстетического наслаждения.

Гусовский избрал соответствующую своему главному замыслу форму воплощения. Он вводит образ воображаемого читателя и использует так называемую «раму» —

[39] В переводах Я. Порецкого и И. Семежона эта особенность «Песни о зубре» тонет в многословье и неточности, поэтому используем здесь свой подстрочный перевод.

прием античной поэтики, распространенный в творчестве ренессансных писателей. Использование этого приема обусловило активную гражданскую позицию лирического героя-рассказчика, которая стала в поэме определяющей. Благодаря этому Гусовский легко организует и направляет поэтическую стихию в нужное русло, придает системе философско-эстетических оценок действительности не просто дидактическо-информационный, а просветительско-демократический характер.

Эстетическая концепция поэта соответствует творческому методу ренессансного реализма.

Ренессансный реализм в противоположность античному натуралистическо-мифологическому и средневековому символическому способу отражения действительности начал формироваться в период поворота мировой истории к капитализму. Эпоху ренессансного искусства связывают с Рафаэлем, Рембрандтом, Боккаччо, Рабле, Сервантесом, Шекспиром.

Ренессансное мировоззрение, а значит, и художественное видение мира у Гусовского, как и у большинства гуманистов, довольно противоречивое. Поэт пытается достичь гармонии во взгляде на мир, хотя не обходится без веры в судьбу, традиционные христианские мифы. Слово «фортуна» употребляется в поэме несколько раз, но с характерным для автора акцентом: «Посмотри на поля, залитые кровью, как часто судьба предает мечу народы»[40]. Поведение человека при этом объясняется природой его характера: «Высший страж индивидуальной жизни всегда внутри нас»[41]. Таинственное для Гусовского только в не познанном разумом. Описывая неистовое буйство зубра, поэт мудро утверждает: «Никакая вера не может дать правды»[42].

Исходя из эклектико- и эмпирико-рационалистической философии, типичной для Возрождения, Гусовский затрагивает эстетические проблемы в широком диапазоне: объект, субъект и специфика художественного творчества; правда и условность в искусстве; реальное и идеальное; рациональное и эмоциональное; отношение к

---

40 Respice bellorum rabiem camposque fluentes,
Quam multum gladio fata licere velint
In populo...

41 Maxima inest tantum propriae custodia vitae.

42 Ut nulla et vero possit inesse fides.

традициям; проблема национального адресата и адекватного восприятия читателем мыслей поэта, идей произведения; эстетическая, познавательная и воспитательная функции искусства и др.

Объект искусства, согласно Гусовскому,— сама действительность (жизнь природы, общества, человеческие чувства и т. п.), которая выше и богаче всяких художественных форм. Действительность должна интересовать поэта в первородной сущности («Высшая забота наша— познать природу», «Пусть в моей стихотворной строке страшный зверь зарычит» [43]).

Взгляды Гусовского на предмет искусства находятся в противоречии с принципами христианской эстетики.

Философское обоснование христианского искусства нашло довольно полное воплощение в трактате Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», который был известен и в Белоруссии в XVI в: «...От маловажных предметов вещественного мира можно заимствовать образы, не неприличные для небесных существ» [44]. Отрыв сознания от бытия вынуждал средневековых художников, согласно Ареопагиту, передавать «вещественные светильники — образы невещественного озарения в символах» [45]. Средневековая эстетика утверждала подчиненность земного небесному, следовательно, символ как выражение коммуникативной функции искусства отражает целый этап в развитии художественного сознания человечества.

Специфика литературного труда в представлении Гусовского в том, что создание поэтических произведений есть особый вид человеческой деятельности, проявляющийся в умении обобщать факты реальной жизни в художественных образах, а не в закодированных символах, хотя сам образ может стать общепонятным знаком-символом. Так, раненый зубр — это олицетворение судьбы родного края и одновременно символ его былой мощи.

Гусовский отстаивает принцип интеллектуальной и социальной свободы индивидуального и коллективного творчества: «Я согласен с тем, что каждый должен писать по-своему. Только бы была оставлена свобода так

---

[43] Naturam moresque ferae cognoscere paucis cura sit,
Rugiat in versu bellua dira meo.

[44] Святого Дионисия Ареопагита о небесной иерархии. М., 1846, с. 12.

[45] Там же, с. 5.

творить»[46]. Вслед за Гусовским Беняш Будный («Апофегматы», 1599, 1614) также считал, что духовная свобода личности является важнейшим условием ее существования и плодотворной деятельности.

По мнению Гусовского, искусство поэзии нуждается в трудолюбивом таланте, оно выше простого ремесла: «Читатель, тебе известно, какими перьями я обыкновенно пишу. Я ношу на боку тяжелый от стрел колчан, из которого я вынимаю бумагу... Ты напишешь лучше, я же натяну лук сильнее, и мы сможем стать равными в неравном искусстве»[47]. В средневековье же на художника и поэта смотрели как на ремесленника, исполнителя чужой воли.

Истоки поэзии в сильной, рождающей в душе поэта вдохновение любви к родной земле. Вот почему Гусовский доверяется вдохновению. Рассудок необходим поэту, чтобы справиться с наплывом душевного волнения, трезво оценить явления: «Уж тогда я поведу, читатель, в пущи детства».

Гусовский одним из первых культурных деятелей Центральной и Восточной Европы преодолел традиционное представление античной и средневековой эстетики о поэтическом вдохновении как даре богов. Вдохновение, чувственная интуиция обусловливается, по мнению Гусовского, материальной субстанцией: «Я несу только то, что может родить неплодородное поле»[48]. Феномен творческого процесса поэт считает познаваемым и не сводит его к одному вдохновению, которое, по его мнению, подготавливается всей жизнью художника и является его рабочим состоянием. Великий Петрарка, мировоззрение которого было весьма противоречиво, в трактате «О презрении к миру» только ставил этот вопрос: «Поэзия — грех или священное призвание?»

Подчеркивая, что предлагаемое читателю произведение — результат его собственных усилий, продукт инди-

---

46 Sed subeo, quantum dicere quisque velit,
Dummodo libertas dicendi talia constet.

47 Scis, quibus haec soleo calamis conscribere, lector!
In pharetra pennas porto gravante latus.
Ex hac charta mihi scribenti promitur, ex hac
In subitas caedes stridula tela volant.
Tu melius scribes, ego tendam fortius arcum:
Diversa fieri possumus arte pares.

48 Offero, quod sterilis reddere possit ager.

видуального творчества человека со всеми его сильными и слабыми сторонами, Гусовский тем самым выдвигает принцип индивидуального подхода как новый в художественном творчестве на первый план. Так своеобразно был выражен протест против анонимного авторства в средневековой литературе.

Рационалистическо-материалистический подход Гусовского к роли подсознательного, интуитивного в творческом акте был крупным шагом вперед в художественной концепции гуманиста. Гусовский засвидетельствовал понимание им диалектики взаимодействия в поэзии категорий рационального и эмоционального. Автор «Песни о зубре» выступает одновременно и как носитель страстного гражданского чувства и как аналитик.

Одна из важнейших особенностей поэтического творчества, согласно Гусовскому, заключается в умении того или иного писателя чувствовать меру, пропорцию, соответствие формы и содержания, единство общего и единичного. «Нельзя пользоваться примерами, которые затягивают произведение», «Не выпускай пустых слов, им никто не поверит»[49]. При описании, например, зубра Гусовский считает желательным «сравнение великого с маленьким». Он сравнивает голову зубра с головой косматого козла. Поэт придерживается аристотелевского учения об эстетической мере как критерии прекрасного.

Художник достигает цели тогда, считает поэт, когда придерживается принципа самоограничения в рамках главной темы. Самоограничение (не ограниченность) выступает у него как форма утверждения субъекта. Поскольку перед нами песня о зубре, то понятна забота поэта: «Зверь должен мной быть описан ранее всего»[50]. Богатство материала, тонкое знание предмета не дают права автору нарушать «гармонию песни» и переступать границу художественной правды: «Я мог бы рассказать о зубре все, но не знаю, насколько объемной была бы книга»[51]. Поэт обязан четко представлять, таким образом, какие цели и задачи преследует его произведение.

---

49 Non licet exemplis ad rem facientibus uti
Nec caritura fide perdere verba iuvat.

50 Ante prior conficienda fera est.
...Et super hac possem commemorare fera,

51 Vix aliquem liceat verbis imponere finem
Nec scio, quam longus debeat esse liber.

В «Песне о зубре» Гусовский высказал интуитивное понимание поэзии как воссоздания новой, художественной действительности. В его поэме нет философского обоснования теории отражения вещей в искусстве, которое вопреки оригиналу домысливает за Гусовского И. Семежон: «Искусство, видимо, и условность и в значительной мере природа» [52].

Поэт интуитивно понимал структуру поэтического мышления так: объективность и субъективность, ассоциативность, продуктивное воображение. Например, в посвящении «Песни о зубре» Боне Сфорца он рассказывал об истории создания произведения: папа Лев X попросил дипломатов доставить чучело зубра в Рим, а Вителлиус — Гусовского описать зубра. В самой же поэме не упоминается об этих просьбах, а в форме, типичной для ренессансной новеллы, дается описание корриды в Риме, рассказ поэта о белорусском зубре, желание друзей услышать это в стихах. Другой пример. Как опытный охотник Гусовский не мог не знать, что зубр-самец не водит стадо, а вождь стада — всегда зубрица. Но в поэме образ зубра — предводителя стада понадобился в целях создания ассоциативной образной параллели: зубр и воинственный князь с дружиной.

Правдивость отражения действительности — высший принцип подлинного искусства, главное мерило его эстетической и общественной значимости. Святым правилом, по мнению Гусовского, является осознание творцом и читателем истоков художественной правды, которые суть опыт, человеческая деятельность. Поэтому создание высокохудожественного произведения, по убеждению Гусовского, невозможно без наличия необходимого жизненного опыта, достоверного знания предмета изображения и адресата произведения. С целью иллюстрации этих положений Гусовский рисует «автопортрет», покоряющий своей искренностью.

Лирический герой стремится убедить читателя, что тот может доверять ему, потому что объект и субъект искусства здесь породнены самой природой:

Сызмальства я постигал от отца-звероловa
Шагом бесшумным прочесывать дебри лесные,
Зоркостью глаза зверей подмечать по берлогам...

---

[52] Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра. Пераклаў Я. Семяжон. Мінск, 1973, с. 48; «Полымя», 1969, № 6, с. 85.

Сколько потов он сгонял с меня в зимнюю стужу,
Копья метать заставляя с плеча при разбеге!
Сколько смертей перевидел я, лая собак переслышал
В детстве, пока меня, сына, учил полесовщик!

Исповедь поэта — ранний образец создания и включения в светскую поэзию восточных славян биографического жанра. Самоанализ, предельная искренность, самовыявление — все это свидетельствует о знакомстве Гусовского с популярной в свое время «Исповедью» Аврелия Августина, послужившей примером для «Истории моих бедствий» Петра Абеляра, и «Новой жизнью» Данте.

Гусовский осознавал себя представителем новой литературной традиции, ренессансного реализма. Именно выстраданный духовный опыт, жизненная закалка открывают каждому художнику возможность сказать в литературе свое слово: «Продолжительный опыт в охоте и трудные годы моей жизни имеют пользу», хотя «я нисколько не равен римским писателям»[53]. Отсюда для него правда и художественность — понятия тождественные: «Высший смысл искусства лесного человека не красивые слова, а правда»[54]; «Я рассказываю только то, что очень часто на глазах происходило и было мною не раз испытано»; «Не следует мне смешивать вымысел с правдой»[55]. Лирический герой Гусовского не пассивный и далеко не примитивный практик: «Не сомневаюсь, многие меня упрекнут за вымысел»[56].

Не громогласно демонстрируя свой литературный опыт, уважение к мировому духовному наследию, поэт называет дополнительные исторические источники, из которых он черпал материал для поэмы: античная и средневековая классика, «русские» книги, народные предания, юридические документы, обычное право белорусского народа. Гусовский впервые в белорусской культуре поднял проблему получения информации о мире и дал рационалистически-целостную интерпретацию духовного опыта человеческой жизни. Его, как и Скорину, глубоко

---

[53] Quidquid erit, longus venandi proferet usus et labor ac vitae tempora dura meae... quamvis scriptoribus impar Romanis.

[54] Artis et haec summa est: silvestris parcius egro
Dissona, qui legitis, carpite viri.

[55] Nec miscenda mihi est tam certis fabula rebus.

[56] Nec dubito, multi me fingere plurima dicent.

волновали закономерности наследования мировой и национальной культурных традиций.

Белорусский гуманист не пытался избегать в своем творчестве влияния античной мифологии. Находясь в Италии, он не мог не видеть, что европейский читатель воспитывал свои вкусы на классическом наследии. В поэзии Гусовского не однажды появляются образы-символы античного пантеона: зубр напоминает Гаргону, война выступает в образе Марса, осенние игры зубров представляются «праздником Венеры»; есть в поэме «лук Аполлона», «стрела Амура», античные боги Диана, Юпитер, Юнона. Однако певец иронизирует и осуждает чрезмерное увлечение западных поэтов античной мифологией и требует рационально-творческого использования богатого духовного опыта античности: «Только далекие от правды в песнях своих всегда повторяют ошибки древних» [57]. Опыт античных писателей, по мнению Гусовского, безусловно ценен, если учитывать дистанцию времени, поколений. Каждая эпоха делает переоценку культурного наследия прошлого. Описывая зубра, он ссылается лишь на «Естественную историю» Плиния Старшего, «Лангобардские деяния» Павла Диакона, хотя был знаком и с творчеством Овидия, Вергилия, Аристотеля, Цицерона, Платона, Ликурга, Сенеки, Эпикура [58].

И хотя зубра описывали многие античные и средневековые писатели, Гусовский называет немногих, тех, что были близки ему в плане выявления национальной традиции. Следовательно, античная и средневековая классика, по убеждению Гусовского, не воспринимается художником в отрыве от национальной культурной основы. Создать что-либо значительное он может, лишь усвоив частицу мирового опыта как своего, личного. В этом смысле для Гусовского искусство неотделимо от профессионализма. Он подводит читателя к мысли, что с момента формирования общеевропейского литературного движения в эпоху Возрождения в силу неразвитости науки каждому новому великому писателю приходится быть не

---

[57] Qui procul a vero studiis desueta secuti
Errores veterum carmine semper alunt.

[58] Варанавичюс А.-А. Общественно-философская мысль эпохи Возрождения в Литве в начале XVI в. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1974, с. 16.

только художником, но и ученым, чтобы оригинально развивать и восполнять то, что не стало уделом забот его предшественников. Только тогда картина жизни своего народа получится исторически целостной.

Критически осмысливая процессы развития европейской культуры и литературы XVI в., Гусовский правильно заметил, что главным их лозунгом было обращение к античности, а положительным качеством — профессионализация искусства. Знаменательно, что перспективу развития искусства он видел не в утрате доступности, а в приближении его к жизни народа.

Переоценка духовных ценностей прошлого — для Гусовского главная отправная точка (рядом с собственным опытом) для определения литературной теории.

По отношению к античному и средневековому наследию Гусовский был мыслителем типа ученых итальянской школы, впервые использовавших критический подход в работе над источником. Он не принял теорию происхождения литовцев от римлян, широко распространенную в его время, иронически отнесся к увлечению европейских ученых и писателей идеями о происхождении славян от сарматов, искал основы славянского братства не в мифах, а в этническом родстве, близости исторических судеб народов. В споре об отношении новой литературы к античному наследию Гусовский был на стороне новейшей европейской литературной традиции, представители которой ориентировались на саму жизнь. Во всем этом мы видим прежде всего величие творческой индивидуальности поэта, проявление плодотворного влияния на него идей итальянского Ренессанса и закона преемственности национальной литературной традиции.

Определяя художественный метод «Песни о зубре» и «Прусской войны», можно говорить не только о ренессансном реализме, но и первом, стихийном этапе ренессансного классицизма. Его нельзя путать с французским классицизмом, суть которого в канонизации художественных принципов, норм и т. п. В эпоху Возрождения подобной канонизации норм не было. Скептицизм Николая Гусовского по отношению к античной мифологии не следует связывать только с его идеологической установкой как католика, ибо тогда необъяснимо обратное — рациональное использование католиком Гусовским образов античного пантеона.

Гусовский был одним из первых восточнославянских деятелей — популяризаторов «русской» культуры на Западе. Глубоко знаменательно, что по значению для литературного творчества после лично пережитого, приобретенного он рядом с античным наследием поставил русскую и белорусскую книжность: «Мир древних изучал я по книгам русским, алфавит которых отмечен буквою греческой, что народ наш когда-то взял для собственной пользы и со звуками говора отечественного соединил»[59]. Это признание Гусовского говорит о том, что в белорусской культуре XVI в. существовала любовь к античному культурному наследию, жило понимание его великой интеллектуальной ценности, а русская древняя книжность не ставилась враждебно к культуре Эллады.

Какие же из «русских книг» имеет в виду поэт? На наш взгляд, это издания Ф. Скорины и «Повесть временных лет», «Пчела» и «Менандр», «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о полку Игореве», русские и белорусско-литовские летописи, а также, возможно, и другие произведения, которые до нас не дошли. Вопрос о влиянии традиций древнерусской литературы на творчество Гусовского не изучен в литературоведении. «Песня о зубре» дает исследователю простор для типологического и даже, на наш взгляд, прямого сопоставления со «Словом о полку Игореве»[60].

Оба автора призывали к объединению народов (один — всей Руси, другой — европейских стран) перед лицом вражеской опасности и ликвидации междоусобиц князей и магнатов. Эти произведения относятся к лирико-эпическому жанру, в которых личность художника выявляется особенно ярко. У обоих авторов, отличающихся повышенным интересом к истории своих народов, преобладает эстетическое восприятие природы и историческое осмысление изображаемых событий, незначитель-

---

[59] Multa ego Roxanis legi antiquissima libris,
Quorum sermonem graeca elementa nonant.
Quae sibi gens quondam proprios adscivit in usus
Et patrios apte miscuit ipsa sonos.

В переводе «Песни о зубре» Я. Порецким и И. Семежоном первая строка переведена неточно: «Древний наш мир изучал я по книгам славянским, грамотам русским...»

[60] Подробнее об этом см.: Дарашкевіч В. І. Традыцыі «Слова аб палку Ігаравым» у беларускай літаратуры XVI ст.— «Весці АН БССР. Сер. грамад. навук», 1976, № 6, с. 76—84.

ное влияние христианской эстетики по сравнению с народной.

В «Слове» по существу впервые в литературу Киевской Руси вводятся описания природы, ее красоты в таких широких масштабах. В «Песне о зубре» они впервые так емко и легко вводятся в художественную литературу Восточной Европы нового времени с позиций эстетического восприятия отдельного человека.

В композиционном строе поэмы Гусовского чувствуется влияние не только так называемой античной «рамы», как мы уже отмечали, но и формообразующих принципов «Слова».

«Слово» — это героическая песня-повесть о новгород-северском князе Игоре с одновременным соединением в ней многочисленных экскурсов о других князьях и землях Руси.

«Песня» — это героическая поэма о могущественном зубре, в которой много вставок об обычаях, быте, культуре, прошлом Белоруссии и Литвы.

Оба произведения состоят из четких вступлений, основной части и заключения. Манера повествования у них очень схожая. В произведениях очевиден факт литературной полемики.

Автор «Слова» считает себя представителем новой литературной традиции и ведет постоянную — то с иронией, то с сарказмом — полемику со своим предшественником, авторитетным поэтом XI в., «соловьем старого времени» Бояном. Автор «Слова» нигде не называет себя вещим, «Боян же вещий».

Гусовский буквально с первых строк снимает с поэта ореол божественности, характерный для античной и средневековой эстетики, и полемизирует с эпигонами античности.

Языческая славянская символика, хотя и является для автора «Слова» следствием органического, народного восприятия мира, однако он не столько мифологизирует действительность, сколько превращает ее поэзию в «первобытный душистый цветок» (В. Белинский). Гусовский, как и автор «Слова», умело и экономно использует в «Песне о зубре» образы античного пантеона и местные легенды, языческие мифы, избавиться от которых полностью он бессилен, потому что впитал их с молоком матери. Для Гусовского, как и для большинства

гуманистов, античный миф, образ, символ — дополнительные средства, формы раскрытия темы.

Несколько примеров возможного влияния «Слова» на образную структуру «Песни о зубре». Это, во-первых, типичная для Древней Руси «эстетика пространственных отношений», «ландшафтного зрения»[61] и дедовской славы как эталон измерения поступков и действий героев и их идеализации «высотой небесной и глубиной морской».

Между князем Всеславом Полоцким, героем «Слова», и великим литовским князем Витовтом, выведенным в «Песне о зубре», ощущается явная параллель. Образы их гиперболизированы в духе народного эпоса.

Трагичен образ князя Всеслава-чародея, о котором вещий Боян говорит: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать». Всеслав «на седьмом веке Трояна кинул жребий о девице ему милой» и мог «хитростью опереться на коней» и «сигануть» лютым зверем то к Новгороду, то к Тмутаракани. Но одновременно в устах автора «Слова» «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил».

«Слово» осуждает и восхваляет трагическое поражение князя Игоря как рыцарско-христианский подвиг. Гусовский также отмечает, что богатырь Витовт

В годы, когда убывающим силам отчизны[62]
Нужен был подвиг, и он беспредельные пущи
Лагерем сделал и ратников к битвам готовил.
В мирное время он войны предвидел и рати
В схватках со зверем в лесу закалял, как в сраженьях,
Их на охоте терпеть заставляя невзгоды.
Он, миротворец и факельщик войн, двуединый
В облике князя — своим палашом обнаженным
Ставил препоны врагам и далеким, и близким.
Даже татарин, покорно склонившись, учтиво
Сломанный лук свой ему отдавал...
В счет принимал он лишь тех властелинов, которых
Сам назначал и Орду подчинял по желанью...
Турок, и тот подносил ему часто подарки...

---

61 Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, с. 27—70.

62 Первая строка в оригинале звучит иначе: «Такими способами острый ум сурового Витовта укрепил ослабленные силы родины» («Talibus inventis duri mens alta Vitoldi attritas patriae constabilivit opes»).

Гусовский, как и автор «Слова» и Владимир Мономах в «Поучении», видел в охоте не забаву, а тяжелый, нужный ратнику и высокочтимый в тогдашнем обществе труд. Поэт упоминает исторические охоты, проведенные Витовтом и Ягайло в 1409—1410 гг. в Беловежской пуще накануне Грюнвальдской битвы с целью проверки боевой готовности сил и заготовки мяса.

Важнейшая черта этого князя, по мнению поэта,— справедливость:

Сам справедливый, он страстно любил справедливость,
Тонким чутьем мог угадывать правды приметы.
Подлый обман перед ним трепетал и сдавался.
Сам выносил приговор, и виновники сами,
Как утверждают, покорно вину сознавая,
К смерти стремились — скорее веревку на шею...
Страшный исход постигал осужденных: обычно
Их, облаченных в звериную шкуру, бросали
На растерзание злым волкодавам...

Правдиво переданы здесь нравы и обычаи того времени. Согласно Я. Длугошу, во время Грюнвальдского похода двое рыцарей Витовта осквернили воровством католический храм. Князь приказал рыцарям самим сделать виселицу и повеситься. «Злым волкодавам» бросали не только зашитых в звериные шкуры преступников, лихоимцев-судей, но и предводителей народных восстаний. Позднее Радзивиллы так казнили соратников Вощило, вождя кричевского восстания (1740—1744).

Поэт говорит и о «высоте небесной» Витовта: «Превыше богатства и счастья земного ставил он духа богатство... первый с народами княжества принял крещенье».

Гусовский — художник реалистического видения мира. Однако отдельные фольклорные приемы — сравнение могущественного зубра с богатырем князем Витовтом, использование жанра народных слав и плачей — несомненно характерны и для «Песни о зубре». Гусовский, как и автор «Слова», королевскую дружину, не способную на великие подвиги, сравнивает с раненым зубром.

В «Слове о полку Игореве» устами Святослава сказано: «Наниче ся години обратиша», т. е. плохие времена пришли. «Былые победы Руси противостоят печальной современности автора «Слова» [63]. Эту «перевернутость»

[63] Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси, с. 57.

мира, противопоставление времени «нанешного» идеальному прошлому, желание вернуть былую славу мы видим и в «Песне о зубре». Гусовский не видел идеального властителя в современном ему короле Сигизмунде I и поэтому говорил:

Здесь, за границами пущ, не шумит твоя слава,[64]
И славословить тебя нелегко, но и все же осмелюсь
И о делах твоих ратных сказать, если силы мне
хватит.
Нам бы спокойная жизнь, а досуга — не жалко.

Подобное есть и в «Слове»: «Спев песень старым князьям потом молодым петь!».

Не будем приводить многочисленные параллели — описания распрей князей и магнатов и кровавой свободы захватчиков. «Остановим братоубийства, грызню, междоусобные войны!»— властно призывает Гусовский. Это, пожалуй, самые публицистичные страницы в поэме, написанные художником-реалистом, патриотом своей земли. Думается, сказанного достаточно, чтобы утверждать: Гусовский творчески использовал лучшие традиции литературы Киевской Руси. Возможно, он был знаком со «Словом о полку Игореве». Не исключено, что этот памятник был в богатой библиотеке мецената Гусовского Вителлиуса, высокообразованного мужа, собирателя древнерусских рукописей и памятников белорусского летописания. В его библиотеке находился летописный памятник «Origo regis», которым пользовался поэт при создании образа Витовта. Гусовский стремился подвести итог развития белорусской средневековой культуры на древнерусских традициях и наметить новый путь ее развития. Представляется плодотворным вывод, что лучшие памятники древнерусской литературы так же, как и памятники античности, оказали влияние на развитие новолатинской белорусской поэзии.

Для Гусовского необычайно дорогим было чувство преемственности национальной литературной традиции, сама национальная стихия, которая составляла основу его художественного моделирования мира. Отсюда важная связь его философско-эстетических взглядов с народ-

---

[64] Первая строка звучит конкретнее. В оригинале: «Ты велик в лесу...» («Maximus in silva es...»).

ной культурой, обычным правом белорусского и литовского народов. Певец упоминает обычай, имевший силу закона, по которому за убитого в священной роще зверя казнили смертью. (Отметим, что в основу постановления 27 февраля 1538 г. об охране леса и зубров в Великом княжестве Литовском был положен как раз этот обычай.) Гусовского как художника, натуралиста и историка глубоко волновали предания белорусского народа, природа проявления легендарного и фантастического. На многих страницах поэмы автор повторяет: «существует обычай», «в народе говорят» и дает описание народных обычаев. В этом смысле «Песня о зубре» — неоценимый памятник для этнографов, фольклористов, историков.

В народной мудрости Гусовский видит неисчерпаемый источник поэзии. Его отношения к обычаям белорусского народа рационалистические, уважительные, бережные. Это, по его мнению, святая святых, что отличает один народ от другого. Приведем только два примера. Описывая двухсотлетнего зубра, потерявшего глаз в междоусобных столкновениях, Гусовский пишет: «Я сомневаюсь, что столько лет он мог быть сокрытым в лесах. Своего доказательства привести не могу, хотя и многое народные представления на сей счет предполагают».

В другом случае Гусовский удивлен, что деревенский люд смог стреножить зубра у ног Витовта, и высказывает свое отношение к этой «легенде»: «Я, признаться, считал, что такое вряд ли могло быть, если бы старожилы, которые помнят этот случай, не вынудили меня поверить».

Мифологизированное по преимуществу восприятие действительности белорусским народом поэт объясняет сильными рецидивами язычества в крае («такая сила травам и словам и песням присуща под полночным морозом, что кажется мне все это сказками Медеи»), необразованностью простого народа. Родной сын белорусской земли, Гусовский стремился сохранить и развить в народе только лучшее. Он отрицает языческий антигуманный обычай — испытание виновного водой, распространенный в Белоруссии и Литве того периода, хотя как язычник заявляет: «Все же огонь справедливее». Он не согласен с политикой церкви, потому что «христиане

желали бы все (народные поверья, гулянья и т. п.— *В. Д.*) запретить»[65].

Гусовский решительно выступает против тех, кто в XVI в. считал, что ученая латинская поэзия по своему характеру несовместима с творчеством народа. Он положил начало собиранию народной мудрости белорусов («Proverbiorum Polonicorum» С. Рысинского. Любча, 1618 г.) и практически поставил проблему взаимоотношений литературы и фольклора, векового народного опыта.

В «Письмах об изучении природы» Герцен писал: «До Бэкона опыт был случайностью; на нем основывались даже меньше, чем на предании, не говоря уже об умозрении»[66]. Гусовский относился к таким мыслителям, как Леонардо да Винчи, Матвей Меховский, которые еще в эпоху Возрождения предопределяли идеи Бэкона и Декарта о значении опыта в познании мира, о неразрывности бытия и сознания. Гусовский по-новому подходит к вопросу об оценке произведения читателем. Он говорит, что для адекватного восприятия художественного произведения нужен подготовленный читатель: «Тот не представит зверя, кому не пришлось его увидеть», «Я воскрешаю то, что известно опытному в лесах человеку, неопытный вряд ли в наше описание поверит»[67].

Вследствие этого Гусовский адресовал «Песню о зубре» своему трудолюбивому белорусскому народу: «Я оставляю написанное мной для оценки народу, которому забота и тяжелый труд позволил познать такие же дела»[68].

Автор «Песни о зубре» был обязан и связан строгими правилами писать для аристократов и так, чтобы все было «пристойно и достойно сана духовных». Но не это определяет сущность произведения Гусовского. Главное, поэт смог подняться над сословным мышлением и утвердить себя как народный поэт, как выразитель передовых общественно-политических и эстетических взглядов того времени.

---

[65] Christicolae cuncta vetare velint.
[66] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 3. М., 1954, с. 258.
[67] Quae tamen assuetis nemori tam nota revolvo,
Vix apud insolitos sunt habitura fidem.
[68] Omnia transgrediens illis censenda relinquo,
Quis labor assiduus talia nosse dedit.

Своим читателям поэт предлагает мужественные, патриотические эмоции. Больному душой и телом он рекомендует искать спасение не в искусстве, «не ослаблять живот лекарствами, а наблизиться к природе», охоте, физическому труду. Аристократу-эстету, поклоннику поэтической «моды», он заявляет: «В ней (поэме.—*В. Д.*) не ищите ни услаждения жизнью, ни ласк, ни веселья — ключ вдохновения здесь подо льдом, занесенный снегом, нету цветов на таком неухоженном поле».

Таким образом, гражданская и эстетическая оценка событий является мерой отношений поэта к жизни, сливает и синтезирует содержание «Песни о зубре» в стройное нераздельное художественное целое. Стихийно-материалистическая эстетика Гусовского близка к народно-демократической и носит, как и у Ф. Скорины, просветительный характер. В конкретно-исторических условиях эпохи Возрождения, когда не существовало эстетики как науки, она могла восприниматься как определенные рекомендации. В то время, когда у восточных славян зарождалась профессиональная поэзия, Гусовский предложил соотечественникам свою школу поэтического мастерства, которая была школой создания великой, реалистической поэзии жизни. Вот почему мы считаем Гусовского наряду с Ф. Скориной одним из первых зачинателей эстетической науки и литературной критики Белоруссии.

* * *

«Песня о зубре» — одна из самых ранних и удачных попыток создания в литературе Центральной и Восточной Европы действительно высокохудожественной и многоплановой поэтической эпопеи, лирико-эпической поэмы. Поэтому определения этой поэмы как устного рассказа — гутарки, адресованной слушателю (В. Колесник), дидактической поэмы (М. Плезия, Е. Круковский) или анималистического рассказа, на наш взгляд, узки. В ней есть и психологически правдивый образ зубра, и панорама природы (анималистическо-экзотический аспект), и зарисовки быта, обычаев, и предания белорусского народа (этнографический аспект), и призыв к объединению европейских народов перед лицом вражеской опасности (публицистический аспект) и т. п. Все эти

аспекты объединены писательским «я». И как бы ни были размыты жанровые границы «Песни о зубре», именно жанр лирико-эпической поэмы счастливо поглощает все отмеченные аспекты ее содержания. Причем в начале XVI в. в литературе Центральной Европы не существовало классического образца такого жанра.

Справедливо, что никто из предыдущих исследователей не относил «Песню о зубре», написанную элегическим дистихом, к жанру элегии. Но в античности, богатыми литературными традициями которой питалась литература Возрождения, системы стихосложения и жанры не разделялись.

Согласно Гегелю, «элегия, как гражданская, так и эротическая, по всему своему тону уже более лирична, хотя в форме гномической элегии она еще очень близка эпическому выявлению... так что ею почти исключительно владеют ионийцы, у которых верх всегда оставался за объективным созерцанием» [69]. Элегия, по Белинскому,— «песня печального содержания». Содержание и стихотворная форма элегии сближали ее с эпосом (гекзаметр) и лирикой (пентаметр), художественный язык элегии был близок к эпическому стилю.

Атрибутика, художественные компоненты античной элегии свойственны и поэме Гусовского, в которой лирическое соизмеряется эпическим, общезначимым, общечеловеческим. Гусовский в работе над «Песней о зубре», видимо, ориентировался на античную элегию. Однако стихотворная элегическая форма поэмы не явилась определяющим компонентом ее жанра. Перед нами типичный поэтический «взрыв». Страстность чувства, богатство содержания произведения как бы «взрывают» заданную ей стихотворную форму, которая под воздействием многих факторов начала деформироваться уже в процессе работы автора над воплощением замысла. Среди факторов, способствовавших отходу Гусовского от канонических форм элегии, и сама эпоха, когда эстетические нормы были слабо разработаны и не сдерживали полета творческой мысли, и задача введения истории и культуры Белоруссии в летопись гуманистической культуры Европы, и ясная авторская позиция.

---

[69] Гегель. Эстетика, т. 3. М., 1971, с. 531.

Формально «Песня о зубре» соответствовала требованиям античных и ренессансных поэтик (Аристотель, Гораций, Скалигер), согласно которым объем элегического стиха, как правило, не должен был превышать трехсот-четырехсот строк, затем стих переходил в «эпос», песню. «Песню о зубре» по художественному своеобразию некоторые исследователи ставят ближе к античным шедеврам (Е. Круковский, И. Голенищев-Кутузов). К. Баквис видел в высоком художественном уровне поэмы проявление барочного, индивидуального стиля писателя[70]. На наш взгляд, эти интересные утверждения нуждаются в определенных коррективах.

Великие гуманисты видели в античной поэтической традиции школу литературной выучки, но утверждали себя как писатели нового ренессансного мировоззрения. Скрупулезный анализ «Песни о зубре» позволяет увидеть и случаи отступления поэта от метрики и просодии античного стихосложения (Пельчар).

Тип же ренессансного художественного мышления, давший жизнь новой реалистической традиции, был выше натуралистически мифологизированной интерпретации сущего античным писателем и более цельным, чем тип барочного художественного мышления. То же можно сказать и о художественно-стилистических уровнях как разных глубинах проникновения в действительность. Чем глубже, реалистичнее писатель исследует жизнь, тем более точным должен быть его художественный стиль.

Гусовский в своей поэме выступил как представитель и интерпретатор метода ренессансного реализма, создатель художественного стиля в литературе Белоруссии XVI в., возникновение которого, на наш взгляд, следует связывать еще с Возрождением, а не с барокко.

Стиль в средневековой литературе не осознавался как авторский и был лишь признаком жанра. Гусовский первым из восточнославянских гуманистов осознает свой стиль как плод усвоения определенной национальной и мировой культурной традиции и как продукт естественного выражения поведения писателя, самовыявления его личности, что характерно для литературы эпохи

---

[70] Bacvis C. Nicolas de Hussów, s. 40—72.

Возрождения, породившей людей сильных страстей и титанов мысли.

Стих в «Песне о зубре» подчинен предмету разговора, а не наоборот, как в элегии. Он богат элизиями, аллитерациями, ассонансами, использованием внутренних рифм. Рифма была нехарактерна для классической поэзии. В «Песне» сказалось влияние народной поэтики:

Multaque complexi loca sunt, diversa vetusti
Per varias gentes temporis, acta ferunt...
Quae tota nunc mente peto, magnoque labore
Jnsequor et variis retia tendo modis.

Гекзаметры делают дыхание поэмы более оживленным, чем пентаметры. Но автор не избегает ни спандеических, ни дактилических стоп. Ф. Прокопович писал в «Поэтике» (Могилев, 1786): «Медленный ритм... создают одни спондеи, быстрый — одни дактили, а смешаный — соединение тех и других». С помощью ритмического рисунка (перенос слов в строках, элизии, аллитерации) Гусовский делает строку порывистой и напряженной, в которой будто слышны прыжки разъяренного зубра, топот лошадей, бряцание оружия:

Jem venatores torvo gravat aspera visu.
Attendens, qua se densius agmen agat.

Стихотворная структура «Песни о зубре» находится в единстве с ее образным строем. Поэтический словарь ее фактически очищен от вульгаризмов, немногословен, прост, свеж и точен. Конкретно-вещественные образы богаты подтекстом, объемностью изображения благодаря использованию богатой палитры языково-изобразительных средств. Поэт овладел в равной мере системой образного мышления эпика и лирика. Здесь контраст-ассоциация (сравнение произведения с леденящим полем), иллюзия (зубр—родина), метафора («под копытом земля стонет», «мыслью лететь на родину»), литота («зубр носит перед собой косматого козла»), метанимическое обращение («не зверь, а туча снежной пыли»), пословица и поговорка, сочный народный фразеологизм («язык мой — мой враг», «разбухнет живот от пойла»), сравнение («зверь, как порывистый ветер», как «страшный ураган»), постоянный и экспрессивный эпитет («конь

быстроногий», «сила нечистая», «лес дремучий»), приемы ораторской речи, риторические вопросы («Кто в мире свободен, чей меч не стекал нашей кровью»), молитва (заключение поэмы) и т. п. составляют единую стихию поэтического мира «Песни о зубре», ее изобразительную пластику.

Новое мировосприятие, изобразительные средства способствовали и освоению поэтом приемов типизации ренессансной литературы: индивидуализация, конкретность образа, противопоставленная средневековой абстракции, идеализация, зачатки социального анализа явлений, создание внутреннего подобия образа, портрет, пейзаж, композиционная градация и др.

Реалистические описания картин охоты иногда имеют натуралистический оттенок (описания схваток зубра со всадником). И это далеко не случайно: натурализм явился одной из переходных форм к ренессансному реализму. Однако художественные образы «Песни» уже немыслимы без точной реалистической детали:

Дело одно на ретивом коне по равнине
Гнаться со сворой за зверем, но дело другое —
По лесу гнаться, где всякое может случиться.
Где-то колода гнилая, кротовые рытвины, ямы,
Норы барсучьи иль пни, занесенные снегом,
Скользкая лужица — глядь, и споткнулся саврасый.

Немаловажный аспект лирико-эпической поэмы составляет патетика. В «Песне о зубре», как и в «Слове о полку Игореве», патетика носит героическо-христианский характер.

Кроме того, поэма Гусовского сближалась и с новеллой бытового плана. Не случайно сам поэт оценивает свое произведение как «лесной рассказ». Эпическим картинам великокняжеских, шляхетских, крестьянских охот поэт кое-где стремился придать дифференцированную художественно-языковую окраску, учитывая античное учение о «трех стилях», которое стало определяющим в эстетике барокко. Однако в целом в «Песне о зубре» преобладает авторская речь.

Вот яркий пример мастерского слияния элементов возвышенно-патетической и бытовой стихий:

Ветер подул, и заливистый лай из чащобы
Слышится громче. О, сколько страстей возбуждает
Голос охоты! Как трепетно сердце внимает
Шуму в вершинах деревьев...

Каждый торопится делом охоты заняться,
Члены свои натрудить неустанной ходьбою.
Как же в лесах полумрачных к такому труду не
прибегнуть...

Высмеяв всех эскулапов, охотник тем самым
Юность свою продлевает, к тому же микстуры —
Не единичное средство, бодрящее тело.
Пьешь это пойло науки, живот разбухает,
И опасаешься, как бы не лопнул от зелья.

От синтеза стилей — повествовательного, патетического и юмористического — поэма Гусовского только выигрывает. Гусовский, например, рисует впечатляющую картину хаоса Вселенной, «отвратительного ужаса времени» («tam teter temporis horror») — образ кризисного состояния мира при переходе от средневековья к Возрождению (в типологическом сравнении это то же, что «ад» в «Божественной комедии» Данте или чума в «Декамероне» Боккаччо). Пафос правды — ликвидировать хаос во Вселенной — достигает апогея по существу только во второй части и в заключении поэмы, «после десятков страниц спокойного рассказа». (Этого позже требовал Н. Чернышевский от реалистов, увлекавшихся пафосом.)

И еще одна особенность. Поэтический талант Гусовского окончательно сформировался в Италии в эпоху нисходящего Ренессанса. Родина же поэта, с которой он не порывал связей, делала важные шаги в переустройстве старой культурной надстройки. Особенности культурно-литературного развития этих стран определенным образом сказались на его стиле. Поэтому мы видим в «Песне о зубре» предвосхищение и стихийное проявление отдельных черт барочной литературы: резкий контраст, соединение аллегории и персонификации в одном образе.

Восприняв лучшие традиции ренессансного стиля, народного эпоса, древнерусской эстетики, Гусовский смог связать свое творение с «наиглубейшим миросозерцанием, моральными вопросами человечества» (В. Белинский), с высшими героическо-драматическими моментами национальной и европейской истории. В его произ-

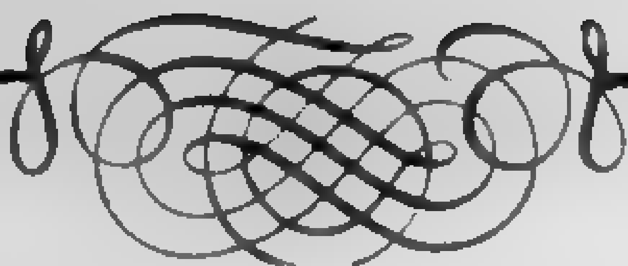
ведении фактически происходит акт самопознания белорусского народа («мы — еще толпы») в один из драматических периодов его существования.

«Песня о зубре» открыла Белоруссию и Литву Западной Европе, показала богатый мир переживаний человека за судьбу христианской Европы. Автор поэмы стремился развить эстетические вкусы своего талантливого народа.

Поэма Гусовского «Песня о зубре» стоит у истоков жанра лирико-эпической поэмы в литературе Центральной и Восточной Европы, а ее автор — основатель ренессансной реалистической традиции в восточнославянской поэзии.

Новолатинская литература Белоруссии XVI в. и Гусовский как ее наиболее яркий представитель является в нашем литературоведении тем важным звеном, которое дает ключ к правильному, полнокровному пониманию своеобразия Возрождения в Белоруссии.

Только через четыре столетия европейская слава и признание нашли творца, а его мечта соединить жизнь со своим народом осуществилась. Имя Николая Гусовского ЮНЕСКО внесла в календарь международных дат великих деятелей славянской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Латинская образованность и литература были существенным фактором культуры восточных славян и литовцев. Наибольшего расцвета в Белоруссии и Литве, как и в западнославянских странах, достигла в первой половине XVI в. новолатинская поэзия, которая составляет неотъемлемую, органическую часть общего литературного наследия белорусского и литовского народов эпохи Возрождения. Без ее изучения нельзя всесторонне раскрыть общественно-философскую мысль Белоруссии и Литвы того времени и, главное, создать объективное представление о гуманистической культуре восточноевропейских народов как исторической целостности.

Латинская гуманистическая литература Белоруссии — закономерный и значительный продукт определенного культурно-исторического процесса. Возникновение и своеобразие ее обусловлены характерными и специфическими причинами возникновения Возрождения в Белоруссии, которое синтезировало в своем становлении местное, греко-византийское и западноевропейское культурные течения. Немаловажным ускорителем возникновения новолатинской поэзии Белоруссии явилась литературная традиция Запада, и в частности отражение в творчестве западноевропейских писателей «литовской» и «русской» темы. В белорусском обществе назрела потребность осмыслить свое прошлое и настоящее, ввести историю и культуру своей страны в летопись гуманистической культуры Европы. Поэтому белорусские гуманисты обратились к латинским музам, чтобы выразить эту историче-

скую необходимость. Творчество поэтов-новолатинистов содействовало приобщению белорусской культуры к мировой. Как на «русской», так и на латинской языковой основе формировался славяно-литовский культурный синтез, происходило плодотворное сотрудничество белорусского и литовского народов в разных областях духовного творчества.

Не только поэты, но и многие другие представители белорусского и литовского общества (аристократы, шляхта, горожане) пользовались в XVI—XVII вв. латинским языком в качестве письменного, литературного. Соотношение латинского и церковнославянского языков с белорусским языком и культурой во многом было одинаково, но все же полностью не равнозначно. Славянская «рецензия» греко-византийской культуры по своему языку была ближе к народной культуре Белоруссии, чем славянская «рецензия» латинской. Как старославянский язык являлся носителем материнской культуры периода Киевской Руси, так знание латыни открывало белорусам путь к познанию античного наследия, лежащего в основе всей европейской цивилизации, нового интеллектуального опыта Европы, давало возможность самим участвовать в общеевропейском литературном движении, международном обмене духовными ценностями между Западом и Востоком. Подобно отшлифованному веками алмазу, классическая латынь (а именно к ней обращались гуманисты) была, естественно, лексически и грамматически разработана лучше, чем молодой язык белорусской народности. Поэтому латинская литература стала настоящей школой стилистики для белорусской литературы, одним из источников обогащения белорусского языка, а латинская образованность оказала действенное влияние на формирование всей белорусской культуры Ренессанса. В этой связи академик Д. С. Лихачев справедливо отметил: «Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы приобщала белорусский народ к литературной культуре Европы и создала фундамент для последующего активного воздействия белорусской литературной культуры на русскую литературу во второй половине XVII в.»[1]

---

[1] Архив Института литературы АН БССР.

Комплексное изучение предпосылок гуманизма, внутренней подготовленности белорусского общества к восприятию латинской культуры, анализ поэтического творчества Вислицкого и Гусовского дают право утверждать, что перед нами целый пласт духовного наследия. Его формирование было связано с первой светской интеллигенцией, творческий поиск и демократическая направленность деятельности которой в целом имели для развития славянской культуры, для утверждения ренессансного гуманизма прогрессивное значение.

В поэзии Белоруссии, Литвы и Польши XVI в. на латинском языке ярко отразились две тенденции общеевропейского литературного развития. Представители первой (Понтано, Саннадзаро, Боярдо и др.) в борьбе за новую литературу шли больше от начитанности, книжности, чем от злободневных жизненных проблем, сами писали и учили писать не по образу и подобию действительности, а по Гомеру, Горацию, Овидию, Аристотелю, Вергилию.

Представители другой тенденции (Данте, Петрарка, Шекспир и др.), высоко оценивая античную литературную школу, отстаивали за писателем право изучать и отражать в поэзии саму жизнь. С этой приближенностью литературы к жизни связаны процессы обмирщения, демократизации искусства, лучшие эстетические достижения Ренессанса и последующих эпох. Ренессансные писатели, которые придерживались в творческой практике этих принципов, поднялись до понимания значения народного языка, постепенно отошли от латыни, внешнего увлечения античной мифологией и стали творцами литератур на родных языках.

Ян Вислицкий стоит как бы на меже этих двух направлений литературного развития — классицистского и реалистического. Многие страницы «Прусской войны», несмотря на классицистские принципы, положенные в ее основу, полны жизни и поэтической свежести.

Представителем другого направления в развитии латинской литературы Белоруссии был Николай Гусовский. Он углублялся в познание пластов реальной жизни, больше доверял собственному жизненному опыту и интуиции, свежему и свободному поэтическому чувству, преодолел некоторые «каноны» классической эстетики и потому пошел дальше Вислицкого, стал первооткрывате-

лем жанра поэтической эпопеи, лирико-эпической поэмы в литературе Центральной и Восточной Европы.

Вислицкий думает о современном, осмысливая историко-героические традиции славян и литовцев. Гусовский обуреваем тревогами и противоречиями своего времени. Он не избегает поэтизации прошлого и вводит в поэтическую канву богатый исторический и этнографический материал. Поэты как бы дополняют друг друга, создают в своих произведениях довольно правдивую картину экономической и политической жизни белорусского народа того далекого времени.

«Прусская война» и «Песня о зубре» — свидетельства этапной эволюции латинской литературы Белоруссии, Литвы и Польши. В этих поэмах будто повторяется сложное движение европейской поэзии от эпоса к лиро-эпосу и лирике, от динамического психологизма к психологизму аналитическому, от школьного увлечения античностью к творческому преодолению ее, от элементов реалистичности к ренессансному реализму. По эстетической программе, по своему ренессансному мировоззрению Гусовский и Вислицкий были первыми поэтами европейского типа в белорусской культуре, зачинателями светской художественной литературы, поэтами, которые преодолевали средневековую эстетическую систему и способствовали появлению в белорусской литературе новых художественных принципов познания и отражения действительности. Их творчество придало раннему Ренессансу в Белоруссии относительную целостность и полнокровность.

Восточные славяне в лице своих талантливых писателей Павла из Кросна, Яна Вислицкого, Николая Гусовского, Георгия из Тычина, Бенедикта Гербеста, Станислава Ореховского, Шимона Шимоновича, Сымона Будного и других внесли весомый вклад в развитие европейской новолатинской литературы вообще и польской в частности. Самобытное творчество некоторых «русских» поэтов является достоянием не только польской, но и национальных литератур восточных славян. Действительно, несмотря на то обстоятельство, что значительный отрезок жизни перечисленных представителей латинской музы проходил в Польше или Западной Европе, любовь к отчизне всегда питала их творческое воображение. Польша была в известной мере передатчицей гуманистических

идей в Белоруссию. Однако такие поэты, как Вислицкий, Гусовский и др., имели возможность черпать эти идеи не только через польское посредничество, но и непосредственно из родников античности и литератур Италии, Германии, Франции. Вот почему их литературное наследие по своему характеру, содержанию и идейной направленности не вмещается в рамки одной польско-латинской поэтической традиции.

Творчество Гусовского и Вислицкого, как и других новолатинских поэтов, не поддается узкому истолкованию с помощью только критериев краевой, национальной, литературы. Эти поэты не придерживались узкопровинциальных интересов. В поэме «Прусская война» воплощен патриотизм общегосударственный — Польши и Великого княжества Литовского, в «Песне о зубре» — главным образом патриотизм Великого княжества Литовского с тенденцией перерастания его в патриотизм отечественный, национальный. Их художественно-литературное наследие является по существу общим достоянием белорусов, литовцев и поляков.

Вислицкий и Гусовский своими произведениями замыкают цепь западноевропейской описательной литературы о Восточной Европе XV—начала XVI в. Они были в числе первых гуманистов, которые пытались похоронить общепринятое в то время на Западе мнение об «иллирийской дикости», «скифском варварстве» восточноевропейских народов.

Вислицкий и Гусовский выступали за признание равенства и самобытности народов, за сближение культур Востока и Запада. В их поэтическом творчестве ярко отразилась важнейшая тенденция развития европейской ренессансной литературы — через обращение к античности возвращение к самим истокам поэзии, реальной жизни. Исполняя свой гражданский долг, открывая Западу белорусско-литовские земли, Гусовский и Вислицкий ратовали за достойное место своей родины среди европейских стран и тем самым выражали высокий уровень исторического самосознания своего народа. Эти поэты-латинисты решали, по существу, задачи одной с Ф. Скориной патриотической и просветительской программы.

Эстетические взгляды Вислицкого и Гусовского характеризуются светской направленностью, рационализ-

мом, глубоким пониманием античной культуры и важности эстетического восприятия читателем, а также отношением к героическим традициям предков как к прекрасному, а к художественной литературе — как к великой организующей эмоционально-моральной силе.

Высокая идея защиты родины от иностранных захватчиков (Ордена крестоносцев, турок и татар), воспевание могущественной силы славянско-литовского боевого содружества, антивоенный пафос, открытая критика дискриминационной и крепостнической в своей основе политики шляхетской Польши и «магнатской» Литвы, проповедь толерантности и братства европейских народов, а также высокое художественное мастерство возвышают авторов поэм «Прусская война» и «Песня о зубре», особенно Гусовского, до уровня европейских поэтов и ставят в один ряд с Ф. Скориной.

Специфика общей культурной ориентации Гусовского и Скорины определяется их стремлением к христианизации античной этики и эстетики, к гуманизации христианских представлений, к утверждению равноценности древнерусских и античных традиций, общечеловеческого начала в культурных ценностях прошлого. Гусовский и Скорина стали по праву зачинателями эстетической науки Белоруссии. Духовная общность в мировоззрении и живая внутренняя связь творческих устремлений этих великих людей свидетельствуют об их принадлежности к единой национальной культурной традиции.

О возможном знакомстве Гусовского с книгами Скорины свидетельствует такая деталь. Титульный лист «Песни о зубре» сделан, как нам представляется, по образу и подобию титульного листа «Библии руской» (кн. «Бытия», 1519) и заставок «Малой подорожной книжицы» (Вильно, 1522). Он состоит, как и в «Библии руской», из четырех отдельных белоштриховых заставок, сделанных на черном фоне. По композиционному расположению отдельных деталей растительного орнамента и архитектурных мотивов, по стилю исполнения наблюдается сходство с заставками «Малой подорожной книжицы».

Исследование идейно-эстетических особенностей «Прусской войны» как эпической поэмы и «Песни о зубре» как своеобразной лирико-эпической поэмы дает возможность увидеть появление принципиально новых качеств в жанре этих произведений, уровень художествен-

ного сознания и характер литературного процесса у восточных славян эпохи Возрождения.

«Прусская война» Яна Вислицкого — это первая попытка создания в новолатинской литературе Польши, Белоруссии и Литвы национальной эпопеи о борьбе славянского и литовского народов за свою независимость и суверенитет. Автор видел в Грюнвальде прекрасный пример для воспитания молодежи на героических традициях отцов.

Поэтика поэмы «Песня о зубре» соответствует принципам эстетики Ренессанса. Творчество Гусовского — в определенной степени целостная эстетическая и стилистическая система. Ключом к пониманию художественного мира «Песни о зубре» служит ренессансный реализм, нашедший в поэме талантливое воплощение. Гусовский достиг «высот» жанра лирико-эпической поэмы благодаря и тому, что мастерски использовал приемы типизации литературы нового времени, богатый арсенал изобразительных средств.

Богатый литературный опыт Вислицкого и Гусовского был известен и развит латинистами Белоруссии и Литвы второй половины XVI—XVII вв. М. Литвином, С. Будным, А. Воланом, А. Ротундом, В. Агриппой, И. Пельгримовским, Б. Гиацинтом, С. Рысинским, К. Сарбевским, С. Полоцким, П. Роизием и др. Показательно, что новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы, ренессансные реалистические традиции Вислицкого и Гусовского плодотворно влияли и на становление национальных восточнославянских литератур, в том числе собственно белорусской (А. Рымша, Г. Смотрицкий, Л. Мамонич, Л. Зизаний, П. Беринда, К. Пентковский).

Вследствие того что для белорусской культуры XV—XVII вв. характерно параллельное сосуществование мощной фольклорно-национальной и возрожденной к новой жизни старой книжной (византийской, древнерусской и античной) стихий, то и зарождение литературной белорусской поэзии в конце XV—начале XVI в. происходило в первую очередь под их благотворным влиянием.

Влияние античной и новолатинской стихотворной школы на восточноевропейскую литературу проявлялось главным образом в творческом освоении поэтами ее грандиозного художественного опыта и в осмысленном перенесении его на национальную почву с учетом специ-

фики конкретного содержания произведений и просодии народных языков. Несомненно, латинская поэзия влияла на развитие в белорусской литературе таких жанров, как эпиграмма, элегия, историческая и лирико-эпическая поэма, эпитафия.

Гуманисты конца XVI в. популяризовали в Западной Европе тогдашнюю белорусскую литературу в переводах на латинский язык. Свидетельством тому письма С. Рысинского, изданные в 1587 г. в Альтдорфе и адресованные семейству Бучинских. С. Рысинский сообщает о своей кропотливой работе над переводом эпиграмм белорусского поэта А. Рымши на латинский язык. Расширяется жанровый диапазон латинской поэзии Белоруссии и Литвы в сатирических и драматических произведениях.

Гуманистическая мысль Я. Вислицкого, Н. Гусовского и других оказала определенное влияние на дальнейшее развитие и польско-латинской литературы (А.-Ф. Моджевский, А. Кржицкий, Я. Кохановский, С. Кленович, Я. Ласицкий), европейской историографии (С. Герберштейн, М. Кромер, А. Гваньини и др.), на повышение интереса к Белоруссии и Литве в Западной Европе.

Латино-белорусская поэма XVI в. является своеобразным, хотя и не непосредственным звеном в белорусской литературе XIX в., где жанр поэмы был одним из ведущих и связывается с этапом становления классической национальной литературы по своей эстетической природе. Свет истинной поэзии, зажженный Николаем Гусовским, не только осветил культуру Белоруссии и Литвы XVI в., но, пробившись сквозь толщу столетий, еще более ярко вспыхнул в «Пане Тадеуше» А. Мицкевича, творчество которого оказало сильное влияние на становление всей белорусской литературы XIX в. Воздействие «Песни о зубре» на Мицкевича было возможным потому, что поэма Гусовского как один из великих литературных памятников в каждую эпоху поддается новому прочтению.

Новолатинская поэзия Белоруссии, опираясь на передовые западноевропейские литературные традиции, опережала развитие собственно белорусской литературы и привносила в нее новые философско-эстетические принципы отражения действительности. Она расширяет общепринятое представление о процессе развития белорусской литературы, богатстве полилингвистической культу-

ры Белоруссии эпохи Возрождения. Следует поставить вопрос о европейском значении ее художественной литературы XVI в., раскрыть античную традицию в белорусской письменности, влияние античного стихосложения на белорусский стих. Это обстоятельство требует от филологов в значительной мере по-новому и более углубленно осмысливать литературный процесс в целом и освещать историю белорусской литературы и культуры конца XV—XVIII вв. с учетом существования в Белоруссии многоязычной литературы, в том числе новолатинской.

Латинская литература в целом не может кардинально повлиять на пересмотр научной периодизации истории восточнославянских литератур дооктябрьского периода, построенной главным образом на основе литературных явлений, созданных на родном языке. Однако всестороннее ее изучение поможет заполнить некоторые пробелы, уточнить и обогатить отдельные этапы и само понимание развития белорусской, литовской и украинской литератур. Особенно это относится к литературе эпохи Ренессанса, периода барокко, эпохи Просвещения. Тогда можно было бы подойти к раскрытию фундаментальных тем: «Литература Белоруссии на латинском языке» и «Латинская литература в Восточной Европе». Полное представление о латинской литературе восточноевропейского ареала XV—XVII вв. возможно при условии более глубокого изучения рукописного материала.

Прогрессивная новолатинская литература с ее способностью творчески воспринимать богатые интернациональные традиции общеевропейской культуры находится в русле идеологических проблем современности, может и должна служить благородным целям духовного обогащения нашего современника.

СОКРАЩЕННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ДОРОШКЕВИЧ

НОВОЛАТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ
Первая половина XVI в.

Редактор Л. А. Шрубок. Обложка А. Н. Васильева. Художественный редактор В. Ф. Гринкевич. Технический редактор А. В. Скакун. Корректор И. А. Альперович

ИБ № 448

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 10.11.78. Подписано в печать 02.03.79. АТ 11029. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 1000 экз. Зак. № 1619. Цена 1 р. 40 к. Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.

